

Б912

-44161-

И. Д. БУРАЕВ

СТАНОВЛЕНИЕ
ЗВУКОВОГО СТРОЯ
БУРЯТСКОГО
ЯЗЫКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО · НАУКА ·
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
БУРЯТСКИЙ ФИЛИАЛ
Бурятский институт общественных наук

4С(Бур)
Б912

И.Д. БУРАЕВ

СТАНОВЛЕНИЕ ЗВУКОВОГО СТРОЯ БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА

Ответственные редакторы

В. М. Надеяев

канд. филол. наук И. Я. Селютина

БИБЛИОТЕКА

Калмыцкого научно-исслед.
института истории, филологии
и экономики

НОВОСИБИРСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1987

Бураев И. Д. Становление звукового строя бурятского языка. - Новосибирск: Наука, 1987.

В монографии комплексно исследуются внутренние и внешние причины звукового развития бурятского языка на историческом фоне взаимодействия его с другими родственными и неродственными языками; прослеживается динамика становления системы согласных и гласных фонем. Характеризуются важные для развития звуковой системы бурятского языка фонетические процессы палатализации, спондантизации, явление сингармонизма, особенности сочетаемости и локализации звуков в словоформах и др.

Книга предназначена лингвистам.

Рецензенты Ц.Ц. Цыдыпов, Л.Д. Шагдаров

Игнатий Дмитриевич Бураев

СТАНОВЛЕНИЕ ЗВУКОВОГО СТРОЯ
БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА

Утверждено к печати Бурятским институтом общественных наук
Бурятского филиала СО АН СССР

Редакторы издательства Т.Н. Апсит, В.И. Смирнова.
Художник С.Н. Машков. Технический редактор Н.М. Остроумова.
Корректоры Е.В. Тухтарова, Т.Ф. Погиблова

ИБ № 30434

Сдано в набор 27.03.87. Подписано к печати 25.08.87. МН-02521.
Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная. Офсетная печать.
Усл. печ. л. 11,5. Усл. кр.-отт. 11,9 Уч.-изд. л. 13,8.
Тираж 700 экз. Заказ № 714. Цена 2 р. 70 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство "Наука",
Сибирское отделение. 630099, Новосибирск, 99, Советская, 18

4-я типография издательства "Наука". 630077, Новосибирск, 77,
Станиславского, 25.

Б $\frac{4602010000-865}{042(02)-87}$ 330-87-11

© Издательство "Наука", 1987 г.

Назначение данной работы – осветить развитие и становление фонетического строя бурятского языка, одного из развитых современных монгольских языков. Несмотря на то, что сравнительно-историческая монголистика прошлого и настоящего занималась преимущественно проблемами исторической фонетики монгольских языков, до сих пор нет исследований, в которых с необходимой полнотой разрабатывались бы вопросы развития и формирования звукового строя какого-нибудь одного конкретного монгольского языка. Вопросы диахронической фонетики решались без учета фонологической теории, ввиду ее недостаточной разработанности до последнего времени, что послужило серьезным препятствием для правильной интерпретации эволюции звуков, изменения состава и системы фонем исследуемых языков. Поэтому основной своей задачей автор считает изучение вопросов фонетики бурятского языка, этапов ее развития, а также выяснение того, что из фонетического прошлого монгольских языков в ней осталось и какие появились инновации. Цель работы – установить причинные связи в эволюции звукового строя, обусловленные как внутренними закономерностями, так и внешними условиями развития языка в целом, рассматривая все эти вопросы фонетического развития бурятского языка с обязательным учетом современной теории фонем.

Бурятский язык – язык многодиалектный. Однако специальное рассмотрение диалектных различий не входило в задачи данного исследования, так как это – предмет исторической диалектологии. Между тем диалектальные различия являются существенными, а порой единственными показателями для выявления отдельных фонетических процессов и явлений. Именно в этой связи в данной работе широко используются диалектные фонетические особенности.

Постановка вопроса об эволюционном развитии звукового строя бурятского языка и разработка его как в генетическом, так и в сравнительном аспектах стали возможными только после того, как в основном были изучены и описаны все основные диалекты бурятского языка и завершились фронтальные сборы материалов по всем бурятским говорам.

В течение десяти лет (1957–1967) диалектологические экспедиции языковедов Бурятского филиала Сибирского отделения АН СССР работали во всех населенных пунктах этнической Бурятии и собрали значительный материал по языку, фольклору, этническому составу бурят. Экспедиции этих лет проводились с обязательной программой экспериментального фонетического исследования. Материалы эти одинаково ценны для использования их как в исторических, так и в синхронических работах, поскольку представляют собой в основном связанные тексты по всем говорам и сбор их не был ограничен рамками специальных программ. Почти все данные по современному состоянию бурятских диалектов, использованные в на-

стоящей работе, взяты из этих материалов. С благодарностью называю имена участников экспедиций – С.Б. Будаева, Д.Г. Дамдинова, Н.Б. Дугарова, Ц.Б. Цыдендамбаева (ныне покойного), Л.Д. Шагдарова, а также в разные годы принимавших в них участие А.Р. Бадмаева, Д.Б. Базаржапова (ныне покойного), У.–Ж. Дондукова, Э.Р. Раднаева, В.И. Рассадина, Ц.Ш. Цырендоржиевой. Автор участвовал во всех этих экспедициях.

С 1967 г. начался сбор материала по специальной программе, предназначенной для составления диалектологического атласа бурятского языка.

Работа состоит из трех глав. В первых двух главах характеризуются согласные и гласные фонемы бурятского языка с историко-генетическими экскурсами. Характеристики отдельных фонем не всегда соразмерны, поскольку одни из них прошли довольно сложную эволюцию, имеют много различных сдвигов, переходов, "переломов" и т.п., а другие звуки оказались весьма устойчивыми и за долгий период развития почти не претерпели каких-либо существенных изменений. "Неравномерность изменений, происходящих в различных звеньях единой языковой структуры... является аксиомой диахронического языкознания" 1.

В начале первых двух глав в общих чертах, эскизно представлена динамика системы фонем гипотетического общеалтайского, древнемонгольского, протобурятского и современного бурятского языков. Анализ отдельных фонем современного бурятского языка дается детально, с учетом диалектных особенностей. Безусловно, было бы более наглядно, если бы сравнительный анализ звукового состава диалектов был представлен автономно по каждому из них. Однако при этом оказались бы неизбежными излишние повторы при характеристике большинства звуков. Поэтому при определении фонологических единиц, характерных только для отдельного говора или группы говоров, обязательно указывается их диалектная принадлежность. Описание же общих для всех бурятских говоров звуков дается без указания их диалектной локализации.

Третья глава состоит из самостоятельных разделов, посвященных анализу фонетических процессов и явлений, которые существенным образом повлияли на развитие звуковой системы бурятского языка в целом и отдельных его диалектов в частности.

В данной работе нет специальных разделов, посвященных древним и средним периодам развития звукового строя монгольских языков и диалектов. Эти сведения приводятся по ходу описания отдельных звуков, при анализе конкретных фонетических изменений. В более обобщенном виде они даются в сравнительно-исторических исследованиях наших предшественников. Причем используются здесь лишь те сведения из "предыстории", которые в конечном счете определили становление звукового строя современного бурятского языка. Таким образом, в возможных пределах здесь соблюдается сочетание синхронного и диахронного подхода к изучаемой проблеме. Резкое разграничение синхронической и диахронической лингвистики, выдвинутое в свое время Ф. де Соссюром, осуждалось его же уче-

никами и последователями. Структуралисты пражского лингвистического кружка в своих известных "Тезисах..." писали: "Представление о языке как о функциональной системе должно приниматься также во внимание и при изучении прошлых языковых состояний независимо от того, предстоит ли их воссоздать или описать их эволюцию. Но нельзя воздвигать непреодолимые преграды между методом синхроническим и диахроническим, как это делала женеvская школа. Если в синхронической лингвистике элементы системы языка рассматриваются с точки зрения их функций, то о претерпеваемых языком изменениях нельзя судить без учета системы, затронутой этими изменениями. Лингвистические изменения часто имеют своим объектом систему, ее упрочение, перестройку и т.д. Таким образом, диахроническое изучение не только не исключает понятий системы и функций, но, напротив, без учета этих понятий является неполным" ².

Вопросы общей теории исторической фонетики интенсивно разрабатываются советскими и зарубежными учеными. Основные положения, отражающие пути развития фонетического строя языков, разработаны достаточно полно. Они вполне приемлемы при исследовании конкретных языков, в частности при изучении вопросов становления и дальнейшего развития звукового строя бурятского языка. Поэтому автор активно пользуется ими и опирается на них. Что же касается монгольских языков, то теоретические вопросы исторической фонетики и генетического развития их звукового состава исследованы достаточно глубоко в трудах Г. Рамстедта, Б. Я. Владимирцова, А. Мостарта, Н. Н. Поппе, Л. Лигети, Г. Д. Санжеева, Ш. Лувсанвандана и других. Исследования в этой области продолжают и в настоящее время. Появилась работа В. И. Рассадина, специально посвященная вопросам исторической фонетики бурятского языка ³. Несмотря на это, по многим узловым вопросам развития фонологической системы и генезиса звуков бурятского языка нет однозначного решения. Совершенно недостаточно обследованы причинно-следственные связи конкретных звуковых изменений, обусловленных внутренними и внешними факторами, а также их взаимодействиями. Все эти вопросы требуют дальнейшего анализа, и предлагаемая работа является одной из попыток развития исследования как раз в этом направлении.

Несмотря на то, что в решении сложных вопросов используются современные объективные методы экспериментально-фонетического исследования, по ним трудно сделать безоговорочные выводы, учитывая всю сложность разрабатываемой проблемы. Именно поэтому многие выводы автора все еще носят дискуссионный характер, а по некоторым вопросам полемичность может быть даже усилена. Автор полагает, что дискуссионность отдельных выводов дает новый стимул для появления более глубоких исследований в этой области, так как любые научные споры всегда могут и должны приносить пользу науке вообще и монголоведческой науке в частности.

Автор выражает благодарность всем принимавшим участие в обсуждении работы за их ценные замечания.

Современный бурятский язык – это язык бурятской социалистической нации. Основные носители его, буряты, населяют территорию Бурятской АССР, Усть-Ордынского Бурятского автономного округа Иркутской области, Агинского Бурятского автономного округа Читинской области и некоторые другие районы этих областей. Группы бурят живут также в северной части МНР и на северо-востоке КНР. Общая численность бурят в СССР составляет 353 тыс. чел. (по данным Всесоюзной переписи населения СССР 1979 г.). Генетически бурятский язык относится к монгольской группе языков. История его развития показывает, что он прошел длительный и обособленный, отличный от других монгольских языков путь развития.

Язык, как любое другое явление, непрерывно развивается, подчиняясь своим внутренним законам и влиянию различных внешних причин. "В языке, как и вообще в природе, все живет, все движется, все изменяется. Спокойствие, остановка, застой – явление кажущееся; это частный случай движения при условии минимальных изменений. Статика языка есть только частный случай его динамики"¹. Так образно и в то же время диалектически очень точно охарактеризовал языковую эволюцию И.А. Бодуэн де Куртене еще в конце прошлого столетия.

Язык как особое социальное явление, служащее "важнейшим средством общения", имеет свои собственные, отличные от других общественных явлений закономерности развития. Эти специфические закономерности изменения фонетического строя, грамматики и лексики языка известны в общей лингвистике под названием внутренних законов развития языка. Одним из основных видов развития языка являются звуковые изменения, получившие название фонетических законов.

К таким закономерностям фонетического изменения в бурятском языке относятся различные случаи ассимиляции и диссимиляции согласных и гласных, оглушение слабых согласных в конце слова или в середине слова перед сильными согласными, образование долгих гласных, монофтонгизация дифтонгов, редукция кратких гласных в непервослоговых позициях, явление палатализации, спирантизация и деаффрикатизация согласных и т.д.

Одним из универсальных факторов фонетического развития монгольских языков является закономерный переход гласного i в другие гласные, получивший название "переломы гласного i". Этот фонетический закон был замечен алтаистами-компаративистами уже давно, хотя формулировался по-разному. Наиболее четкое определе-

ние он получил в трудах Б.Я. Владимирцова, который фонетические явления, связанные с эволюцией гласного i, хронологически разграничил на два периода, выделив первый и второй переломы гласного i. Однако в самой полной форме законы переломов гласного i в монгольских языках были сформулированы Г.Д. Санжеевым. Он, уточняя периоды двух переломов i, добавляет к ним первый перелом гласного i, предшествующий переходу согласных t и d в соответствующие аффрикаты tʃ и dʒ. По справедливой оценке Г.И. Михайлова, это открытие Г.Д. Санжеева "является тем звеном, которого нам так недоставало для решения ряда проблем как фонетики, так и этимологии и семантики монгольских языков"².

Крупнейшие представители сравнительно-исторического языкознания в качестве универсального для всех языков закона фонетического изменения выдвигали "теорию экономии усилий", или "принцип экономии", под которым понимали тенденцию к экономной, логически удобной организации языка, простоте или гармоничности его системы. Особенно последовательно, как известно, развивал эту теорию А. Мартине³.

На самом деле принцип экономии лишь одна сторона единого целого, представляющего постоянный процесс развития и совершенствования языка. С развитием общества развивается его язык, появляются новые слова, новые конструкции, иногда более сложные и абстрактные, трудные в артикуляционно-акустическом отношении. Своеобразной реакцией на это и является так называемый "принцип экономии", означающий постоянную "борьбу" за простоту и совершенствование артикуляции, улучшение языка в целом. В этом проявляется непрерывная и закономерная борьба противоположностей (суть материалистической диалектики), раскрывающая неразрывное единство языка, постоянно развивающегося и постоянно совершенствующегося. Как справедливо указывал Ф.П. Филин, "развитие языка осуществляется только благодаря наличию и преодолению имеющихся в языке противоречий, которыми он пронизан на всех своих уровнях"⁴. Язык, как и любое явление в природе и обществе, находится в динамике, внутренним источником которой является диалектическое единство двух противоположных тенденций в языке усложнения и упрощения. Вот почему в языке существует ограниченное количество фонем, аффриксов и т.д.

Благодаря трудам компаративистов прошлого столетия большую популярность получил всеобщий закон аналогии. Действительно, в любых языках фонетические изменения по аналогии играют значительную роль в развитии звукового строя. Одни языковеды относят этот фактор изменения языка к внутренним законам его развития, а другие, наоборот, считают, что он имеет своим источником заимствования из других языков и соответственно связан с внешними факторами развития языка. Такое прямолинейное разграничение фонетического развития по аналогии едва ли оправдано. Закон аналогии может иметь своим источником или звуковые изменения (тогда он относится к внутренним законам развития языка), или заимствования и другие явления, относящиеся к сфере языковых кон-

тактов (тогда аналогию следует рассматривать как внешний фактор развития языка).

Из истории развития фонетического строя бурятского языка можно привести такой весьма показательный пример. Процесс перехода $s > h$ вызвал переход аффрикаты t_s в спирант s , что уже по закону аналогии повлекло за собой процесс спирантизации других аффрикат: $t'_s > s'$, $d'_z > z'$, $d_z > z$.

Основные внешние факторы в развитии языка – это явления, которые входят в сферу языковых контактов. Сюда же относятся все случаи, связанные с социальным прогрессом общества. Действительно, развитие науки и просвещения, материальный и культурный прогресс общества, НТР и т.д. играют существенную роль в изменении языка. Язык – это явление социальное, он возникает и развивается вместе с возникновением и развитием общества и является одной из неотъемлемых его сторон. Развитие языка непосредственно связано с развитием общества, которое он обслуживает. Проблема связи языка и общества является сложной и многосторонней, она является не только проблемой лингвистической, но и философской, психолого-социологической и т.д.

Изменение языков, разобщение и образование новых самостоятельных языков составляют органическое единство с общим процессом развития общества. В конспекте книги Л. Моргана "Древнее общество" К. Маркс писал, что еще в условиях родового общества при постоянной тенденции к разделению племен неизбежны "образования различий в языке", причем "локальное разобщение в пространстве вело с течением времени к появлению различий в языке; это приводило к обособлению интересов и к полной самостоятельности"⁵.

Но полностью изолированных языков почти не бывает⁶. Разобщенные языки или диалекты обязательно соприкасаются или контактируют с другими зачастую иносистемными языками. Если иметь в виду звуковой аспект языка, то такие контакты приводят к интенсивному отделению от языка-источника, к существенным изменениям фонетического строя языка и в конечном счете его фонологической системы.

Взаимодействие языков, или языковые контакты, является одним из существенных экстралингвистических факторов развития языка. В последние годы исследование вопросов языковых контактов получило широкое развитие как у нас в стране, так и за рубежом, что, вероятно, связано с актуальными проблемами современной языковой ситуации, интенсивным развитием взаимодействия языков. Сам термин "языковой контакт" стал широко употребляться благодаря трудам У. Вайнрайха, А. Мартине, Э. Хаугена и других⁷. Обобщенно можно выделить следующие основные явления, которые входят в сферу действия языковых контактов:

1. Субстраты (собственно субстрат, суперстрат, адстрат).
2. Заимствования.
3. Двуязычие и связанная с ним интерференция.
4. Конвергенция (звуковые схождения) и дивергенция (расхождение аллофонов одной фонемы и образование из них самостоятельных фонем), связанные с явлениями языковых контактов.

5. Креолизация (креольские языки).

Субстрат, как известно, появляется в результате интенсивного контактирования языков и представляет собой следы поглощенного языка в составе языка, который в общем сохранил свою лексику, грамматический строй и фонетику. Как пишет В.И. Абаев, "явление субстрата возникает в тех случаях, когда имеет место массовое усвоение коренным населением чужой речи в результате завоевания, этнического поглощения, политического господства, культурного преобладания и пр. При этом местная языковая традиция обрывается, и народ переключается на традицию другого языка"⁸.

Как видно из сказанного, проблема субстрата связана с историей народа. "Это такая проблема, - говорит о субстрате В.Н. Силоров, - без которой не может обойтись лингвист, если он захочет изучить подлинную историю языка"⁹.

Факты бурятского языка показывают, что в истории его развития имело место изменение состава его носителей. Языковые, исторические, этнические, антропологические и другие данные говорят о том, что предки нынешних бурят где-то на рубеже XI столетия н.э. и позже имели интенсивные контакты главным образом с тунгусскими и частично с тюркскими племенами. Что же касается довольно обильных заимствований из других языков (самодейских, палеоазиатских), то они могли быть опосредованными через тунгусский.

Г.Д. Санжеев связывает начало образования самостоятельных монгольских языков с периодом распада империи Чингисхана и его преемников. Большинство современных монгольских языков начали складываться в отдельные самостоятельные языки действительно в этот период, приблизительно в XIV - XVI вв. Что же касается начала складывания бурятского языка, то Г.Д. Санжеев делает следующую оговорку: «Северные монгольские племена - предки современных бурят-монголов - обитали в районе озера Байкал и в отличие от прочих монгольских племен в XIII в. были еще слабо охвачены процессом номадизации... По языку эти племена не отличались от прочих монголов в такой степени, как ойраты, хотя, конечно, говорили на своих племенных диалектах. Эти "протобурятские" племена в целом не были полностью охвачены монгольской государственностью... в начале XIII в. и позже... продолжали оставаться в Прибайкалье, не принимая никакого участия в завоевательных походах Чингисхана и его преемников»¹⁰.

Несколько иную точку зрения о сроках пребывания предков нынешних бурят в Прибайкалье высказывал Н.Н. Козьмин. Он писал, что "ядро бурятского народа" явилось в Прибайкалье не позднее XIV в. и не ранее второй половины XIII в.¹¹

С этим выводом Н.Н. Козьмина не соглашается В.И. Сосновский, который на основании анализа фольклорных материалов и других источников утверждает, что "впервые монголо-бурятские племена, с хоринцами во главе, проникают на северо-восточный берег Байкала в начале X века"¹². Время поселения предков бурят на

занимаемой ими ныне территории вокруг Байкала, определенное В.И. Сосновским, подтверждается более точными археологическими данными.

По материалам археологических раскопок можно судить, что монголоязычные кочевники переселились в пределы занимаемой ныне бурятами территории вокруг Байкала не позднее XI–XII вв. н.э. К этому периоду относятся захоронения кочевников-скотоводов, раскопанные А.П. Окладниковым в верховьях р. Лены и Г.Ф. Дебедем в низовьях р. Селенги¹³.

Как пишет академик А.П. Окладников, археологические материалы "позволяют предполагать проникновение монголоязычных кочевников в глубь Прибайкалья еще ранее, т.е. до образования Монгольской империи. Проникнув в эти далекие места, часть монголов могла остаться там фактически независимой от Чингисхана и его преемников. Именно так и случилось, по-видимому, с предками ленских бурят, считавших себя аборигенами этого края, потомками мифических сыновей быка-первопредка Буха-нойона Эхирита и Булагата"¹⁴.

Если время проникновения монголоязычных племен на территорию циркумбайкальского региона можно считать более или менее установленным, то вопрос о том, какое монгольское племя было первым в этом движении на Байкал, до сих пор не нашел убедительного ответа. Ц.Б. Цыдендамбаев в результате изучения бурятских исторических хроник и родословных, а также анализа большого материала по родовому составу нынешних бурят пришел к выводу, что "происхождение двух групп бурят, в наше время называемых булагатами и хоринцами, берет начало от протомонголов сяньбийского времени". Здесь же он уточняет, что "племена бурет ~ бурят (или булаган) и хор (или кори), независимо друг от друга... стали первыми протобурятскими племенами"¹⁵.

В.И. Сосновский делает более категоричное утверждение о том, что, "по данным якутского фольклора, первыми монголами на Байкале были "хоро", т.е. предки нынешних хоринцев"¹⁶.

В литературе встречается ряд высказываний о сяньбийском происхождении предков хоринцев – основного населения нынешних бурят. Например, Л.Л. Викторова пишет, что, когда распалось сяньбийское племенное объединение, часть его переселилась на север и стала называться "тухой-хунь, тогон, а-жа, позднее - хор"¹⁷. Л. Лигети отмечает, что "племена сяньби имели северную группу, которая обитала к югу от Байкала"¹⁸. Это опять-таки территория нынешнего расселения хоринских бурят.

Однако "сяньби" слишком общее название, и не случайно историки предпочитают употреблять термин "сяньбийское племенное объединение". Отсюда, как известно, выделились кидане – монголоязычные племена сяньбийского происхождения, которым в бурятских фольклорных произведениях, исторических легендах и преданиях уделяется большое место.

Предки бурят находились в длительном контакте с байкальскими эвенками, которые населяли занимаемую ныне бурятами территорию вокруг Байкала до прихода туда монголоязычных племен. При интенсивном взаимодействии их языков бурятский язык в основном сохранил свою лексику, грамматический строй и фонетику, приобретая в то же время много особенностей, проявившихся в виде субстратных явлений. Эвенкийский же язык, точнее, язык байкальских эвенков, фактически оказался поглощенным, но следы его прослеживаются в фонетике бурятского языка. Последний легко отличить от других монгольских языков по наличию в нем тех фонетических особенностей и отдельных элементов, которые были свойственны языку байкальских тунгусов (эвенков). Это явилось одной из причин обособления и образования самостоятельного монгольского языка — бурятского. Именно в этом отношении носителей бурятского языка следует считать аборигенами занимаемого ими ныне региона вокруг Байкала.

Одним из немногих, но достаточно заметных элементов эвенкийского субстрата в бурятском языке является наличие в нем фарингального звука h. Более существенным фонетическим субстратом, видимо, надо считать сохранение эвенкийской артикуляционной специфики в звуковом строе бурятского языка. Бурятский язык в этом отношении коренным образом отличается от других живых монгольских языков. Если произносительные навыки монголов и калмыков отличаются быстротой и напряженной артикуляцией слов в предложении с сильной редукцией кратких гласных вплоть до полного их выпадения, то бурятский язык характеризуется в основном монотонностью, несколько замедленным темпом речи, заметной качественной редукцией кратких непервослоговых гласных при отсутствии количественной редукции.

Произносительные привычки, или артикуляционная база языка как система произносительных навыков, являются самой консервативной стороной фонетики или языка в целом и является одним "из существенных исторических источников в восстановлении этногенетических процессов"¹⁹. На основе лингвистических исследований И.А. Бодуэн де Куртенэ пришел к выводу, что небольшая народность резьяне, проживающая на севере Италии, образовалась в результате ассимиляции славянского и туранского (тюркского) племен. Туране полностью утратили свой родной язык и перешли на славянское наречие, но в их произношении остались следы туранского языка, сохранились "некоторые чисто фонетические особенности" в виде гармонии гласных²⁰. В истории народов и их языков таких примеров встречается немало. Например, ссылаясь на исследования известного итальянского лингвиста прошлого века Г. Асколи, Бодуэн де Куртенэ пишет, что говоры швейцарских гриджонов, тирольских ладинов и фуриан представляют результат реакции языка каких-то исчезнувших племен на романский язык, их поглотивший. В той же Швейцарии встречаются ославянившиеся немцы, которые "забыли свой родной немецкий язык, стали говорить по-славянски, но с чисто немецким произношением"²¹.

О длительных и тесных контактах предков нынешних бурят (монголов) и эвенков, которые в различных "деловых документах" и отписках казаков назывались "байкальскими тунгусами", свидетельствуют многочисленные факты, относящиеся не только к языковым, но и к историческим, этногенетическим и другим данным.

Рассматривая проблему субстрата в енисейских языках, А.П. Дульзон писал: "Чтобы доказать наличие субстрата, необходимо кроме лингвистических данных широко привлекать данные археологии, этнографии и антропологии"²². История данного региона является в этом отношении весьма показательной.

Современные бурятские топонимические названия в основном эвенкийского происхождения. Это касается не только территории Бурятской АССР, но и территории современных бурятских автономных округов Иркутской и Читинской областей, словом, всех регионов этнической Бурятии. Например, название р. Селенги восходит к эвенкийскому сэлэ 'железо': сэлэ+нга или сэлэ+мжа 'железный'; большое степное пространство в Читинской области - ага, откуда получил свое название Агинский Бурятский автономный округ, по-эвенкийски означает 'степь, поле'; название р. Кулинги, впадающей в Лену, по долине которой живут эхиритские буряты, по-эвенкийски означает кулин 'змея', кулинга 'змеиный' и т.п.

В родоплеменной структуре бурят и эвенков встречаются много названий родов, одновременно относящихся к обоим народам: гучит, каранут, узон, улет, хатыгин и другие. Компетентные выводы по этому вопросу даны в работах Б.О. Долгих²³ и Ц.Б. Цыдендамбаева²⁴.

Антропологически буряты стали заметно отличаться от монголов, относящихся в основном к центральноазиатскому типу. Даже визуально легко установить, что основная масса бурят больше тяготеет к байкальскому антропологическому типу.

Во многих бурятских эпических произведениях и сказаниях, в исторических легендах и преданиях встречаются повествования о брачных связях между бурятами и тунгусами, а в шаманских гимнах поется о том, что некоторые бурятские роды имеют хамниганское (эвенкийское) происхождение. Например, Ц. Жамцарано в 1903 г. записал в Алари у "знаменитого" Хара Намгана (Харитона Терентьева) шаманское призывание следующего содержания:

Тайбиин табинаэб,
Таби найман хамниганаэб,
јодоогой јороноэб,
јоро найман хамниганаэб.
Утхалма утхамни
Хамниган бее,
Хатар ехэ одигон²⁵

Я из рода пятидесяти почитаемых,
Я из рода пятидесяти восьми хамниган,

Я из стана шестидесяти почитаемых,
Я из стана шестидесяти восьми хамниган.
Предки мои – хамниганова рода шаман
И великая шаманка-плясунья.

Эти, на первый взгляд чисто внешние, показатели свидетельствуют о продолжительности нахождения бурят и хамниган (эвенков) на одной или смежной территории и об активных контактах между ними, приведших в некоторых регионах к их полной ассимиляции.

О количестве тунгусов, обитавших вокруг Байкала, в предисловии к "Грамматике тунгусского языка" Кастрена акад. А. Шифнер пишет следующее: "В Иркутской губернии по левому берегу Лены проживали 826 душ мужского пола и 869 душ женского пола тунгусов, в районе самого Иркутска, по берегу Байкала и севернее – 890 д.м.п. и 815 д.ж.п., в Забайкалье: севернее Верхнеудинска – 1250 д.м.п. и 1145 д.ж.п."²⁶ и т.д. Эти данные относятся к началу 1800 г., а ко времени прихода монголоязычных племен на территорию вокруг Байкала эвенков здесь могло быть значительно больше, если иметь в виду, что монголы переселились на данную территорию не позднее X–XI вв. Как показывают археологические данные, именно к этому периоду относятся захоронения первых кочевников-скотоводов (монголов).

При интенсивном контактировании эвенкийского и монгольского языков на данной территории первый фактически оказался поглощенным, оставив свои следы в виде отдельных субстратных элементов в фонетике уже самостоятельного бурятского языка.

Широко распространенное явление в языке – заимствование – прежде всего касается словарных единиц в целом, но не может не отразиться и на фонетическом строе языка. Вместе с заимствованными словами попадают звуки или их сочетания, не свойственные заимствующему языку. Фонетические изменения заимствованных слов, степень их отражения в звуковой системе заимствующего языка опять-таки зависят от конкретно-исторических условий. Например, русские заимствования в бурятском языке первоначально "перемальвались" по артикуляционным нормам бурятского языка: 'вожжи' произносилось bo:žo, 'ведро' – b'idru:, "фуфайка ~ куфайка" – kupa:t'i – ɟubʒe:s'i и т.д. При наличии двух или более согласных в начале или конце заимствованных слов, как правило, вставлялись эпентетические гласные или между этими сочетающимися согласными, или в начале и в конце слов: в.м. 'трактир' говорили taragt'i:r, в.м. 'стол' – osto:l, в.м. 'тракт' – tara:ɡta и т.д. Однако на более поздних этапах с развитием массового билингвизма, ростом образовательного и культурного уровня носителей бурятского языка иноязычные слова, соответственно и звуки в них (отсюда не исключаются и несвойственные бурятскому языку сочетания согласных), все чаще стали произноситься почти так же, как и в языке-источнике. Сейчас уже некоторые исследователи современного бурятского языка находят в нем новые фонемы типа в, ф, к.²⁷

В одной из своих работ по вопросу заимствования Э. Хауген правильно указывал, что "всякое заимствование, допускаемое в тот или иной язык, является для него неким новым элементом"²⁸. Однако эти инновации на разных стадиях процесса заимствования по-разному отражаются в заимствующем языке. Приведенные выше примеры показывают, что привнесенные в бурятский язык русские слова на ранних этапах подвергались почти полной фонетической адаптации, т.е. несвойственные бурятскому языку звуки или их сочетания заменялись элементами родного языка. Таким образом, с появлением новых (иностраных) слов никаких фонологических изменений в бурятском языке не происходило.

В последующий период русско-бурятского заимствования имеет место "процесс фонологического перенесения, т.е. в язык вводятся звуки совершенно нового типа"²⁹.

Эти стадии в процессе заимствования, по справедливому заключению Хаугена, "связаны не столько с хронологией, сколько со степенью двуязычия"³⁰. Поэтому то, что заимствования из русского языка имеют, с одной стороны, формы, полностью или частично соотношенные с бурятской артикуляционной нормой, с другой стороны, совершенно неадаптированные формы, находится в полном соответствии с процессом (или состоянием) бурятско-русского двуязычия.

История становления звукового строя бурятского языка (как и любого другого) показывает, что фонетические изменения в нем могут происходить внутри морфем, не нарушая существующего состава фонем или изменяя его, а следовательно, и фонологическую систему языка. Первый вид звукового изменения имеет большое распространение в бурятском языке и в основном диалектных расхождений типа $güzε:ŋ \sim güzö:ŋ$ 'живот', $εεχε \sim \check{ε}εχε$ 'прямой' и т.п., когда происходит субституция существующих в языке фонем. В данном случае состав, или система фонем языка или диалекта не изменяется.

Более существенным звуковым изменением является второй вид, связанный, с одной стороны, с процессом конвергенции, когда из двух фонем образуется одна, а с другой – с дивергенцией, когда из аллофонов одной фонемы образуются самостоятельные фонемы. В истории монгольского языкознания считалось, что гласный i образовался в результате схождения двух фонем – i и $ɿ$. По этому поводу Б.Я. Владимирцов писал: "В монг.-писм. языке еще в очень раннее время произошло сближение этих двух фонем, выразившееся в том, что $ɿ$ перестал отличаться от i . На месте двух гласных оказался только один"³¹. Правда, в последнее время эта давно уже утвердившаяся точка зрения ставится под серьезное сомнение (см. ниже характеристику гласных i и $i:$).

Фонологической дивергенцией объясняются образование палатализованных согласных из непалатализованных в результате выпадения гласного i , процесс образования кратких фонем ae и oe в эхирит-булагатских говорах, которые противопоставляются соответ-

ственно а и о. Подробная фонологическая интерпретация приведенных выше звуков и их изменений дается при характеристике каждого из этих звуков (см. ниже).

Многие фонетические явления бурятского языка трудно, а иногда невозможно, объяснить только на материалах монгольских языков без привлечения сравнительного материала других алтайских языков. Например, монголо-бурятское соответствие $\check{s} \sim h$ или развитие монг. $t'\check{s}$, бур. \check{s} и т.п. восходят в ретроспективе к древнетюркскому смычному t : монг. $\check{s}\ddot{o}n\ddot{o}$, бур. $h\ddot{u}n'i$, др.-тюрк. $t\ddot{u}n$ 'ночь' (ДТС, 596); совр. монг. и бур. $\check{s}altag$ 'предлог, повод, причина', др.-тюрк. $t\ddot{u}ltaq$ (ДТС, 566); совр. монг. $\check{C}\check{s}agna\check{x}$, бур. $\check{s}agna\check{x}a$, др.-тюрк. $t\ddot{u}n\check{l}a$ 'слушать' (ДТС, 568) и т.п. Поэтому исследователи алтайских языков, в частности монголисты, широко используют в своих работах данные тюркских, тунгусо-маньчжурских, монгольских языков как генетически родственных. Однако в последнее время многие исследователи начали отрицательно относиться к традиционной алтаистике, считающей, что монгольские, тюркские и тунгусо-маньчжурские языки развились от одного общего языка-предка, условно названного алтайским. Они отрицают генетическое родство этих языков, а наличие общности в области лексики, звуковой системы и грамматики рассматривают как продукт поздних контактов носителей этих групп языков и их языковых взаимодействий. Г.Д. Санжеев причисляет противников алтайской теории к неоалтаистическому направлению, а сторонников традиционной алтаистики к ортодоксальному направлению. «Неоалтаисты считают, — пишет он, — что материальное сходжение является следствием того, что носители тюркских, монгольских и тунгусских или тунгусо-маньчжурских языков в течение длительного времени находились в состоянии тесного контакта друг с другом, в ходе чего эти языки обменивались своими ценностями, словами и грамматическими формами. Поэтому, по мнению неоалтаистов, алтайские языки невозможно считать изначально родственными, нельзя считать их "потомками" гипотетического алтайского праязыка, которого, следовательно, никогда не существовало»³². К этой точке зрения в последние годы примкнули Д. Дерфер и Дж. Клоусон за рубежом, в советском языкознании ее последовательно отстаивают А.М. Шербак и другие. Если генетическое родство алтайских языков ставится неоалтаистами под сомнение, то алтаистика как метод исследования признается как ее сторонниками, так и противниками. Трудно не согласиться с Г.Д. Санжеевым, когда он пишет: "При правильном применении сравнительно-исторического метода и безупречном сопоставлении монгольских, тюркских и тунгусских элементов как имеющих материальную общность разногласия между ортодоксальными алтаистами и неоалтаистами могут оказаться по существу мнимыми..."³³.

Несколько иной точки зрения придерживался В.Л. Котвич, который по праву считается одним из крупных исследователей алтайских языков. В своих трудах он подчеркивал структурно-типологи-

ческое сходство тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских языков, ставя под сомнение их генетическое родство. Однако в одной из своих последних крупных работ - "Исследования по алтайским языкам" - он гипотетически допускает существование общего алтайского языка, оговаривая, что его "следовало бы относить к очень отдаленному прошлому, не менее чем к началу первого тысячелетия до нашей эры". Он пишет, что "в эпоху гуннов (начиная с IV и III вв. до н.э.) уже существовали обособленные тюркский, монгольский и тунгусский языки с различными словарным фондом и морфологией, близкие друг другу только типологически"³⁴. Относительно гуннского периода аналогичная точка зрения высказана монгольским ученым Н. Сэр-Оджавом в его докторской диссертации "Древняя история Монголии (XIV в. до н.э. - XII в. н.э.)". Он пишет, что в гуннское государство входили этнически разные племена монгольского, тунгусского и тюркского происхождения, объединенные под общим названием "хунну".

Алтаисты-компаративисты справедливо признают трудность применения сравнительно-исторического метода в изучении алтайских языков и допускают, что проблемы алтаистики едва ли найдут окончательное решение в ближайшие годы. Во-первых, это связано с тем, что период существования общего алтайского праязыка слишком далек, его отделяет от нас по крайней мере несколько тысячелетий. Во-вторых, по алтайским языкам нет древних зафиксированных письменных памятников и очень беден сам состав сравниваемых живых и мертвых языков. Самыми отдаленными по времени являются древнетюркские памятники, относящиеся к VII - VIII вв. н.э. Что же касается монгольских языков, то самым крупным засвидетельствованным памятником является "Сокровенное сказание" - историческая хроника XIII в. Маньчжуро-тунгусские письменные памятники (имеется в виду чжурчжэньская письменность, изучением которой занимался В. Грубе) относятся также к XII - XIII вв.³⁵ Имеющиеся в распоряжении компаративистов некоторые более древние отрывочные глоссы, как пишет Л. Лигети, не имеют решающего научного значения. В-третьих, за последние полтора тысячелетия различные группы алтайских языков претерпели самые неравномерные взаимопроникновения, в определенные исторические периоды и в определенных регионах весьма интенсивные.

В этом отношении абсолютно прав Л. Лигети, который утверждает, что алтайские языки разошлись очень давно, в тот период, когда не все категории языка получили окончательное оформление, а лексический состав был еще беден, хотя основные языковые элементы были налицо. Получили самостоятельность три ветви: тюрки, монголы, тунгусо-маньчжуры. Каждая из них развивалась как единый массив, а распаться на самостоятельные языки начали значительно позже³⁶.

Г.Д. Санжеев, говоря о существенных препятствиях и трудностях в сравнительно-историческом изучении монгольских языков, подчеркивает именно эти объективные причины, т.е. серьезные недостатки

сравнительно-исторического метода в алтаистике. Еще одна сложность, как замечает он, заключается в том, что "не все еще монгольские языки и их диалекты изучены в достаточной степени, а некоторые из них и вообще не обследованы"³⁷. Тем не менее решение основных проблем, связанных с историческими судьбами языков, относящихся к алтайской группе, в частности исследование вопросов развития фонетики монгольских языков, связано именно со сравнительно-исторической алтаистикой. История изучения алтайских языков показывает, что наиболее оптимальные научные результаты достигнуты как раз теми учеными, которые активно применяли в своих исследованиях сравнительно-исторический метод, определяя таким образом, на каком историческом срезе произошли те или иные языковые взаимопроникновения, и выявляя древние черты их генетического и типологического единства.

Ярким подтверждением этому служат капитальные труды Г.И. Рамstedта, Б.Я. Владимирцова, Н.Н. Поппе, В.Л. Котвича, Л. Лигети, Г.Д. Санжеева, Т.А. Бертагаева, Б.Х. Тодаевой, Ц.Б. Цыдендамбаева, В.М. Надеяева и других. В настоящей работе основная полемика идет как раз вокруг их трудов.

Сравнительному анализу подвергнуты также большой диалектологический материал и некоторые архивные рукописные источники при возможно полном учете исследований предшественников в области фонетики. При этом постоянным ориентиром в ретроспекции всегда являлись преломленные на живые монгольские языки орфограммы старописьменного монгольского языка (спмя), которые Г.Д. Санжеев назвал промежуточными фонетическими "праформами". Говоря о значении спмя для объяснения фонетических различий между монгольскими языками и их диалектами, он писал, что «изучать орфографические формы спмя – это значит изучать промежуточные фонетические "праформы", к которым восходят звуки современных монгольских языков и диалектов и которые весьма близки к исходным монгольским праформам, часто именуемым "поязыковыми"»³⁸. Однако спмя не оставался без изменения. Б.Я. Владимирцов выделял в его историческом развитии три периода: первый период завершается XIII в., второй период относится к началу XIV и концу XVI в., третий период – к XVI и XVII вв. Последний период развития старописьменного монгольского языка отличается большими изменениями, проникновением в язык диалектных слов, тибетских заимствований, частичной реконструкцией самого письма и т.д. Эти изменения являются существенными ориентирами современных сравнительных исследований монгольских языков.

Исследований по фонетике бурятского языка достаточно много, но в основном они носят описательный характер, и некоторые из них уже устарели. Критический и более или менее полный обзор этих работ, вышедших до 1958 г., дан в специальной статье автора³⁹, а исследования, опубликованные после 1958 г., отражены в обзорной статье Т.П. Бажеевой⁴⁰.

В последние годы появилось немало работ по бурятской диалек-

тологии. По ряду основных говоров вышли монографические исследования—описания, появляются также отдельные статьи и заметки, характеризующие живые процессы, происходящие в диалектах бурятского языка.

По результатам этих исследований высказывались различные точки зрения относительно классификации бурятских говоров. После фронтальных диалектологических экспедиций последних лет, естественно с учетом предшествующих исследований, получены более полные данные, которые позволили выделить три группы говоров: западнобурятский, восточнобурятский и южнобурятский. Однако некоторые существенные фонетические изоглоссы типа $\text{ʒ} \sim \text{j}$ $\text{ʒar-gal} \sim \text{jargal}$ 'счастье', $\text{ʒ} \text{ɛ} \text{l} \sim \text{j} \text{ɛ} \text{l}$ 'год' дают основания разделить большую группу западнобурятских говоров на эхирит-булагатскую группу и группу, куда входят говоры основной массы аларских, унгинских, закаменских, тункинских и окинских бурят.

Таким образом, все современные бурятские говоры предварительно можно подразделить на четыре основных наречия⁴¹. Языковые различия между бурятскими диалектами в какой-то мере связаны с этническими делениями их носителей. Носители каждой группы диалектов составляют определенную этническую группу — хоринскую, цонгольскую, сартульскую, хамниганскую, хонгодорскую, эхиритскую, булагатскую. Но это не абсолютно.

К хоринской группе говоров (хоринское наречие) относятся собственно хоринский говор, агинский говор, примыкают говоры мухоршибирских, иволгинских и североселенгинских бурят. Иволгинские и h акаящая часть селенгинских бурят хотя и примыкают по языку к хоринскому наречию, но по происхождению не являются хоринцами. Однако и само хоринское наречие далеко не однородно, внутри его заметно выделяется говор мухоршибирских и заиграевских бурят. "Основной фонетической особенностью (мухоршибирского) говора является оканье. Сущность оканья заключается в том, что в их речи последовательно в начале слова вместо краткого гласного "у" встречается "о". При этом звук "о" по своей природе не отличается от обычной фонемы "о" хоринского диалекта"⁴².

Так называемая окающая полоса занимает довольно обширную территорию. Как явствует из отчета хоринского диалектологического отряда за 1963 г. (см. РО БФ, инв. № 3079), на востоке "граница оканья доходит до Додо-Гола по Уде и до Ойбонтуя по Курбе. В Кодуне и Кижинге замечено лишь sporadическое оканье" ("Отчет", с. 2). Целиком окают мухоршибирцы и заиграевцы. Полоса оканья проходит по долинам рек Тунгуя, Курбы и среднему течению р. Уды (подробно об этом см. ниже — описание фонем О и О:).

Одним из заметных фонетических своеобразий собственно хоринского говора, отличающих его как от других диалектов, так и от литературного языка, является смягченное произношение согласных в таких словах, как $\text{ɛrd}^{\text{h}}\text{im}$ 'наука', $\text{x} \text{ɛ} \text{l}^{\text{h}}\text{i} \text{ŋ}$ 'язык', вместо $\text{ɛrd} \text{ɛ} \text{m}$, $\text{x} \text{ɛ} \text{l} \text{ɛ} \text{ŋ}$ в тех же значениях в других говорах. В литературном языке

ке приняты последние формы. Или, например, слова, имеющие в основе мягкий r типа mor'iŋ 'лошадь', ür'i 'семена' в совм. падеже в хоринском говоре преобретают форму: mor't'ɛ:, ür't'ɛ: в др. говорах и литературном языке.

В 1937 г. большая экспедиция, получившая впоследствии название хоринской, работала в Еравне, Хори и Мухоршибири. В состав экспедиции входили почти все известные тогда бурятоведы: Т.А. Бертагаев, Д.А. Алексеев, К.М. Черемисов, Д.Д. Амоголонов, И.С. Мункин, Д.Д. Дугар-Жабон⁴³.

Прежде всего экспедиция установила, что "на всем протяжении Еравнинского и Хоринского аймаков имеется лишь один говор. Начиная, примерно, с озера Исинга Еравнинского аймака и кончая Кижингой Хоринского аймака... нет никаких данных, которые давали бы повод к установлению не одного говора, а нескольких говоров"⁴⁴.

Относительно ə и ɯ указывается, что в хоринском говоре эти звуки существуют, но они являются не самостоятельными фонемами, а лишь аллофонами одной и той же фонемы.

Большой диалектологический материал по агинскому говору помещен в "Бурят-монгольском фольклорном и диалектологическом сборнике", изданном в 1936 г. Н.Н. Поппе. В предисловии сборника указывается, что "материалы по говору агинских бурят были собраны экспедицией Государственного института культуры БМАССР и Академии наук СССР летом 1930 г. в центральной части Агинского аймака (сомоны Агинский, Хойто-Агинский, Урдо-Агинский, Кункурский, Будалан-Ульский), за исключением записей шаманских текстов, произведенных в Саган-Ульском, Хара-Шибирском сомонах"⁴⁵.

Статья Н.Н. Поппе о говоре агинских бурят⁴⁶ написана также по итогам экспедиции 1930 г. При фонетической характеристике говора автор использовал не все данные, содержащиеся в текстовых материалах сборника и представляющие большую ценность в фонетическом отношении, а лишь часть их.

Южное, или, как обычно называют, цакающее, наречие состоит из цонгольского и сартульского говоров. Под цонгольским говором понимается говор бурят Кяхтинского, Селенгинского и Бичурского районов Бурятской АССР, под сартульским говором – говор джидинских бурят. Сюда же, видимо, нужно отнести цакающую часть говора ононских хамниган. Это говор хамниган Кыринского, Дульдургинского, Акшинского, Могойтуйского, Шилкинского и Карымского районов Читинской области.

Цонголы и сартулы – выходцы из Монголии, переселившиеся на территорию Бурятии в XVII в. Относительно происхождения хамниган Читинской области существуют различные гипотезы. Одни считают, что нынешние хамниганы являются выходцами из внутренней Монголии и по происхождению они – монголы; другие полагают, что они тунгусы, ассимилировавшиеся в языковом отношении с монголами. Так или иначе данный говор в последние 200 – 300 лет находится в состоянии непосредственного взаимовлияния со смежными бурятскими говорами.

С точки зрения фонетической характеристики цакающие говоры могут быть отнесены к бурятскому языку лишь условно. Правда, значительный период взаимодействия этих говоров с бурятскими говорами оставил в них заметный след. В настоящее время эти говоры представляют собой переходный тип между монгольскими и бурятскими языками. Поэтому привлечение материалов по данным говорам при исследовании динамики звукового строя бурятского языка имеет определенное значение.

Составы фонем в цакающих говорах и в литературном бурятском языке не совпадают. Во всех трех говорах (цонгольском, сартульском и хамниганском) широкое употребление имеют аффрикаты $t's$, $d'z$, ts , dz , не употребляется фарингальный h , употребляется глухой сильный звук k , который в хамниганском говоре выступает как самостоятельная фонема, а в других встречается значительно реже, выступая обычно как факультативный аллофон фонемы x .

Кроме того, наблюдается множество различий на уровне аллофонов как между самими говорами, так и между ними и литературным языком.

Эхирит-булагатское наречие состоит из ряда достаточно самостоятельных говоров. Это в первую очередь собственно эхирит-булагатский говор, говор качугских бурят, боханский и ольхонский говоры в Иркутской области, в Бурятии – баргузинский и байкалокударинский говоры, носители которых этнически относятся в основном к эхиритам и лишь частично к булагатам. Говор осинских бурят примыкает к боханскому говору.

Эхирит-булагатские говоры заметно отличаются друг от друга, но по ряду существенных фонетических особенностей объединяются в одно наречие. Причем надо отметить, что это наречие довольно близко по своему грамматическому строю и по другим признакам к хоринским говорам. В этом отношении заслуживает внимания замечание Ц. Жамцарано, который писал: "Наречие эхиритов и булагатов ближе к наречию... хори-бурят, нежели к наречию аларских, части балаганских. Я мог свободно говорить с эхиритами и булагатами, тогда как с балаганскими и аларскими объяснялся с запинками. У эхиритов и булагатов несколько режет ухо их отрывистое и громкое произношение предложений, с ударением в конце"⁴⁷.

Одной из характерных черт этой группы говоров в области фонетики является так называемое еканье, т.е. там, где в литературном языке и некоторых других говорах в анлауте произносится \underline{z} , в эхирит-булагатских говорах произносится j . Например, в м. лит. $\underline{z}abar$ 'хиус (ветер)' – эх.-бул. $jabar$, в м. лит. $\underline{z}argal$ 'счастье' – эх.-бул. $jargal$, в м. лит. $\underline{z}ada$ 'копье' – эх.-бул. $jada$ и т.д.

Подробные данные по этногенезу носителей эхиритских и булагатских говоров имеются в работах С.П. Балдаева⁴⁸ и Ц.Б. Цыдендамбаева⁴⁹.

Наконец, четвертая группа бурятских говоров, носители которой в основном состоят из представителей так называемых хонго-

дорских родов, проживающих сейчас в бурятской этнической Аларе (в Иркутской области), в Закаменском, Тункинском и Окинском районах Бурятской АССР. Соответственно можно выделить аларский говор, говор тункинских бурят, включая сюда и окинцев, и говор закаменских бурят, составляющие аларо-тункинское наречие бурятского языка. Сюда же, видимо, надо отнести говор унгинских бурят, хотя этнически они никакого отношения к хонгодорам не имеют.

Следует отметить, что аларский говор имеет внутри себя значительные различия, которые не были зафиксированы Н. Попле⁵⁰, так как его работа "Аларский говор" является результатом наблюдений, произведенных в течение лета 1928 г. лишь в летнике Элзетуй и нескольких окрестных улусах. Описание фонетических особенностей говора с. Элзетуй дается им подробно с обоснованными обобщениями, однако такие большие и своеобразные массивы с бурятским населением, как Аляты, Зоны, Шапшалтуй, Нельхай, Балтуй, Куйты, не говоря уже о селениях унгинских бурят, остались вне поля зрения исследователя.

Экспедицией 1962 г. были охвачены все населенные бурятами пункты. Ц.Б. Цыдендамбаев в "Отчете о работе аларо-унгинского отряда" писал, что "говор унгинских бурят... лишь лексически отличается от говора собственно аларских бурят. Говор же бурят, проживающих в бывшем Аларском районе, имеет серьезные внутренние различия. Прежде всего особняком стоит нельхайский куст, куда относятся, кроме самого села Нельхай, улусы Бахта, Хадахан, Ундур Хуан, Абхайта, Зангей и Кундулун. Бросается в глаза, что жители этих сел употребляют в начале слов среднеязычный шелевой сонант j вместо шелевого смягченного звонкого согласного ž, употребительного в языке других аларских, а также унгинских бурят" (см. РО Бф, инв. № 3078). Одной из характерных особенностей является то, что в говоре с. Балтуй, расположенного в 15 км к юго-востоку от с. Нельхай, так же как и в байкало-кударинском говоре, наблюдается последовательная замена общебурятского h в начале слова шелевым x.

Как видно из этого краткого экскурса, бурятский язык является многодиалектным. Литературная форма его образовалась на базе одного диалекта - хоринского, на котором говорит большинство бурятского населения и который содержит много черт, общих с другими бурятскими говорами, довольно значительно различающимися между собой.

По бурятским диалектам накопилось большое количество фактического материала, собранного в основном сотрудниками отдела языкознания Института общественных наук Бурятского филиала СО АН СССР. Как указывалось выше, почти все данные, касающиеся бурятских диалектов, взяты из этих материалов.

К перечню рукописных источников по бурятскому языку, использованных в данной работе, следует добавить архивные материалы, которые в диалектологических исследованиях, особенно по фонетике говоров, до сих пор очень мало привлекались. Между тем эти материалы являются ценнейшим источником для ретроспективных исследований диалектов. В этом отношении заслуживает внимания фонд

Ц. Жамцарано, хранящийся в архиве востоковедов ИВ АН СССР в Ленинграде. В архиве АН СССР (фонд 21, оп. 5, № 143) хранится сравнительный словарь языков народов Сибири, в том числе бурят, составленный членом Российской Академии Г.-Ф. Миллером. Этот рукописный словарь приложен к "Описанию сибирского путешествия Миллера". Объем словаря небольшой, в нем в общей сложности около 300 бурятских слов, но этот материал очень ценен для сравнительного анализа фонетических явлений бурятских говоров и их эволюции. Во-первых, слова записаны в начале XVIII в., во-вторых, записаны специалистом и транскрипционно достаточно точно. В различных архивах имеются и другие текстовые материалы, но менее ценные в фонетическом отношении.

Образование самостоятельного бурятского языка в семье монгольских языков имеет длительную и сложную историю. Основным критерием установления внутренних и внешних факторов его развития и становления является эволюция его фонетического строя. Как справедливо подчеркивает М.И. Стеблин-Каменский, "звуковые изменения - это наиболее типичные языковые изменения. Изменчивость языка, то, что он не может не иметь истории, всего очевиднее проявляется в звуковых изменениях"⁵¹.

Предметом данного исследования, как указывалось выше, является диахроническая фонетика бурятского языка. Основное внимание в работе уделяется вопросам выявления и объяснения звуковых изменений. В предшествующих исследованиях по исторической фонетике бурятского языка вопрос о причинности звуковых изменений или вообще не ставился, или решался односторонне, ограничиваясь описанием изменений артикуляций соответствующих звуков, например процесс $s > h$ объяснялся переходом от передней артикуляции к задней. Таким образом, устанавливалось лишь следствие, а не сама причина, послужившая стимулом перехода от одного состояния к другому.

Фонетическая эволюция языка весьма многогранна, она имеет много специфических аспектов проявления. Выявление внутренних и внешних причин звуковых изменений представляет большие трудности, но "никакая наука... не может игнорировать причинно-следственные связи тех явлений, которые она изучает, и, следовательно, их не может игнорировать и диахроническая фонология"⁵².

О недостаточной теоретической разработанности проблемы внутренних и внешних причин языковых, а следовательно и фонетических изменений, говорит прошедшая в начале 1980 г. Всесоюзная конференция по теоретическим вопросам языкознания. "Существенное внимание на конференции было уделено проблеме причинности языковых изменений, в частности вопросу о соотношении внешних и внутренних стимулов в развитии языка"⁵³. Н.З. Гаджиева, выступая на этой конференции, справедливо указала на отсутствие четко выработанной методологии исследования конкретных причин языковых изменений и подчеркнула, что "внешние и внутренние факторы языковых изменений, сложно переплетаясь и взаимоперекрещиваясь, совокупно влияют на общий процесс, направленный к совершенствованию языка. Этот процесс языкового развития, изучение которого требует четкой методологии, заслуживает выделения в качестве специальной дисциплины - теории эволюционного развития языка"⁵⁴.

Состав и система фонем современного бурятского языка складывались как в условиях саморазвития или внутренней эволюции его фонетической структуры, так и во взаимодействии с другими языками. В истории формирования звукового строя бурятского языка всегда доминировали внутренние процессы развития, о чем свидетельствует сохранение в нем основных общемонгольских фонетических черт. Вместе с тем активное взаимодействие с другими языками оставило достаточно заметные следы не только на его звуковом строе, но и на обособлении некоторых бурятских говоров. Например, такие междиалектные фонетические изоглоссы, как $\check{z} \sim j$, $h \sim x$, $x' \sim t' \sim s' \sim \check{s}$, $\text{æ} \sim \text{a}$, $\text{o} \sim \text{o}$ и т.п., могут быть объяснены только как результат контактирования с другими языками.

Признание различий между внутренними и внешними факторами языковой эволюции отнюдь не означает абсолютизации одной из сторон. Автор придерживается точки зрения комплексного подхода к проблеме воздействия внутривидовых и экстралингвистических факторов на развитие фонетического строя бурятского языка.

В начале главы приводится реконструированная алтаистами первичная общеалтайская система согласных, которая сравнивается с древнемонгольской фонологической системой согласных. Как следующий этап развития в этом направлении приводится протобурятская система согласных фонем. Дальнейшее развитие консонантизма, становление системы согласных фонем современного бурятского языка как основной объект данного исследования рассматривается более детально на широком сравнительном фоне контактирующих языков и диалектов. Для большей наглядности эволюционные процессы согласных характеризуются дискретно, по отдельным фонемам.

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ СОГЛАСНЫХ ФОНЕМ

Сравнительно-историческая алтаистика (Рамстедт, Поппе, Цинциус) определяет первичный (общеалтайский) состав консонантизма в следующем виде: губные p, b, m, переднеязычные t, d, n, заднеязычные k, g, ŋ, аффрикаты t's, d'z, глухой переднеязычный спирант s, звонкий среднеязычный спирант j; в особую группу согласных, не встречающихся в начале слова (в так называемые срединные), выделяются l, l и r, r (по Рамстедту, l, l' и r, r', по Поппе и Цинциус, l¹, l² и r¹, r², по Владимирцову и Серебренникову, l и l, r и r). В состав первичных согласных включается еще мягкий n'.

Здесь все смычные согласные, которые на начальных этапах развития алтайских языков значительно доминировали над спирантами в количественном отношении, четко распределялись по силе артикуляции на сильные, слабые и сверхслабые. Последние состояли в основном из носовых сонантов. Что же касается аффрикат $t's$ и $d'z$, то в определении их первичных качеств имеются разногласия среди исследователей алтайских языков. Более предпочтительным является предположение о том, что здесь имели место среднеязычные неаффришированные звуки h и h . Соответственно предполагаемый алтаистами первичный палатализованный n' представлял на самом деле также среднеязычный сонантный звук n . Палатализация как фонологический признак вообще появляется в алтайских языках очень поздно; например, в монгольских языках палатализованные согласные в качестве самостоятельных фонем появились только в конце среднемонгольского периода. Таким образом, первичные смычные согласные противопоставлялись по активному органу как губные, переднеязычные, среднеязычные и заднеязычные, а по силе артикуляции — на сильные, слабые и сверхслабые. Система общеалтайских смычных согласных фонем представлена в табл. 1.

Первичный состав спирантов фонологически подразделялся по форме преграды (щелей) на срединные s и j , боковые l и l , дрожащие r и r , которые находились по отношению друг к другу в бинарной оппозиции по степени участия шума. Система общеалтайских спирантов представлена в табл. 2.

Впервые гипотеза о наличии в алтайском праязыке двух типов l и r была высказана Г. Рамstedтом. Основанием для такой реконструкции явилось то, что спиранты l и r , с одной стороны, проявляются во всех алтайских языках как обычные l и r , а с другой — соответствуют тюркским (кроме чувашского) $š$ и z . Предположение Рамstedта о том, что первые l и r , которые во всех алтайских языках проявляются как l и r , и вторые l и r , которым в большинстве тюркских языков соответствуют $š$ и z , генетически восходят к разным l и r , поддерживается почти всеми исследователями алтайских языков. Предметом постоянной полемики алтаистов до сих пор остается вопрос о качестве вторых l и r , рефлексом которых в тюркских языках, кроме чувашского, являются щелевые согласные $š$ и z , а также вопрос о направленности их изменения ($l > š$, $r > z$ или $š > l$, $z > r$).

Б.Я. Владимирцов допускал, что во втором случае ($l \sim š$) имел место глухой l^1 (соответственно и глухой r). Такого же мнения придерживается Б.А. Серебrenников, который пишет, что "это был билатеральный глухой l с сильным фрикативным оттенком"². Рамstedт предполагал, что в данном случае звуки l и r являлись палатализованными³. Н.Н. Поппе и В.И. Цинциус относятся к этому вопросу более осторожно, лишь условно разделяя их на l^1 и l^2 , r^1 и r^2 без каких-либо конкретных фонетических характеристик⁴. В более ранних своих трудах Н.Н. Поппе допускал существование

Таблица 1. Общеалтайские смычные согласные фонемы

По участию активных органов	По силе артикуляции		
	Сильные	Слабые	Сверхслабые
Губные	p	b	m
Переднеязычные	t	d	n
Среднеязычные	ʰ	ʰ̣	ɲ
Заднеязычные	k	g	ŋ

Таблица 2. Общеалтайские спиранты

По форме щелевых преград	По степени участия шума	
	Шумные	Сонанты
Срединные	s	j
Боковые	l̥	l
Дрожащие	r̥	r

глухого l̥, близкого к ṣ̥ ⁵. В современных монгольских языках нет двух разных l̥ и r̥, различающихся тем, что они исторически восходили к разным звукам. В звуковом составе современного монгольского языка (халха) имеется глухой l̥, который является самостоятельной фонемой (в существующей орфографии обозначается сочетанием лх). Но он более позднего происхождения и никак не связан с древним глухим l̥, который развился в ṣ̥. В.М. Наделяев характеризует эту фонему современного монгольского языка следующим образом: "Сравнительно недавно появившаяся в звуковой системе монгольского языка сильная переднеязычная щелинно-боковая твердая фонема l̥, ограниченная в употреблении заимствованной лексикой"⁶.

В современных бурятских говорах нет такой фонемы. Поэтому качество этого звука определяется в какой-то мере условно. Более предпочтительным кажется предположение о том, что алтайский праязык наряду со звонким l, знал глухой l̥, рефлексом которого является звук ṣ̥. Во-первых, согласные l̥ и ṣ̥ артикуляционно и акустически очень близки, различаются они лишь по форме преград: при l̥ щелевая преграда образуется по бокам передней части языка, а при ṣ̥ - по середине его передней же части. Замена лишь одного фонетического признака при образовании новых звуков лежит в основе многих гипотез о происхождении звуков. Во-вторых, этот первичный l̥ не мог быть палатализованным, так как вообще палатализация согласных относится к более поздним фонетическим явлениям,

связанным с исчезновением гласного i или среднеязычного j. А.М. Щербак прав, когда относит явление палатализации к числу инноваций, отличающих современные языки от более древних или праязыковых их состояний⁷. В-третьих, система согласных древних алтайских языков знала противопоставления по силе и слабости или по глухости и звонкости, куда четко вписывается фонологическая корреляция сильного глухого l и слабого звонкого l, а не мягкого l' и твердого l.

В этой проблеме наиболее дискуссионным остается вопрос о том, что является первичным - l или š, т.е. в каком направлении шло развитие этих звуков: или более древний l развился в š в большинстве тюркских языков, или š является более древним, который в некоторых тюркских и других алтайских языках дал l.

Точка зрения, которой придерживается большинство тюркологов, утверждает первичность тюркского š. Фонетическое соответствие общеалтайского l и тюркского š рассматривается как š > l. Другие доказывают, что имело место развитие l > š. Эта точка зрения является господствующей в сравнительно-исторической алтаистике. Впервые она была высказана в начале 30-х гг. Г. Рамstedтом и поддержана многими его последователями. Например, Н.Н. Поппе в одной из последних своих работ в доказательство положения о первичности l и производности от него š пишет следующее: "Тюркский š соответствует не только монгольскому l, но и l в чувашском, тунгусо-маньчжурском языках и даже в корейском. Таким образом, тюркскому š во всех других алтайских языках соответствует l. Следует при этом обратить внимание на то обстоятельство, что древнейшее заимствование в венгерском из дотюркского языка показывает l, так же как древнее заимствование в саяно-самоедском тоже вместо спиранта š показывает l. К приведенным доказательствам в пользу первичности l, а не š следует добавить, что спирант š встречается в тюркских в тех же самых позициях, что и l"⁸.

Б.А. Серебренников, хотя и ставит под сомнение гипотезу Рамstedта о качестве звука l (Рамstedт утверждал, что второй первоначальный l, давший в большинстве тюркских языков š, был палатализованным l'), допускает, что "это был билатеральный глухой l", который "действительно мог превратиться в š"⁹. Относительно направленности изменения в соответствии r ~ z некоторые исследователи считают первичным z. Г. Рамstedт и его последователи видели здесь обратный процесс: они полагали, что z развился из r.

Б.А. Серебренников считает несостоятельным утверждение о первичности r и вторичности z в тюркских и монгольских языках. Это свое мнение он связывает с особенностями гармонии гласных. Как он показывает, "такие архетипы, как qur 'девушка', qar 'гусь', откуда позднее якобы возникли quz и qaz, в тюркском праязыке фактически были невозможны"¹⁰. Что же касается появления z в отрицательных аффиксах туркменского языка, то он утверждает, что здесь "исконным был s, а не r"¹¹.

Одним из существенных факторов, говорящих не в пользу гипотезы

тезы о первичности г и вторичности з, является широко развитый в различных языках мира фонетический процесс ротацизма, особенно переход интервокального з в г¹². Как известно, одним из основных приемов компаративистики, используемых при "установлении направленности изменения звуков", является наблюдение над изменением подобных звуков в других языках, что позволяет "определить пути потенциально возможного изменения звуков и вместе с тем направленность их изменения"¹³. Действительно, наблюдения над аналогичными явлениями в других языках показывают наличие тенденции перехода з в г, обусловленные как чисто артикуляционно-физиологическими возможностями, так и другими лингвистическими факторами. Например, переход з (с) в г развит в латинском: *generis* род. п. от *genus* 'род', из *genesis* > *genezis*; *aurora* 'утренняя заря' из *ausosa*; в древнеиндийском: *agnir dahati* 'огонь горит' из *agnis dahati*. Аналогичный переход наблюдается и в других языках¹⁴.

Однако прав и Г.Д. Санжеев, когда утверждает, что при определенных условиях возможен и другой, противоположный процесс¹⁵. Действительно, наряду с явлением ротацизма в языках разных систем наблюдается не менее развитый фонетический процесс зетацизма, т.е. переход различных согласных, в том числе и г, в щелевой з.

Таким образом, аналогия с другими языками относительно переходов г в з или з в г в данном конкретном случае никакой доказательной силы не имеет, а лишь показывает возможность изменения их как в одну ($z > r$), так и в другую ($r > z$) сторону. Собственно, использование этого приема и является причиной постоянного спора алтаистов; поэтому, отмечая его в качестве доказательства потенциальной возможности переходов г в з и з в г, надо искать другие, более весомые приемы сравнительно-исторического метода для установления направленности изменения этих звуков.

Из четырех основных приемов компаративистики¹⁶, используемых для установления направленности изменения звуков, не может быть применен в алтаистике первый основной прием, когда "направленность изменения звука доказывается на основании показаний письменных памятников... так как никаких памятников, написанных на общеалтайском праязыке, не существует"¹⁷. Однако Н. Поппе приводит в этом отношении очень существенный аргумент, состоящий в том, что "в самом тюркском языке более позднему племенному названию *on oguz* 'десять огузов' соответствует в древнейших источниках *on ogur*"¹⁸.

Другими не менее важными приемами сравнительно-исторического языкознания в установлении направленности изменения звуков являются, во-первых, использование результатов "изменения фонетического облика иноязычных слов, заимствованных и фонетичес-

ки адаптированных данным языком"; во-вторых, то, что направленность изменения звуков может быть определена, если данное изменение окажется одним из звеньев целой цепи определенным образом направленных изменений, подчиненной общей тенденции изменения звуков¹⁹.

Г.Д. Санжеев пишет, что "решение этой проблемы должно быть найдено на собственной алтайской почве, из истории отношений алтайских языков друг с другом и с другими языками, прежде всего путем анализа древнейших иностранных заимствований, которые имеются в этих языках"²⁰. Алтайсты, как правило, прибегают в этих случаях к "дотюркским" заимствованиям в венгерском языке. Например, венг. nyár 'лето', который якобы восходит к дотюрк. *nār 'id'. Сравните бур. nazir 'лето'²¹.

Правда, Г.Д. Санжеев высказывает некоторые сомнения, считая, что венг. nyár < дотюрк. nār едва ли здесь может быть достаточным доказательством, так как ротацизм мог наступить и позднее²². В то же время он выдвигает другие существенные аргументы, связанные непосредственно с алтайскими языками. Во-первых, он считает, что проблему $r > z$ и $l > \check{s}$ (или наоборот) надо решать однозначно, т.е., если в соответствиях \underline{l} и \check{s} согласный \underline{l} является первичным, а \check{s} - вторичным, то в $r \sim z$ первичным должен быть \underline{r} , вторичным - \underline{z} (или наоборот), потому что, как пишет Г.Д. Санжеев, согласные \underline{r} и \underline{l} относятся к одному и тому же фонетическому и фонологическому классу и имеют одинаковую дистрибуцию. Во-вторых, Г.Д. Санжеев предлагает исходить из сравнительного и исторического анализа фонологических систем каждой группы алтайских языков. Эволюция системы фонем монгольских языков показывает, что "в монгольских диалектах прошлого не было первоначальных сибилантов z и \check{s} и что они развились значительно позднее из *d'z и *s в позиции перед любыми гласными, кроме i"²³.

Г.Д. Санжеев пишет, что "окончательное решение этой проблемы можно найти только в том случае, если изучение фонологической системы алтайских языков будет сопровождаться морфемно-этимологическими исследованиями соответствующей общеалтайской лексики, которая содержит согласные, о которых идет речь"²⁴.

Указывая на этот бесспорный факт, Г.Д. Санжеев предлагает обратить внимание на ряд дополнительных моментов, связанных с данной проблемой:

во-первых, на тюркизмы в монгольских языках, так как монголизмы в тюркских языках появились значительно позже;

во-вторых, на то, что в алтайских языках согласные \check{s} и \underline{z} , так же как \underline{l} и \underline{r} , имеют более или менее одинаковую дистрибуцию;

В-третьих, иметь в виду, что в тюркских и монгольских языках \underline{z} (\underline{s}) и \underline{r} составляют своего рода семасиологические корре-

лации: если в тюркских языках конечные z и r являются показателями именных и глагольных корней (кирг. *köz* 'глаз' и *kör* 'смотреть'), то в монгольских языках эти же согласные являются показателями глагольных и именных корней (совр. монг. *sonor* 'слух' и *sonos* 'слушать').

Кроме того, надо исследовать такие редкие, но своеобразные явления типа монгольского *kölde-* (*köl-l-de*) 'замерзнуть, заледенеть, покрыться льдом' - *kösi-* (*kö-si*) - халха-монг. *xöš* 'застыть, закостенеть', *körü-* (*kör-r-ü*) 'похолодеть, остыть'. Надо полагать, что все эти слова произошли от одной и той же корневой морфемы, а неначальные согласные -*l*, -*s* (-*š*), -*r* составляют дифференциальные единицы. Сравните также монг. *kö-yi-ten* 'холод, холодный', кирг. *köšü* 'находиться в состоянии полного покоя, успокоиться', кирг. *köšö* 'ленивый (о человеке)', 25.

Все это со всей очевидностью показывает, что проблема $r \leftrightarrow z$ (и $l \leftrightarrow \underline{s}$), которая является предметом полемики многих поколений алтаистов, не должна решаться на основе данных только одной группы алтайских языков. Поэтому трудно не согласиться с доводами традиционной алтаистики, которые приводятся в доказательство того, что в соответствии $r \sim z$ первичным является r. Обобщенно эти данные сводятся к следующим явлениям: 1) тюркскому z соответствует r не только в монгольском, но и в самом тюркском (чувашиском), тунгусо-маньчжурском и корейском; 2) дотюркские заимствования в венгерском языке показывают r вместо спиранта z; 3) переход r в z (зетаизм) развит в других языках, в частности в славянских (чешский *r* > польский *z*); 4) большинство исследователей склонны считать l первичным, а s вторичным в монгольско-тюркском соответствии $l \sim \underline{s}$. Соответственно по закону аналогии более логичен переход r в z; 5) по данным Н. Поппе, более позднему племенному названию *oguz* в древних источниках соответствует *ogur*; 6) в тюркских языках z встречается в тех же позициях, что и r в других алтайских языках, в том числе и в чувашском. Как справедливо замечает В.И. Цинцус, при реконструкции древних состояний состава фонем и их корреляций нужно основываться на выводах, полученных из анализа регулярных фонетических соответствий в родственных языках 26.

Как пишет М. Ряснян, к *r*-языкам относится не один чувашский язык, к ним относился также его предшественник - древнебулгарский 27. Кроме того, что очень важно, "следует отметить также, что древнейшие тюркские заимствования в самодийском языке указывают на группу *r*-языков" 28.

В тюркских языках соответствия $l \sim \underline{s}$, $r \sim z$ относятся к существенным, как пишет Н.К. Дмитриев, "принципиальным фонетическим закономерностям", служащим критерием для подразделения всех тюркских языков на две неравные группы: 1) группа "л" или "р" (чувашский язык) и 2) группа "ш" или "з" (остальные тюркские языки) 29. К этому следует добавить, что "сфера р и сфера з

не абсолютно разграничены, а как бы налегают одна на другую: конкретно говоря, сфера p может вторгаться в сферу з, т.е. тюркские языки, для которых типична в известных фонетических условиях именно фонема p, в известных случаях допускают применение фонемы з³⁰. Переход r в z "можно наблюдать не только в отдельных словах, но и в целых грамматических категориях. В этом отношении характерно образование отрицательной формы к туркменскому будущему первому": 1-е л. ед. ч.: алмар-ын 'я не возьму, не буду брать', гелмер-ин 'я не приду, не буду приходить'; 3-е л. ед. ч.: алмаз, гелмез; 1-е л. мн. ч.: алмар-ыс, гелмер-ис; 3-е л. мн. ч.: алмаз-лар, гелмез-лер

По этому критерию все монгольские языки относятся к группе "l" и "r", потому что монгольский языковой мир прошлого и настоящего не знает внутри себя соответствий типа $l \sim \underline{s}$ и $r \sim \underline{z}$. По утверждению компаративистов-монголоведов (Рамстедт, Владимирцов, Поппе, Санжеев), уже к древнемонгольскому периоду l^1 (\underline{l}) и l^2 (\underline{l}), r^1 (\underline{r}) и r^2 (\underline{r}) совпали, и древнемонгольский язык знал только \underline{l} и \underline{r} .

Как известно, консонантный состав древнемонгольского языка отличается от первоначального, так называемого общеалтайского, состава согласных весьма незначительно. Кроме указанного процесса конвергенции двух разных \underline{l} и двух разных \underline{r} , отмечается расщепление заднеязычных фонем k, g и образование новых увулярных согласных q и q, а также образование щелевых согласных: из губного смычного b выделяется w (точнее, β), из смычного g - спирант γ.

Если первичный общеалтайский консонантизм в системе смычных согласных имел структурный ряд среднеязычных согласных, то в древнемонгольском он нарушается образованием аффрикат $t^1\underline{s}$ и $d^1\underline{z}$. Эти аффрикаты вполне могли иметь аллофоны со среднеязычными и переднеязычными начальными элементами, но, несмотря на это, среднеязычные согласные, первоначально представленные в тройной оппозиции, теряют эту последовательность, в результате чего появляются аффрикаты $t^1\underline{s}$ и $d^1\underline{z}$; соответственно из этого ряда выпадает среднеязычный л.

С фонологической точки зрения заднеязычные k, g и увулярные q, q находятся в отношениях дополнительной дистрибуции и не могут быть отнесены к разным фонемам³². Согласные k и g употреблялись в мягкорядных словах, а q и q - исключительно в словах твердого ряда. Что же касается щелевых w (β) и γ, то здесь имеет место та же самая картина: щелевые w (β) и γ употребляются только в интервокальном положении, а смычные b и g употребляются в инициале или в середине слова после смычных согласных. Таким образом, первоначальный состав согласных насчитывал 18 фонем: сильных p, t, k, h, s, l, r, слабых b, d, g, h, сонорных m, n, л, η, j, l, r. В древнемонгольском количество соглас-

ных ограничивалось 15 фонемами, а не 19, как обычно трактовала традиционная монголистика. Это смычные согласные, которые также представлены в тройной оппозиции друг к другу: p - b - m, t - d - n, k - g - ŋ, аффрикаты tʃ и dʒ, шелевые s, j, l, r. Где-то в конце древнемонгольского периода *ti и *di переходят соответственно в tʃ + i и dʒ + i, а исконные tʃ + v (гласный, кроме i) и dʒ + v начинают трансформироваться в ts + v и dz + v в тех диалектах, на основе которых складываются современные свистящие языки³³, в том числе бурятский. Первичные p и b, t и d, k и g, h и h, по утверждению компаративистов, противопоставлялись по признакам силы и слабости. Некоторые из исследователей (например, Поппе) допускали, что эти фонемы отличались друг от друга по признакам аспирированности и неаспирированности: p^h - p (b), t^h - t (d) и т.п. Опираясь на данные монгольских письменных языков, особенно квадратной письменности, которая четко обозначала аспирированность и шелинность некоторых согласных и никак не отражала глухие варианты таких фонем, как b, d и g, Б.Я. Владимирцов утверждал, что в древнемонгольский период имела место корреляция этих согласных по признакам глухости и звонкости³⁴. Однако за обозримый период монгольские языки не дают каких-либо достаточно обоснованных данных, чтобы можно было допустить в древнемонгольском языке существование коррелятивного ряда смычных согласных, дифференцированного по признакам глухости и звонкости, а не по признакам силы и слабости, как это имеет место во всех современных монгольских языках и диалектах.

Состав согласных фонем современного бурятского языка и его диалектов значительно отличается от состава согласных фонем исходного монгольского языка. Надо полагать, что у истока развития бурятского языка находился не один диалект, а несколько, приблизительно сходных по своему звуковому составу. Состав согласных фонем протобурятского языка (диалекта) состоял из 17 фонем (смычных p, b, m, t, d, n, k, g, ŋ, аффрикат tʃ, dʒ, ts, dz, шелевых s, j, l, r), а в хоринских говорах современного бурятского языка выявлено 27 согласных фонем. Д.Г. Дамдинов находит в хамниганском говоре 29 согласных фонем, в некоторых других говорах обнаруживается 28 согласных фонем. Изменение состава согласных фонем связано с образованием палатализованных согласных, с результатом действия процессов спирантизации и деаффрикатизации, появлением фарингального h.

Образование палатализованных согласных и их фонологическое обоснование в монгольских языках связано с переборами гласного i. Исчезновение i не было бесследным, рефлексом его в монгольских языках остались палатализованные согласные. Как пишет Г.Д. Санжеев, процесс палатализации "относится к периоду второго и третьего переломов гласного i"³⁵. Это сравнительно поздний период, приблизительно к этому времени предки нынешних бурят начали за-

селять берега Ангары, Лены и самого Байкала, оттеснив оттуда "потомков древнего курыканского населения Прибайкалья"³⁶.

Процессу спирантизации подверглись аллофоны фонемы k. Заднеязычный смычный k переходит в щелевой x. Смычно-щелевые аффрикаты t's, ts, d'z, dz становятся простыми щелевыми согласными s, z, z, z. Вместо исконного сильного щелевого s появляется фарингальный h.

Таким образом, консонантный состав одного из основных диалектов бурятского языка – хоринского, который положен в основу бурятского литературного языка, определяется следующими 27 фонемами: p, p', b, b', m, m', t, t', d, d', n, n', l, l', r, r', g, g', x, x', s, s', z, z, j, h, h. По говорам количество фонем расходится незначительно. Сразу следует сказать о так называемых цакающих говорах, где употребляются аффрикаты t's, ts, d'z, dz. В говоре ононских хамниган четко выделяются твердый k, мягкие k', s' и s'. Здесь может вызвать сомнение мягкий s', потому что в монгольских языках, в том числе и в бурятском, спирант s является по своей основной характеристике сильно смягченным звуком.

Если по фонемному составу между диалектами нет существенных различий, то на уровне аллофонов бурятские говоры расходятся довольно значительно. Как между диалектами, так и внутри них встречаются соответствия типа x' ~ s' ~ t' ~ s, j ~ n, h ~ x, x ~ kx ~ k, h ~ s, g ~ γ, q ~ q и т.п. Расхождения между диалектами на уровне аллофонов фонем вполне закономерны. Произносительная норма литературного языка не доходит до всех имеющих-ся говоров и, следовательно, не играет в достаточной мере нивелирующей роли в языке в целом. Например, вместо палатализованного x' часть боханских бурят произносит s', но вместо ожидаемого перехода s' > x' наблюдается другой процесс: под влиянием многочисленных заимствований из русского языка к образованию самостоятельной фонемы s', а не переход s' в x'. То же самое может произойти с аллофоном k в говоре нижеудинских бурят и с некоторыми звуками хамниганского говора.

Как известно, фонемный состав языка представляет собой не случайный набор отдельных независимых друг от друга единиц. Фонемы находятся в закономерных отношениях между собой, составляя четко распределенные группы, цельную систему. Каждый язык имеет свою, характерную только для него фонологическую систему.

Исследователи звукового строя монгольских языков уделяли недостаточно внимания вопросу выявления системы фонем, ограничиваясь в основном установлением их состава. Выделение некоторых групп фонем или связанных звеньев являлось скорее результатом интуитивных выводов. Поэтому они, как правило, не последовательны и не охватывают все факторы, относящиеся к системе фонем исследуемых ими языков. В понятие системы фонем входят не только группировка фонологических единиц по их признакам или установ-

ление связей между ними, обусловленных только фонетическими условиями, но и другие стороны, зависящие от использования фонем в языке. Например, в бурятском языке фонемы l и r в составе словообразовательных морфем чередуются между собой и в одном и том же по значению аффиксе в зависимости от состава согласных корня может употребляться как l, так и r. Для определения системы фонем бурятского языка существенное значение имеют также явление сингармонизма и связанные с ним различные чередования гласных фонем, особенности сочетаемости согласных в слове, закономерности их позиционного употребления, их роль в слоогобразовании и т.п. Учитывая существенное значение этих явлений в бурятском языке, в конечном счете в выполнении его коммуникативной функции, каждое из этих явлений подвергается в данной работе подробному и всестороннему анализу. Эти явления выделены в самостоятельную главу "Фонетические процессы и явления". Здесь же в обобщенном виде рассмотрены наиболее типичные оппозиции, противопоставление фонологических признаков, составляющих определенные коррелятивные ряды согласных фонем бурятского языка.

Лабиальность || переднеязычность - среднеязычность || заднеязычность - увулярность. По этим признакам различаются лабиальный p, переднеязычный t, заднеязычно-увулярный x; по всем другим фонетическим особенностям они совпадают: сильный, ртовый, твердый; в ряду слабых согласных противопоставляются лабиальный b, переднеязычный d, заднеязычно-увулярный g; в ряду носовых сонантных согласных: лабиальный m, переднеязычный n, заднеязычно-увулярный ŋ. Признаки переднеязычности и среднеязычности условно включены здесь в одну рубрику, потому что мягкие согласные фонемы t', d' и n' в зависимости от позиции в слове и сочетающихся с ними звуков могут быть и переднеязычными, и среднеязычными. Что же касается признаков заднеязычности и увулярности, то в монгольских языках фонемы g, x, ŋ проявляются в словах мягкого ряда в заднеязычных аллофонах, в словах твердого ряда в увулярных аллофонах.

В ряду мягких фонем противопоставляются p' - t' - x', b' - d' - g'; у носовых согласных существует только бинарная оппозиция m' - n', отсутствует мягкий заднеязычный звук, фонема ŋ по своим физиолого-артикуляционным свойствам может быть только твердой.

Твердость || мягкость. По признакам твердости и мягкости противопоставляются почти все согласные фонемы бурятского языка, за исключением таких, которые по своим артикуляционным особенностям не могут быть палатализованными: p и p', t и t', b и b', d и d', s и s', x и x', g и g', m и m', n и n', l и l', r и r'. Из возможных вариантов в бурятских говорах не выявились как самостоятельные фонемы палатализованные z' и k'. Эти звуки в говорах встречаются, но очень редко и в основном в заимствованных словах.

Сила || слабость || сверхслабость. По этим признакам противопоставляются согласные p - b - m, p' - b' - m', t -

d - n, t' - d' - n', x - g - ŋ. Кроме того, только в двойной оппозиции (по силе и слабости) представлены s и z, š и ž, x' и g'. Следует уточнить, что сверхслабые элементы из коррелятивных рядов, представленных в тройной оппозиции, характеризуются еще признаком назализованности, т.е. сонантные m, n, ŋ всем согласным по ряду, помимо сверхслабости, противопоставляются еще как назальные ртовым.

Сильные согласные звуки бурятского языка характеризуются значительно большим напряжением мускулов артикулирующего органа, что обуславливает у сильных эксплозивных звуков силу взрыва, у шелевых - усиление их основного шума. Слабые согласные характеризуются относительно меньшим мускульным напряжением артикулирующих органов, слабым взрывом и меньшей громкостью их основного шума. Сверхслабые, или сонантные, согласные артикулируются при более слабой, чем даже у слабых согласных, напряженности активных органов. В отличие от первых двух групп сонантные произносятся с обязательным участием голоса.

Ртовость || назальность. Все носовые согласные в основном являются сонантными и по степени напряженности артикулирующих органов сверхслабыми. В сопоставлении со слабыми ртовыми согласными составляют следующие коррелятивные пары: b и m, b' и m', d и n, d' и n', s и ŋ.

Медиальность || латеральность. Эти признаки определяются локализацией преград-щелей. У медиального спиранта j щель образуется посередине, смычка с боков, а у латерального спиранта l, наоборот, щели образуются с боков, смычка посередине. Имеется глухой l̥, встречающийся в дакающих говорах, но он не выделяется там в качестве самостоятельной, отличной от звонкого l фонемой. Однако в современном монгольском языке глухой l̥ выступает как самостоятельная фонема, которая в орфографии обозначается сочетанием "лх".

Однофокусность || двухфокусность. Щелевые согласные s, z, š, ž, по Щербе, определяются как однофокусные (s и z) и двухфокусные (š и ž), т.е. при образовании s и z работает одна шумообразующая преграда, а при образовании š и ž участвуют две шумообразующие преграды. В последнее время эта точка зрения оспаривается некоторыми фонетистами. Например, Ш.Г. Гаприндашвили и В.М. Надеяев утверждают, что при артикуляции этих звуков имеет место только одна преграда - передняя часть языка - и s от š и z от ž отличаются только по форме преграды: при артикуляции s и z щель имеет круглую форму, а при š и ž - плоскую³⁷. Если придерживаться этой точки зрения, то фонемы s и š, z и ž должны противопоставляться как круглошелевые - плоскошелевые.

Фарингальность || нефарингальность. Из всех монгольских языков фарингальный согласный h встречается только в бурятском языке. Употребляется он довольно часто, но ограничен начальнослоговой позицией. Фарингальный h противопоставляется как бы всему консонантному составу языка. Отношение его к любо-

Таблица 3. Согласные фонемы бурятского языка

Фонемы		Ртовые									Носо- вые
		Сильные			Слабые			Сверхслабые			
		Смычные	Щелевые		Смычные	Щелевые		Щелевые		Дрожащие	Смычные
			Однофо- кусные	Двуфо- кусные		Однофо- кусные	Двуфо- кусные	Медиаль- ные	Латераль- ные		
Губные	Твердые	p			b						m
	Мягкие	p'			b'						m'
Передне- язычные	Твердые	t	s	s'	d	z	z'		l	r	n
	Мягкие	t'			d'				l'	r'	n'
Среднеязыч- ные								j			
Задне- язычные	Мягкие		x'		s'						
	Твердые		x		g						ŋ
Увулярные											
Фарингальные						h					

Примечание. Из-за равномерности аллофонического варьирования ряд фонем расположен в нескольких рубриках.

му другому согласному бурятского языка не является типичным. Он находится в полной изолированной позиции.

В систему согласных не входит гортанный смык "?", который не противопоставляется ни одной из перечисленных выше фонем и не может быть отнесен к аллофонам какой-либо из них, а является лишь фонетическим признаком всех гласных звуков, начинающих собой слово, придавая им сильное начало.

Обобщая приведенные выше противопоставления, систему согласных фонем современного бурятского языка можно представить в табл. 3.

Эволюция фонологических систем монгольских языков показывает, что система фонем языка обладает большой устойчивостью. Изменения в ней неизбежны, но протекают крайне медленно.

Прослеженный выше генезис консонантизма свидетельствует о некотором усложнении системы согласных фонем бурятского языка, которое связано с фонетическими процессами палатализации, спирализации смычных согласных, явлением деаффрикатизации и т.п. Эти изменения фонетической системы бурятского языка прежде всего связаны с внутренними законами его развития. Однако это отнюдь не говорит о полном примате внутривидовых изменений, воздействие на них экстралингвистических факторов имеет также существенное значение. Появление в бурятском языке фарингального h, среднеязычного j в диалектах, некоторые изменения гласных и т.д. являются результатом действия языковых контактов. Поэтому при описании изменения отдельных фонем бурятского языка внутренние и внешние языковые факторы рассматриваются во взаимодействии.

Динамика фонологических систем согласных монгольских языков (общеалтайский > древнемонгольский > протобурятский > современный бурятский) показала, что консонантизм современного бурятского языка состоит из 27 фонем. Ниже прослеживается становление каждой фонемы автономно в ретроспективном плане. Сначала по каждой конкретной фонеме в ее современном состоянии дается фонологическая характеристика – перечень константных фонематических признаков, т.е. “тех общих свойств, которые присутствуют во всех аллофонах одной фонемы”³⁸, далее вкратце – описание обязательных аллофонов, основанное на экспериментальном материале, а затем эволюция фонемы.

Согласные фонемы бурятского языка в зависимости от сочетания с гласными различных сингармонических рядов употребляются в различных аллофонах. При сочетании с мягкорядными гласными все твердые согласные становятся смягченными, но не мягкими, а при сочетании с твердорядными гласными, т.е. с гласными заднего ряда и низкого подъема, они произносятся твердо, проявляются в несмягченных аллофонах. Поскольку эти признаки характерны для всех твердых фонем, при описании каждой из них во избежание излишних повторов эта их артикуляционная особенность опускается. По этим же соображениям в работе не приводятся лабиализованные аллофоны согласных фонем, которые появляются при непосредственном сочетании согласных с огубленными гласными.

Характеристика согласных фонем представлена, как принято обычно, в порядке активных артикулирующих органов по горизонтали: губные, переднеязычные, среднеязычные, заднеязычные, увулярные, фарингальные, гортанные с последующим делением внутри каждой группы на сильные, слабые и сонантные.

К этой артикуляционной группе согласных относятся шесть фонем, объединенных по работе активного произносительного органа - нижней губы: сильные смычные p и p', слабые билабиальные b и b', сонантные назальные m и m'.

Фонема p - ртовый, губной, сильный, твердый звук: pa-raqar 'пушистый', ped'xεgεr 'плотный, толстый', pü:jexε 'шуметь', pula:d 'платок' pü:d 'пуд'.

Во всех бурятских диалектах звук p произносится в основном одинаково, образуется он смыканием нижней губы с верхней при сильном напряжении ртовых мышц, что обуславливает относительно долгую выдержку при этой артикуляции. Третья фаза бурятского p (всегда взрывная) иногда сопровождается придыханием. Однако аспирация не является обязательным признаком этой фонемы (Атлас звуков³⁹, с. 38, рис. 28).

В современном бурятском языке фонема p имеет весьма ограниченное употребление. Она встречается только в начальной позиции слога, преимущественно в начале слова, в заимствованных или в звукоподражательных и образных словах.

Алтаистами-компаративистами (Рамstedтом, Владимирцовым, Поппе, Санжеевым и др.) доказано, что древнемонгольский язык имел следующие восемь смычных ртовых согласных: *p, *t, *q, *k, *b, *d, *g, *q⁴⁰. Однако в большинстве современных монгольских языков (халхаский, калмыцкий, бурятский и др.) начальный сильный p в собственно монгольских знаменательных словах исчез. Процесс трансформации древнего *p представляется алтаистами-компаративистами следующим образом: p > φ (f) > h (x) > o, т.е. в древнемонгольском языке смычный *p перешел в билабиальный *φ, который в ряде монгольских языков обычно фиксируется как f. В среднемонгольском в указанных позициях появляется h, а в большинстве современных монгольских языков, в том числе в бурятском, констатируется отсутствие звука. Между тем следует отметить, что в современном монгольском и бурятском языках в данной позиции произносится гортанный смычный звук, который мало заметен и ни орфографически, ни транскрипционно не фиксируется. Г.Д. Санжеев называет его "анлаутной гортанной смычкой" и предполагает, что А. Бобровников и вслед за ним Г. Рамstedт и Л. Лигети под так называемым "придыханием" перед гласными имели в виду именно эту "гортанную смычку"⁴¹. Как известно, функционирование в древнемонгольском инициального *p доказывается рядом фактов. Во-первых, наличием звуков p ~ f ~ h в некоторых алтайских языках, в частности в тунгусо-маньчжурских⁴². Во-вторых, по аналогии отношений звуков: k : g, q : ɣ, t : d, куда должно войти звено p : b. К этим фактам следует еще добавить существование в этой позиции гортанной смычки в бурятском языке. Исторический *p характеризуется как сильный смычный аспирированный согласный звук, ко-

торый позднее, приблизительно в средний период, в некоторых южно-монгольских языках развился в губно-губной *ʃ или губно-зубной *f; например, в монгорском он сохранился как f, а в восточномонгольских языках дал фарингальный h.

Современные монгольские языки, в частности живые бурятские диалекты, имеют в своем словарном фонде большое количество изобразительных (образных и звукоподражательных) слов, которые начинаются с сильного смычного, чаще аспирированного p. Фонетическая характеристика этого звука почти полностью совпадает с историческим *p, который употреблялся в начале слов, начинающихся в большинстве современных монгольских языков с гласных звуков. При анализе процессов развития древнемонгольского смычного *p монголоеды, как правило, не обращаются к тому пласту лексики, который включает изобразительные слова. Финский исследователь алтайских языков П. Аалто пишет, что начальный p встречается только во "вновь созданных описательных словах"⁴³, относя их к более поздним образованиям. Аналогичной точки зрения придерживались Н.Я. Марр и его последователи⁴⁴. Однако большинство исследователей образных и звукоподражательных слов являются сторонниками противоположной точки зрения, относя эту группу слов к древнейшим пластам лексического состава языков. Например, тюрколог Н.И. Ашмарин утверждает, что изобразительные слова являются первыми словами человека⁴⁵. Эта точка зрения поддержана известным тюркологом Н.К. Дмитриевым⁴⁶ и исследователем изобразительных слов в бурятском языке Л.Д. Шагдаровым⁴⁷. Если же рассматривать изобразительные слова как древнейший пласт лексики, то следует признать, что исторический *p, исчезнув во всех знаменательных, сохранился в звукоподражательных и образных словах. Как раз наличие инициального звука p в изобразительных словах сыграло определенную роль при заимствованиях знаменательных слов со звуком p: русские слова 'пенал', 'пароход', 'почта' и др. произносятся в бурятском языке с четким смычным p.

Смычный p, по данным исследователей алтайских языков, является одним из древних звуков. В реконструированном праалтайском языке предполагается наличие аспирированного и неаспирированного p⁴⁸. "В древнемонгольском, — пишет Н. Поппе, резюмируя высказывания Г. Рамштедта и Б.Владимирцова, — было четыре смычных сильных в начальной позиции, а именно *p, *t, *q, *k. Они были сильными и, можно полагать, аспирированными. Возможно, что сильные согласные (*p, *t, *q, *k) относились к слабым согласным (*b, *d, *g, *g) как аспирированные к неаспирированным, т.е. не как *p : *b = *t : *d и т.д., а как *p^c : *p = *t^c : *t и т.д."⁴⁹.

Как предполагает Н. Поппе, согласные *b, *d, *g, *g противопоставлялись согласным *p, *t, *q, *k не столько как звонкие глухим, сколько как слабые сильным, т.е. в качестве

фонологических признаков выступали в данном случае сила || слабость или аспирированность || неаспирированность, а не звонкость || глухость. В письменный период древнемонгольского и среднемонгольского языков, по данным Б.Я. Владимирцова, знали деление этих согласных на глухие и звонкие⁵⁰. По всей вероятности, звуковой строй бурятского языка, где имеет место четко выраженное фонологическое противопоставление по силе и слабости, а не по глухости и звонкости, имеет своим истоком еще дописьменный период развития древнемонгольского языка.

Фонема p' - ртовый, губной, сильный, мягкий звук, употребляется также очень редко и только в начальной позиции слова: $p'iixagar$ 'расплывшийся', $piršaganaxa$ 'пищать', $p'ε :šɛŋ$ 'печь', $p'as$ - звукоподражательное слово и т.д.

Мягкий p' артикулируется аналогично твердому p сильной смычкой губ, но со значительным дополнительным подъемом средней части языка по направлению к твердому небу.

Акустическим следствием сильного уменьшения объема ртового резонатора, вызванного подъемом средней части языка, является хорошо ощутимая на слух "мягкость", т.е. акустический эффект с более высоким положением части формант, чем у соответствующего твердого p (Атлас звуков, с. 39, рис. 29).

По-видимому, из-за того, что в знаменательных словах этот звук почти не употребляется, признак палатализации не всегда последовательно несет свою конституитивную функцию. Например, в одном и том же хоринском говоре заимствованное слово $p'ε :šɛŋ$ 'печь' может произноситься с начальным твердым p как $pε :šɛŋ$ с тем же значением. Правда, в звукоподражательных и образных словах всегда улавливаются нюансы различия слов, связанные с присутствием или отсутствием палатализации. Например, pas обозначает более глухой звук от падения нетвердого тела, а подражание $p'as$ выражает сравнительно резкий звук; такие же отличия имеют и другие сравнения: pal - $p'al$, par - $p'ar$, pad - $p'ad$ и т.д. Аналогичные различия наблюдаются в образных словах: $palxagar$ 'полный, пухлый' - $p'alxagar$ 'расплывшийся, рыхлый', $paršaganaxa$ 'шум (при взлете птиц), трещать (о мотоцикле)' - $p'aršaganaxa$ 'пищать, верещать' и т.д.

Палатализация согласных рассматривается как фонематический признак не во всех монгольских языках. Если в бурятском языке это в общем не вызывает сомнений, то в современном монгольском и калмыцком языках палатализация как дополнительный признак согласных, фонологически противопоставляющий палатализованные и непалатализованные согласные, признается не всеми исследователями.

П.Ц. Биткеев доказывает, что все мягкие согласные калмыцкого языка являются среднеязычными, а не палатализованными. Например, твердые и мягкие фонемы t и t' , d и d' , n и n' , l и l' противопоставляются как переднеязычные и среднеязычные: t и t_n , d и d_n , n и n_n , l и l_n , а не по признаку дополнительного подъема

средней части языка. Здесь так называемая мягкость является основной артикуляцией, а не дополнительной ⁵¹.

В монгольском языке имеет место почти такая же картина. В.М. Наделяев в своих ранних работах допускал наличие палатализованных согласных с большой оговоркой, указывая на факультативный характер употребления переднеязычных палатализованных и среднеязычных. Однако после фронтальных рентгенологических исследований, проведенных в Новосибирске и Улан-Баторе, он утверждал (в устной беседе), что в современном монгольском языке палатализованными являются согласные первой артикуляции (губные), мягкие согласные второй артикуляции являются среднеязычными, а третьей артикуляции — межзубноязычными ⁵².

Фонема b — ртовый, билабиальный, слабый, твердый звук: *ba:tar* 'богатырь', *buxa* 'бык', *bexxe* 'трудный', *xabar* 'весна', *ɛbɛr* 'рог', *ɛb* 'дружба, согласие'.

Так же как и в других алтайских языках, в бурятских диалектах согласный b является одним из самых распространенных звуков. Артикулируется он смычной или щелевой преградой между губами при слабом напряжении губных мышц. В интервокальном положении благодаря слабому мускульному напряжению не успевает образоваться смычка, поэтому фонема b в данном фонетическом положении и после сонанта ɣ произносится всегда с щелевой преградой. Смычные аллофоны употребляются в абсолютном начале слова (не во всех диалектах), в конце слога внутри и в исходе слов, в начале слога внутри слова после согласных, кроме сонанта ɣ. Фонема b в исходе изолированного слова и в исходе слога внутри слова перед глухими согласными произносится глухо, оставаясь в то же время слабым звуком (Атлас звуков, с. 40, рис. 30).

Приведенная здесь произносительная особенность фонемы b относится ко всем диалектам бурятского языка. В эхирит-булагатских диалектах встречается еще смягченный вариант произнесения звука b, который связан с влиянием гласного æ (æ:). Вместо литературного *bæ:na* 'стоит' в эхирит-булагатском произносится *b'æ:na* в м. *bar'iḡa* в эх.-бул. *b'æɣḡa* 'ловить', в м. *ba-r'u:r* — *b'æru:r* 'ручка' и т.д. Здесь имеет место заметное продвижение вперед и сужение гласного a и появление качественно другого гласного æ в указанных бурятских говорах.

Исследователи алтайских языков (Рамстедт, Поппе, Рясане, Цинциус и др.) показывают, что фонема b в этом же качестве функционировала в древнемонгольском, письменномонгольском, пратюркском, древнетюркском, в тунгусо-маньчжурском языках. В корейском языке вместо b появляется p, в некоторых тюркских языках тоже наблюдается b > p: бур. *biru:* 'двухгодовалый теленок', спм. *biragu*, др.-тюрк. *buzayū* 'теленки' (ДТС, 130), хак. пзыо 'теленки' (ХРС, 169), туркм. *бузов* 'теленки' (РТС, 117).

В этом отношении представляет интерес современный монгольский язык, который во многих случаях дает сильный смычный p там, где в других монгольских языках употребляется слабый b:

пугер 'крышка (котла)', перге 'трудный', пуджиг 'письмо', пу 'винтовка' и т.д.⁵³ Традиционная алтаистика, а также монголоведение предполагали, что монгорский p является остатком древнемонгольского или даже общеалтайского инициального p. Монгольский языковед Ш. Лувсанвандан по этому поводу высказал оригинальную, отличную от установившейся в алтаистике точку зрения. Он сравнивает появление в монгорском языке начального согласного p с наличием в современном халхаском глухого b: "... аналогично тому, как в халхаском перед краткими гласными b произносится глухо, в монгорском согласный b становится еще более глухим и сильным p"⁵⁴. Автор подтверждает свой вывод сопоставлениями примеров из древнемонгольского, халхаского и современного монгорского языков.

Древнемонгольский	Халхаский	Монгорский
batu	ḡata	padu
bitügü	ḡitü	pudjuu
butara -	ḡutarḗ -	pudaraa -
bütegē -	ḡutē -	pudjee -
buḡta -	ḡaxta -	pagda -
burtay	ḡurtāg	pudag
bērke	ḡerxə	pjerge ⁵⁵

К такому же выводу приходит Ш. Лувсанвандан относительно происхождения монгорского f, утверждая, что монгорский f не является сохранившимся древнемонгольским f, а представляет собой среднемонгольский h ~ x, под влиянием лабиализованных гласных перешедший в f⁵⁶.

Фонема b' - ртовый, билабиальный, слабый, мягкий звук: b'isalxa 'раздавить', ab'a:ŋ 'звук', tab'iŋ 'пятьдесят', ai'b'iŋ 'брюшной жир'. Палатализованный b' артикулируется слабой смычкой или щелью, образованной между нижней и верхней губами, отличаясь от твердого b значительным дополнительным подъемом средней части языка к твердому небу. Подобно твердому b в интервокальном положении и после r, фонема b' имеет щелевую настройку. В бурятских говорах фонема b' по сравнению с твердой фонемой b встречается значительно реже, большей частью перед гласными высокого подъема i и i: и всегда в начальной позиции слога; причем в начале слова употребляется смычный аллофон, а внутри слова - щелевой (Атлас звуков, с. 42, рис. 31).

Сравнительно-исторический анализ эволюции звука b показывает, что первоначально он был глухим смычным звуком b, отличавшимся от глухого смычного p по признаку слабости. Н. Поппе по этому поводу пишет следующее: "Согласно b, d, g в противоположность соответствующим сильным были неаспирированными. По этой причине, возможно, они относились к сильным смычным не

как *b : *p = *d : *t = *g : *k, а как *p : *p^c = *t : *t^c = *k : *k^c. Но, несмотря на это, во всей специальной литературе они обозначаются как *b, *d и *g.⁵⁷

Результаты экспериментального анализа согласных современных монгольских языков показывают, что придыхание действительно характерно для артикуляционных особенностей сильных глухих смычных согласных, но не является для них постоянным или обязательным признаком. Сильный смычный согласный может быть произнесен и без аспирации. По свидетельству Ш. Лувсанвандана⁵⁸ и В.М. Надеяева⁵⁹, в современном монгольском (халха) языке почти всюду в начальной позиции фонема b проявляется в глухих вариантах. Бурятские говоры, особенно хоринский, легший в основу литературного языка, также дают глухие варианты b в инициальной позиции.

Более вероятным является то, что отношение слабых и сильных согласных в языке основывалось не на аспирации или ее отсутствии как на их главном критерии противопоставлений, хотя сильные согласные и сопровождалась дополнительным придыханием, но основным показателем их фонологической дифференциации были признаки силы и слабости, потому отношение b : p не является условным, как предполагал Н. Поппе.

Фонема m - носовой, губной, твердый сонант: *mal* 'скот', *mεrgεŋ* 'меткий', *mu*: 'плохой', *χamta* 'вместе', *χadam* 'свекор', *χεm* 'мера'.

Фонема m' - носовой, губной, мягкий сонант: *m'aχaŋ* 'мясо', *am'iŋ* 'дыхание', *m'aŋgaŋ* 'тысяча', *m'aγaχa* 'мякучать'.

Носовая твердая фонема m встречается во всех бурятских диалектах и в любой позиции. Мягкая фонема m' отличается от твердого m кроме признака мягкости еще и позиционной закрепленностью - она употребляется только в начале слогов.

В монгольских языках сонанты m и m' претерпели мало изменений, в тюркских же языках в большинстве случаев m перешел в билабиальный b. Например, бур. *mεŋgε* ~ (диал.) *mōŋ-gōg* 'родинка', монг. *mεngε* 'id', в османском (тюрк) *bānāk* 'родинка' (Поппе); ср.-монг. *mōnkε* 'вечный', бур. *mūŋχε* 'id', др.-тюрк. *bengü* 'вечный' (ДТС, 94). Н. Поппе приводит пример из маньчжурского языка, где сочетание **mija* переходит в *nija* (произносится *n'ā*, т.е. мягкий *m'* > в мягкий *n'*). Аналогичный случай имеет место в говоре унгинских бурят, где слова *m'aχaŋ* 'мясо', *m'aŋgaŋ* 'тысяча' произносятся с начальным мягким *n'*: *n'aχaŋ*, *n'aŋgaŋ* с теми же значениями.

Аналогично фонеме b в баргузинском, байкало-кударинском говорах перед передними гласными æ и œ фонема m становится смягченной, но не мягкой.

Твердая фонема m образуется смыканием губ при одновременном опускании небной занавески, что обуславливает одноканальный выход воздушной струи через полость носа. Губы при этом напрягаются очень слабо.

При произнесении носовых звуков раскрытие смычки дает очень слабый взрыв (Атлас звуков, с. 42, рис. 32).

При артикуляции мягкого m' происходит тот же процесс, что и при образовании твердого m: смыкаются верхняя и нижняя губы, небная занавеска опускается, воздушная струя проходит через полость носа. Однако, как и все мягкие фонемы, фонема m' отличается от соответствующей твердой пары мягкостью - дополнительным подъемом средней части языка к твердому небу (Атлас звуков, с. 43, рис. 33).

Согласные второй артикуляции (переднеязычные и среднеязычные)

Количественно большая группа фонем (t, t', d, d', n, n', l, l', r, r', s, s', z, z', j) объединена по работе двух активных артикулирующих органов - передней и средней частей спинки языка. Это мотивировано фонологически только относительно мягких согласных фонем этой группы, при артикуляции которых средняя часть спинки языка работает как активный орган, в одних случаях, или активно работает передняя часть спинки языка с дополнительным участием ее средней части, в других случаях, при одинаковых в общем акустических эффектах. В данном случае фонетические признаки переднеязычности и среднеязычности оказываются irrelevantными, т.е. вариативными чертами фонем t', d', n', l'. В конце этого раздела вкратце описываются аффрикаты t'š, d'ž, ts, dz, которые почти полностью исчезли во всех основных бурятских диалектах, сохранившись лишь в южных говорах. Однако происхождение спирантов š, ž, s, z современного бурятского языка связано с эволюцией исторических обшмонгольских аффрикат t'š, d'ž, ts и dz.

Фонема t - ртовый, переднеязычный, сильный, твердый, смычный звук: tabaŋ 'пять', tεxε 'козел', tohoŋ 'масло', xatu: 'твердый', türgεŋ 'быстрый', netεrü: 'настойчивый'. Встречается он только в начале слогов, артикулируется смычной преградой, образованной при сильном мускульном напряжении языка. При артикуляции t язык касается твердого неба, охватывая его края передней и боковыми частями. Сильное напряжение активного органа несколько задерживает вторую фазу артикуляции, обуславливая этим большую силу взрыва (Атлас звуков, с. 44, рис. 34).

Аналогично губному p фонема t имеет факультативные придыхательные аллофоны. Но в основном третья фаза артикуляции бурятского t характеризуется сильным взрывом, без дополнительной аспирации, а в цонголо-сартульском говоре, как и в современном монгольском языке, произносится с придыханием. Имеется аналогичный глухой звук, встречающийся в исходе слогов, но он является слабым и более близок к звуку d; носителями языка последний не различается от фонемы d, они выступают глухим и звонким аллофонами фонемы d.

Согласный звук t в истории алтайских, в том числе и монголь-

ских, языков занимает особое место, так как эволюция исторического *t̥ проходила двумя различными путями. Если звук t̥ перед всеми гласными, кроме i, не претерпел серьезных изменений, то перед гласным i он существенно изменился. Переднеязычные и среднеязычные аффрикаты, щелевые s, š, h в современных языках через палатализованный t' восходят к историческому *t̥ перед гласным i. Все монгольские языки и южная группа тунгусо-маньчжурских языков вместо t̥ перед гласным i дают аффрикаты или щелевые, почти все тюркские и северная группа тунгусо-маньчжурских языков сохранили смычный t̥, чувашский язык в отличие от всех других тюркских языков дает в этой позиции аффрикату č (t'š), современные бурятские говоры в данной позиции дают щелевые звуки š, h. (Подробное описание эволюции первичного *t̥ перед i и его рефлексy в бурятских диалектах даны в разделах, где даются описания соответствующих производных звуков.)

Смычный t̥ перед всеми гласными, кроме i, стабильно сохраняется почти во всех алтайских языках. В телеутском и алтайском языках слово tura означает 'город или дом', в бурятских диалектах – то же самое. Из-за сходности значений этого слова Н. Поппе считает, что в указанных тюркских языках слово tura заимствовано из монгольского⁶⁰. Однако это слово и в древнетюркском имеет такое же звучание: tura 'укрепленное жилище, крепость' (ДТС, 587); в др.-монг. tura 'крепость', ср.-монг. turas 'четырёхугольный шит', халх. tura 'маленький город', маньчж. tura 'несущая балка дома', голд. tora 'колонна или опора, поддерживающая крышу'.

Фонема t' – ртовый, переднеязычно-среднеязычный, сильный мягкий, смычный звук: t'i:mε 'такой' et'εgεl 'доверие', χot'ogor 'кривой', t'ibheŋ 'луковица сараны'. Экспериментальные исследования артикуляции мягкого t' показывают, что здесь речь может идти по крайней мере о двух четко выраженных аллофонах. Первый из них является переднеязычным палатализованным звуком. Артикулируется он плотной смычкой, образованной между передней частью спинки языка и передней частью твердого неба при сильном подъеме средней части языка по направлению к твердому небу. Второй звук является среднеязычным. Артикулируется он смычкой средней части языка с передней и средней частями твердого неба, причем в данном случае язык иногда не касается передней части альвеол и кончик его упирается в нижние резцы.

Переднеязычный звук является сильно палатализованным, среднеязычный – продвинутым вперед. На слух они почти не различаются, потому что резонаторы по своему объему очень близки друг к другу.

Несмотря на то, что t' произносится при сильном мускульном напряжении языка, третья фаза его артикуляции не имеет энергичной размычки, характерной для сильных смычных. Это свидетельствует о небольшой аффрицированности бурятского t' (Атлас звуков, с. 45, рис. 35).

Бурятские диалекты по сравнению с другими монгольскими язы-

ками и диалектами более полно представлены мягким t'. Например, сочетание звуков eji после твердого t в бурятском языке развилось в долгий i:, перед которым этот t развился в t', а в других монгольских языках, в том числе в современном монгольском, eji развился в открытый ɮ, перед которым t сохранил свою твердую настройку. Если в бурятском языке звучат t':mɛ 'такой', t'i:xɛ 'так делать', то в монгольском tɮ:x, tɮ:m 'в том же значении'. Чаще в бурятском языке употребляется среднеязычный h: бур. ɬhɛgɛl 'доверие', халх. itgɛl 'id'; бур. (диал.) ɣoɬogor 'кривой', халх. ɣotgor 'id'; бур. (диал.) ɣoɬogo 'нож', халх. ɣutag 'id' и т.д.

Фонема d – ртовый, переднеязычный, слабый, твердый, смычный звук: dalaŋ 'семьдесят', dɛlɛŋ 'вымя', odoŋ 'звезда', xadlaŋ 'покос', dū:rɛŋ 'полный', udɣa 'род'.

При произнесении d язык своими боковыми частями упирается в твердое небо с боков и спереди, образуя полную смычку, но со значительно более слабым мускульным напряжением, чем при t.

Фонетические изменения фонемы d в потоке речи аналогичны проявлениям смычных аллофонов фонемы b. В начале слога или в конце слога внутри слова перед звонкими согласными встречается в звонком варианте, перед глухими – в глухом. В исходе слога – иногда имплозивный и, как правило, глухой (Атлас звуков, с. 46, рис. 36).

Эволюция смычного слабого d почти такая же, как у сильного t. Перед всеми гласными, кроме i, он стабильно сохраняет свое прежнее качество.

В отличие от других монгольских языков в некоторых бурятских говорах (эхирит-булагатский, боханский, аларо-унгинский) перед согласными некорневых морфем показатель множественного числа d переходит в фарингальный h или шелевой сильный ɬ: xübü:d 'ребята' ~ xübü:hi: хаžu:da 'около ребят' (бох.) или xübü:ɬi:n 'его ребята' (эх.-бул.), лит. mor'idu:d 'лошади' (диал.) ~ mor'i-hu:d, dadaxa ~ dahaxa 'привыкать', bodoxo ~ bohoxo 'вставлять'. Здесь, разумеется, имеет место не непосредственный переход d в h – современное чередование d ~ h является следствием исторического чередования, где исходный ɬ переходит в h и d.

Г.Д. Санжеев справедливо указывает, что фонема d в бурятских диалектах "встречается вместо проточного ɬ в конце слова, причем при словоизменении восстанавливает свою звонкость или заменяется гортанным проточным h, который в этих диалектах образовался из проточного ɬ, сохранившегося в прочих монгольских диалектах, например в халхаском: бур. bōd ~ bōm 'ткань', орудн. п. - bō-dōr ~ bōhōr 'тканью' (халх. бōс, орудн. п. бōсōr)"⁶¹.

Первичный *d перед гласным i претерпел значительные изменения, особенно в монгольских и южной маньчжурской группе тунгусо-маньчжурских языков. В бурятских говорах историческому *d соответствуют d', d'ž, ž, j, z. В данном случае представляет интерес говор нижнеудинских бурят, где употребляется мягкий d' вместо общемонгольских ɣ, j и d'ž перед гласным i: динже вм.

гінджи 'цепь', діда в.м. джіда 'копье', дінѣн в.м. жісуң 'девять', дірен в.м. жірѣн 'девяносто'⁶².

В хоринском говоре орфографическое сочетание "ги" произносится тоже как сочетание среднеязычного d' (ḡ) с гласным i. Слова типа гангинаха, мангир и т.п. произносятся gand'inaxa, maṅd'ir и т.д. Здесь палатализованные переднеязычный d' и заднеязычный g' стянулись в среднеязычный ḡ.

Фонема d' - ртовый, переднеязычно-среднеязычный, слабый, мягкий, смычный звук: d'i:lɛxɛ 'побеждать', ɛd'ɛ:ŋ 'еда', χad'axa 'чирей', ɛd'u:r 'корыто для кормления животных'.

Подобно фонеме t', фонема d' проявляется в переднеязычных и среднеязычных аллофонах, t' и d' артикулируются почти одинаково, отличаясь друг от друга лишь относительно сильной или слабой напряженностью мышц языка.

Переднеязычный аллофон употребляется в начале слога перед гласными переднего ряда i:, ɛ и встречается только в звонком варианте; среднеязычный аллофон употребляется в исходе слога внутри слова перед согласным x в глухом варианте и в начале слога перед гласным ü: в звонком огубленном варианте.

Фонема d' по сравнению с твердой фонемой d встречается в бурятском языке значительно реже (Атлас звуков, с. 47, рис. 37).

Фонема n - носовой, переднеязычный, смычный, твердый сонант: noxoɛ 'собака', nu:r 'озеро', nɛrɛ 'имя', unagaŋ 'жеребенок', ünɛŋ 'правда'; образуется он слабой смычкой кончика языка с альвеолами при одновременном опускании небной занавески. Место касания языка на небе почти такое же, как при произнесении соответствующих ртовых звуков t и d. Язык смыкается с твердым небом своими краями и передней частью, полностью преграждая путь воздушной струе через ртовый канал. Однако при n площадь касания немного уже, особенно спереди у верхних резцов, чем при t и d. Это объясняется общей для всех сонантов слабой артикуляцией. В отношении бурятских переднеязычных t, d, n по силе артикуляции, а следовательно, по ширине смыкания языка и неба наблюдается следующая убывающая градиция: t → d → n (Атлас звуков, с. 48, рис. 38).

В бурятских диалектах фонема n употребляется преимущественно в начале слога; в исходе слога внутри слова она встречается довольно ограниченно - только перед переднеязычными согласными t, d, s: mandaɟa 'процветать, здравствовать', sɛntɛ 'ценный', monsogor 'круглый'.

В литературном бурятском языке фонема n в исходе слова не встречается. В боханском диалекте и в агинском подговоре хоринского диалекта эта фонема употребляется в исходе слова в качестве показателя 3-го лица притяжательного склонения, которому в литературном языке соответствует мягкая фонема n' (нь).

Эволюция согласных n и n' в монгольских языках существенно отличается от эволюции других согласных. Если все другие палатализованные согласные имеют вторичное происхождение, связанное в основном с различными переборами гласного i, то следы палатали-

зованного n' и непалатализованного n, по данным алтаистов-компаративистов, четко обнаруживаются еще в праалтайском языке. Ретроспективный анализ динамики системы фонем монгольских языков показывает, что здесь имел место не палатализованный n', а скорее среднеязычный звук n (см. выше). С течением времени следовавшие за первоначальным n (n) гласные a, u и другие превратились в ɤ, причем звук n' потерял свою мягкость, а гласные, следовавшие за твердым n, не изменялись. Таким образом, согласные n и n' слились в один твердый звук n. Древнейшее различие n и n' сохранилось в тунгусо-маньчжурских языках:

маньчж. н'овацган 'зелень, зеленый' (ССТ-МЯ, 602), сов. монг. ного:(ŋ), бур. ного:ŋ 'зеленый' возводятся ногоуан < *ni-gogan < *n'oguyan 'зелень'. Бурятский нугаһаŋ 'утка', эвенк. н'уһн'аки: (нюнгиаки) 'гусь', (ЭРС, 307), маньчж. н'оһ-н'аха 'ид' возводятся к прамонгольскому *n'ogusun 'утка'.

Во многих случаях бурятский мягкий n' совпадает с прамонгольским: n'a: 'клеить', совр. монг. na: старомонг. nigaku восходят к *n'apā 'склеивать'; бур. n'udarga 'кулак', совр. монг. nudarga, старомонг. n'idurga восходят к прамонгольскому (и праалтайскому) *n'udurga.

Исследователи алтайских языков, в частности Н.Н. Поппе⁶³ и В.И. Цинциус⁶⁴, доказывают, что историческому слогу n + i предшествовал слог, состоящий из мягкого согласного n' (в действительности среднеязычного n) и любого гласного, кроме i. Когда Г.Д. Санжеев писал, что "наиболее характерным для бурятского языка является то, что в нем за весьма редкими исключениями устойчиво и последовательно отражается исторический *i в виде палатализации (разрядка наша.И.Б)

соответствующих согласных"⁶⁵, он имел в виду древний период письменно-монгольского языка. Однако вполне можно предположить, что бурятский n' является не рефлексом старописьменного сочетания ni, а отражает прамонгольский мягкий n' (точнее, среднеязычный n) + любой гласный, кроме i.

Фонема n' - носовой, переднеязычно-среднеязычный, мягкий сонант: n'i:dɛxɛ 'летать', ɛn'ɛ:dɛŋ 'смех', n'u:r 'лицо', n'ü-dɛŋ 'глаз', n'urgan 'спина', n'a:xa 'склеить'.

В отличие от твердого n фонема n' артикулируется при значительно большем мускульном напряжении языка.

Фонема n', как и сходные по артикуляционным настройкам мягкие фонемы t' и d', проявляется в переднеязычных и среднеязычных аллофонах. По положению языка эти аллофоны почти не отличаются от соответствующих аллофонов фонем t и d. Переднеязычный звук n' образуется смычкой передней части спинки языка с передней и частично средней частями твердого неба, т.е. приближается к среднеязычной артикуляции. Перед задними гласными u, u:, o фонема n' становится среднеязычным звуком. Это, видимо, обуславливается артикуляцией последующих гласных. Характерное для артикуляции гласного заднего ряда отодвигание тела языка назад отражается "регрессивно" на отодвигании места омычки: переднеязычная альвеоляр-

но-переднетвердонебная смычная артикуляция заменяется среднеязычной и переднесреднетвердонебной смычной артикуляцией (Атлас звуков, с. 49, рис. 39).

В бурятском языке мягкий n' встречается значительно чаще, чем в других монгольских языках.

В унгинском говоре бурятского языка наблюдается переход общебурятских m' и j в n': в м. m'axaŋ произносится n'axaŋ 'мясо', в м. m'aŋgaŋ — n'aŋgaŋ 'тысяча', в м. jama:ŋ — n'a-ma:ŋ 'коза' и т.п.

М. Ряснен пишет, что "в начале слова *d-, *ʒ-, *n- в пратюркском языке переходит в j-, так что пратюрк. j- восходит к четырем звукам *j-, *d-, *ʒ-, *n-, полностью представленным в монгольском языке"⁶⁶. Унгинское j > n' едва ли связано с этим древним звуковым процессом, скорее всего это явление относится к узорегиональным фонетическим изменениям.

Г.Д. Санжеев считает наличие палатализованных согласных в бурятском языке, в частности n', наиболее характерной особенностью, отличающей его от других монгольских языков, и объясняет это тем, что «в тех ранних северных монгольских диалектах, на основе которых сложились современные бурятские диалекты, т.е. в "протобурятских" диалектах, гласный заднего ряда ɮ, тем более не подвергшись перелому, в словах того же ряда видоизменился в гласный переднего ряда i... тот ранний монгольский диалект конца XII и начала XIII в., на основе которого сложился старописьменный монгольский язык, почти без исключения отражающий этот исторический i, в отношении эволюции данного гласного был подобен "протобурятским" диалектам. Как известно, во всех современных монгольских языках, кроме бурятского, сохранение и отражение исторического гласного i отмечается сравнительно редко»⁶⁷.

Фонема l — ртовый, переднеязычный, щелевой, боковой, твердый звук: alag 'пестрый', galu:ŋ 'гусь', bɛlɛg 'подарок', ülü: 'лишний', üglö: 'утро'.

Описывая современный халхаский l, Б.Я. Владимирцов находит, что он близок по своему звучанию к английскому l на конце слов и перед согласными в словах типа well, milk, но отличается от русского твердого л⁶⁸. Эту аналогию с английским вполне можно перенести и на бурятский язык. Бурятский литеральный l произносится следующим образом: кончик языка и часть передней его спинки упираются в верхние резцы, а задняя спинка языка несколько поднимается, соприкасаясь своими боками с краями твердого неба на линии больших коренных зубов, образуя незначительный прогиб в средней его спинке. Профиль языка имеет прогнутую книзу форму в своей средней части⁶⁹ (Атлас звуков, с. 54, рис. 44). При артикуляции русского "л" боковые щели по обеим сторонам языка образуются несколько позади по сравнению с бурятским l, по данным В.А. Богородицкого, "на протяжении от малых коренных до зуба мудрости при сохранении касания у задних углов неба"⁷⁰.

В бурятских диалектах фонема l употребляется в любой позиции слова. Однако инициальный l встречается только в образительных и заимствованных словах, а исконно бурятские (и монгольские) знаменательные слова не знают анлаутного l.

Как известно, в других алтайских языках, кроме тунгусского, фонема l в начале слов также не встречается. Тунгусский начальный l - вторичного происхождения, он восходит к начальному переднеязычному n перед назальным билабиальным m⁷¹.

Эвенкийское ламу и маньчж. наму 'море' (ССТ-МЯ, 490-491) восходят к *namu; эвенк. лабган 'пристать, прилипнуть' (ССТ-МЯ, 484), монг. niya- 'клеить', др.-тюрк. jarĩc 'приставать, приклеивать' (ДТС, 235), прамонг. *n'owā восходят к первоначальному *narā 'клеить, пристать'.

Как известно, в ряде случаев монгольский l соответствует тюркскому š (*t'ilaɣun > монг. t'šilaɣun 'камень', тюрк. taš, чуваш. t'šul 'камень'). В алтаистике установлено, что первый l, который во всех алтайских языках соответствует l, и второй l, который в большинстве тюркских языков переходит в š, исторически восходят к разным l. Если бесспорно то, что монгольский l развился от двух разных l или тюркские (кроме чувашского) l и š восходят к этим двум древним, разным по качеству l, то извечный спор исследователей алтайских языков, продолжающийся до сих пор, касается только качества этих первичных l и направленности изменения. Изложение сути проблемы и точку зрения автора по этим дискуссионным вопросам см. выше.

Фонема l' - ртовый, переднеязычно-среднеязычный, шелевой, боковой, мягкий звук: dal'i 'крыло', büi'ε:ŋ 'теплый', εl'geŋ 'печень', gul'magar 'длинный, тонкий'.

В бурятском языке фонема l' проявляется в переднеязычных и среднеязычных аллофонах. По сравнению с твердым l при артикуляции мягкого l' значительно увеличивается площадь смыкания языка на твердом нёбе как спереди, так и с боков, вплоть до среднеязычной артикуляции. Этот звук произносится при сильном подъеме средней части языка и опускании его задней части, поэтому проход к передним коренным зубам закрывается и боковая щель образуется только по бокам задней части языка. При переднеязычном палатализованном l' полоса касания языка на нёбе находится спереди приблизительно на уровне первых малых коренных зубов, с боков она доходит до вторых больших коренных зубов; при среднеязычном l' (по МФА этот звук обозначается знаком ʎ) остается небольшой просвет у верхних резцов, а полоса касания захватывает и среднюю часть твердого нёба (Атлас звуков, с. 55, рис. 45).

Фонема l' употребляется преимущественно в начале непервых слогов, в исходе слога перед согласными b, d, g, m.

В начале слова l' употребляется очень редко - лишь в словах несобственно бурятского происхождения: l'mbε 'флейта', l'itε 'календарь' и др.

Фонема ɣ - ртовый, переднеязычный, дрожащий, твердый

звук: χ ara 'черный', tere 'тот', tergen 'телега', türel 'родство'.

Б.Я. Владимирцов писал, что "в монг.-письм. и в халхаском г никогда не бывает в начале слова; в монгольской письменности встречаются слова, начинающиеся с r , но слова эти являются лишь транскрипцией иноязычных форм, напр.: rilbu (тиб.) 'пилюля' халх. $\dot{u}r\dot{u}l$ 'id'. Как в монг.-письм., так и в халхаском, а также и в других монгольских наречиях в заимствованных словах, начинающихся с r , в начале появляется гласный, одинаковый с гласным, следующим за r ; если за начальным r следуют узкие гласные i , u , то в качестве эпентетического гласного является гласный средний e или o "⁷². В собственно бурятских словах \underline{r} в начале слова также не встречается.

Звук \underline{r} артикулируется кончиком языка, немного приподнятым над остальной его частью. Кончик языка пассивно колеблется в струе проходящего воздуха, образуя одну или несколько кратковременных смычек или щелей с задним скатом альвеол.

В отличие от русского какуминального \underline{r} бурятский \underline{r} произносится при почти апикальной настройке и слабом подъеме кончика языка. Эта особенность артикуляции \underline{r} обуславливает меньшую вибрантность, иногда он становится просто щелевым.

В позиции между гласными или в сочетании с другими сонантными и слабыми согласными звук \underline{r} произносится с участием голоса, является сонантным в полном смысле, т.е. при произнесении его голос преобладает над очень слабым шумом.

В исходе слога внутри слова перед глухими согласными употребляется глухой \underline{r} , а в абсолютном исходе слова — полувзвонкий \underline{r}^{\wedge} (Атлас звуков, с. 56, рис. 46).

В алтайских языках согласные \underline{r} и \underline{l} классифицируются как звуки, не употребляющиеся в начале слова. Как пишет Н. Поппе, "можно полагать, что r и l не встречались в начальной позиции и на самых древнейших стадиях"⁷³.

Латеральный \underline{l} и дрожащий \underline{r} прошли почти аналогичные стадии развития и по характеру изменения очень близки друг к другу. Во многих языках \underline{l} и \underline{r} чередуются между собой. Например, в современном бурятском языке дрожащий \underline{r} в составе аффиксов диссимилятивно заменяется боковым \underline{l} , если в составе основы имеется звук \underline{r} : ногоо-ро 'зеленеть', хар-ла 'чернеть', аляа-рха 'баловаться', зөөри-лхэ 'гордиться имуществом' хад-уур 'серп', бар'-уул 'ручка', агн-уури 'охота', һург-уули 'школа', хабш-уурга 'тиски', бар'-уулга 'вручение'. В корейском языке сонанты \underline{l} и \underline{r} фонологически не противопоставляются, являясь разными аллофонами одной фонемы. Г. Рамстедт писал, что "корейский язык трактует звуки \underline{l} и \underline{r} как одну фонему. \underline{r} произносится в положении между гласными и перед последующим x "⁷⁴. А.А. Холодович, сопоставляя фонетический состав корейского и русского языков и отмечая в них разную фонологическую трактовку некоторых согласных, пишет, что "классическим примером могут служить \underline{L} и \underline{R} . В русском языке это разные фоне-

мы, но в корейском языке это варианты одной и той же фонемы: в конце слова по-корейски можно произнести только Л (сравните в русском стар и стал), между гласными только Р (сравните в русском варить и валить) и т.д. „75.

Тюрко-монгольская параллель фиксирует два разных соответствия звука г. С одной стороны, монгольский г соответствует тюркскому г, а с другой — монгольский г соответствует тюркскому з точно так же, как монгольский л соответствует тюркским л и з (см. выше). Примеры на $г \sim г$: монг. *ariγun* 'чистый', др.-тюрк. *ariγ* 'ид' (ДТС, 51); монг. *aru* 'задняя сторона, спина', др.-тюрк. *arga* 'спина' (ДТС, 53). Примеры на $г \sim з$: монг. *arai* 'едва, чуть', др.-тюрк. *az* 'мало, немного' (ДТС, 71); ср.-монг. *ara'a* 'коренной зуб', др.-тюрк. *aziγ* 'клык, зуб' (ДТС, 72); монг. *urtu* 'длинный', др.-тюрк. *uzun* 'длинный, долгий' (ДТС, 62).

Трактовку вопроса о том, к каким исходным звукам восходят эти соответствия и что было первичным — г или з, см. выше.

Фонема г' — ртовый, переднеязычно-среднеязычный, дрожащий, мягкий звук: *tar'a:ŋ* 'зерно, хлеб', *har'daɑ* 'гора, покрытая снегом', *bor'bo* 'голень', *bar'u:l* 'ручка'.

В отличие от твердого г мягкий г' артикулируется при дополнительном подъеме средней части языка к твердому небу. При произнесении этого звука кончик языка приподнимается по направлению к заднему скату альвеол меньше, чем при твердом г. Мягкий г' является еще менее какуминальным, чем твердый г.

Вибрантность фонемы г' незначительная — фиксируется один-два удара.

Фонема г' встречается в начале непервых слогов или в исходе слога внутри слова перед звонкими согласными, в отличие от твердой пары — только в звонких вариантах (Атлас звуков, с. 57, рис. 47).

Мягкий г', как и твердая фонема г, в начале собственно бурятских слов не встречается.

Фонема с — переднеязычный, ртовый, круглощелевой, однофокусный, сильный, твердый звук: *sahaŋ* 'снег', *sεxε* 'прямой', *asa* 'вилы', *sülö* 'свобода', *sugla:ŋ* 'собрание', *sεgε:ŋ* 'светлый'.

Фонема з является весьма употребительным звуком в современных бурятских диалектах и встречается преимущественно в начале слога. В исходе слова она употребляется сравнительно редко, главным образом в звукоподражательных словах типа *χas*, *tεs*, *pūs* и т.п. В середине слова в исходе слога она встречается только перед сильным согласным х и реже — перед т: *εsχεxε* 'кроить', *astagar* 'раскоряченный'. При произнесении бурятского з шумообразующая щелевая преграда образуется сближением передней части спинки языка с передней частью твердого неба при плотном соприкосновении краев языка с верхними коренными зубами и краями твердого неба. Спереди против двух средних верхних резцов язык не касается неба, здесь образуется щель для прохода воздушной струи (Атлас звуков, с. 50, рис. 40).

Эволюция спирантов в алтайских языках вообще представляет довольно сложную картину. Многие спиранты, имеющие широкое распространение в современных монгольских, тунгусо-маньчжурских и тюркских языках, имеют относительно позднее происхождение, восходя в основном к смычным согласным ⁷⁶ s. По трактовке традиционной алтаистики фрикативный s относится к разряду первичных (праалтайских) звуков. Как известно, исторический *s сохранился во всех алтайских языковых группах. Но внутри этих групп он претерпел ряд существенных изменений. Например, в бурятском языке, в отличие от других монгольских языков первичный *s исчез полностью перед гласными, кроме i, он превратился в h; перед i, как и во всех других монгольских языках, перешел в š, а на конце слога или корня почти во всех бурятских диалектах превратился в d. Например: бур. ha: 'дойть', монг. saɣa = < прамонг. sagā др.-тюрк. saɣ 'дойть', (ДТС, 480); бур. hɛmʒɛ 'жировой покров брюшины, брюшной жир', совр. монг. сэмж 'сальник' (МРС, Л., 375), др.-тюрк. sɛmiz 'жирный', sɛmri 'жиреть' (ДТС, 495); бур. šɛŋɣɛ = 'впитываться', монг. šingɛ = 'id', др.-тюрк. siŋ 'уходить в землю, впитываться (о воде)' (ДТС, 500); бур. šɛlɛ 'затылок', ср.-монг. šil 'id', эвенк. сил 'затылок', (ССТ-МЯ, 82); бур. šüder 'зуб', сов. монг. süd 'id' онон. хамн. s'idü, др.-тюрк. tš 'id' (ДТС, 569); бур. xüšɛɣɛ 'занавес', совр. монг. xöšig 'id', онон. хамн. köš'iɣü 'занавес'; монг. ulus 'народ', бур. ulad 'id'; монг. dzɛs 'медь', бур. zɛd 'id'; монг. böс 'материя, мануфактура', бур. бүд 'id'.

Исторический спирант *s таким образом, в основных бурятских диалектах перешел в h, š, d, т.е. в прежнем качестве не сохранился. Однако современный бурятский язык и его диалекты располагают таким же спирантом s, который соответствует современной монгольской аффрикате ts, генетически восходящей к аффрикате *t's: бур. sag 'время', совр. монг. tsag 'id', др.-монг. t'sag 'id', др.-тюрк. čag 'пора, время' (ДТС, 139); бур. sa-x'ixa 'высекать огонь', совр. монг. tsaxix, др.-монг. t'saki, др.-тюрк. čaq- 'id' (ДТС, 140); бур. saga:ŋ 'белый', совр. монг. tsaga:ŋ 'id', маньчж. чаган 'белый', ианайский чāzja 'id' (НРС, 496); бур. sara 'чаша, чара (с широким верхом)', совр. монг. tsar, маньчж. чара 'чара, чаша для вина' (ССТ-МЯ, 385); бур. samsa'рубашка', совр. монг. tsamts, маньчж. чамчи 'женская нижняя длинная рубаха', эвенк. чамча 'мужская короткая шуба' (ССТ-МЯ, 383).

Бурятский s, как пишет Г.Д. Санжеев, является последующим за ts (ц) звеном в цепи t's > ts > s. Здесь необходимо только уточнить, что процесс ts > s непосредственно связан с более поздним переходом общемонгольского s в h.

Фонема š - ртовый, переднеязычный, двухфокусный, сильный звук: šarga 'сани', šono 'волк', šɛnɛ 'новый', šüder 'путы', üšö:hɛŋ 'ива', bešɛg 'письмо', sɛxɛŋ 'ухо'; артикулируется двумя щелевыми преградами: первая щель образуется между кончиком языка и альвеолярным выступом, вторая - между продви-

нутой вперед задней частью спинки языка и средней частью неба (Атлас звуков, с. 52, рис. 42). По отношению к русским твердо- и мягкому ш бурятский звук ᠰ занимает промежуточное положение. Видимо, этот звук, судя по описанию Л.В. Шербы приблизительно совпадает с соответствующим французским звуком ʃ.

Это своеобразие бурятского ᠰ дало повод А.Д. Рудневу выделить перед долгими гласными (в более четком произношении) палатализованный ш' как комбинаторный вариант непалатализованного ш.

Фонема ᠰ является одним из самых употребительных звуков в бурятском языке. Встречается она преимущественно в начальной позиции слога; в исходе слова выступает лишь в качестве показателя второго лица при спряжении глаголов: о᠐ᠲᠢᠰ 'ты входи', baᠷᠢᠰ 'ты лови, держи'; в исходе слога внутри слова встречается очень редко, только в заимствованных словах перед согласными m и l, как, например, baᠰmag 'башмак', baᠰlag 'башлык'.

Характеристика ᠰ (и ᠵ) как двухфокусного звука в последнее время стала оспариваться некоторыми фонетистами-экспериментаторами. Например, Ш.Г. Гаприндашвили и В.М. Надеяев на основе анализа рентгенографических материалов пришли к выводу о наличии одного шумообразующего фокуса при артикуляции ᠰ и ᠵ. Они доказывают, что ᠰ и ᠶ, ᠵ и ᠻ отличаются друг от друга только по форме щели: ᠰ и ᠶ являются круглощелевыми, а ᠵ и ᠻ - плоскощелевыми.

Если современный бурятский ᠰ восходит через ᠲᠰ к прамонгольской аффрикате tʰᠰ, то спирант ᠰ через такую же, но вторичного происхождения аффрикату tʰᠰ восходит к прамонгольскому или общеалтайскому смычному *t перед гласным i. Эволюция щелевого ᠰ представляет в чистом виде следующую картину: ᠰ < tʰᠰ < tʰ < *t. Переход tʰᠰ > ᠰ характерен для бурятского языка. Б.Х. Тодаева указывает, что аналогичный этому процесс деаффрикации произошел в хорчинском говоре языка внутренних монголов. Имеющийся во всех современных монгольских языках и диалектах спирант ᠰ восходит через промежуточную ступень - палатализованный ᠰ' - к спиранту ᠰ. В бурятском языке эти генетически разные звуки, образованные разными путями (ᠰ¹ < s' < s и ᠰ² < tʰᠰ < tʰ < t), совпали в одной фонеме ᠰ.

Разумеется, эти стадии в эволюции ᠰ, как и любого другого звука, в ходе его развития подверглись различным перебоям, с чем связаны имеющиеся многочисленные исключения из указанных закономерностей его изменения.

Фонемы ᠰ и ᠰ' употребляются во всех бурятских диалектах, а мягкий ᠰ' встречается в говоре ононских хамниган и в боханском говоре. Звук ᠰ' в хамниганском говоре Д.Г. Дамдинов считает самостоятельной фонемой: "Мягкая фонема ᠰ' встречается большей частью в начале и середине слова, т.е. в тех позициях слов, где в результате перелома гласного звука i вместо ᠰ' образовался

звук š в бурятском и монгольском языках. Например, кес'иг (занавеска), с'илбархаэ (содранный)⁸⁰. Он характеризует эту фонему как переднеязычный щелевой мягкий глухой звук⁸¹. Вполне можно согласиться с автором, который наличие мягкого s' (si) в говоре олонских хамниган относит к реликтам раннего периода развития монгольского языка.

Что касается хронологизации фонетических переходов s > s' и s' > š, то весьма показательным в данном случае является происхождение русских топонимов "Сибирь", и "Шибирь". Если верна этимология, по которой они связаны с заимствованным монгольским словом šiber 'заболоченная чаща', то слово "Сибирь" проникло в русский язык где-то на рубеже древне- и среднемонгольского периода, когда закончился процесс s > s', но последующего процесса s' > š еще не наблюдалось. Слово "Шибирь" (мухоршибирь, а не мухорсибирь) заимствовано значительно позже, когда переход s' в š завершился. Второе заимствование, таким образом, произошло уже на бурятской языковой почве и имеет региональное околбайкальское происхождение.

Мягкий s' встречается еще в боханском говоре. Здесь он является факультативным аллофоном фонемы x'. Употребляется он в таких словах, как tars'i 'мозг' - лит. tarx'i, tas'a: 'курица' - лит. tax'a, s'ilga:haŋ 'конский волос' - лит. x'ilga:haŋ и др. В аларском говоре боханскому s' соответствует палатализованный t': tat'a, tart'i, t'ilga:haŋ. В говоре агинских бурят в указанных позициях употребляется, как правило, среднеязычный глухой звук типа немецкого ich - Laut. Палатализованные согласные k', x', g', t', s' артикуляционно очень близки друг к другу. Переход их из одного состояния в другое фонетически вполне вероятен⁸².

Фонема z - ртовый, переднеязычный, круглощелевой, однофусный, слабый, твердый звук: zam 'путь', zuza:ŋ 'толстый', guzε:ŋ 'живот', хазаха 'кусать', üzεxε 'узнавать', хүзү:ŋ 'шея'.

В бурятском языке фонема z употребляется только в начальной позиции слога. Подобно фонеме s, бурятская фонема z, артикулируемая в общем круглой щелью, но несколько уплощенной по сравнению с артикуляцией z в русском языке, также характеризуется дополнительной "шипящей" окраской.

Положение языка при артикуляции z и s в общем одинаково. Но z в отличие от s произносится с участием голоса и при более слабом мускульном напряжении языка (Атлас звуков, с. 51, рис. 41).

Фонема ž - ртовый, переднеязычный, плоскощелевой, двухфусный, слабый звук, по дистрибуции он ограничен только начальной позицией слога: žažalxa 'жевать', žemes 'ягода', ε:lžε:ŋ 'очередь', ažal 'работа'. Артикулируется звук ž почти одинаково с š, но при значительно меньшем напряжении языка и с участием голоса (Атлас звуков, с. 53, рис. 43).

Фонемы š и ž в бурятском языке занимают несколько обособленное положение по отношению к группам мягких и твердых фонем.

От твердых русских ш и ж в словах шар, жара соответствующие бурятские звуки отличаются мягкостью. Однако они не совпадают с русскими мягкими (как правило, долгими) ш' и ж' в словах ши, щука, вожжи, поскольку обладают меньшей степенью мягкости. Таким образом, бурятские звуки ᠰ и ᠵ занимают по отношению к русским твердым ш и ж и мягким (долгим) ш' и ж' приблизительно срединное положение.

Бурятские слабые шелевые согласные z и ᠵ соответствуют монгольским аффрикатам dz и dᠵ, восходящим к древнемонгольскому d'ᠵ, в котором слились два звука: с одной стороны d'ᠵ развился из такой же слабой аффрикаты *d'ᠵ, а с другой - из первоначального *d перед гласным i. Дополнительные материалы по эволюции этих слабых аффрикат и шелевых согласных современных монгольских языков дают живые бурятские диалекты, которые не в полной мере привлекались предшествующими исследователями.

Древнемонгольский *d'ᠵ дает следующие рефлексy в современных монгольских языках и диалектах: в халхаском - d'ᠵ и dz, в калмыцком - d'ᠵ и z, в бурятском - ᠵ, z и j, в ордосском - d'ᠵ, в монгорском - d'ᠵ и т.д.

Эволюцию древнемонгольского d'ᠵ Г.Д. Санжеев представляет следующим образом: d'ᠵ + любой гласный, кроме i, развился в d'ᠵ ~ dz ~ z; d'ᠵ + гласный i восходит к праязыковому *di и развился в d'ᠵ ~ ᠵ ~ j.⁸³

Внутрибурятское соответствие ᠵ ~ j (редко ~ z) касается исключительно начальной позиции слова: ᠵabar ~ jabar 'хиус (ветер)', ᠵara:xæ: ~ jara:xæ: 'мальки, рыбешки', ᠵargal ~ jagal 'радость', ᠵodo: ~ jodo: 'пихта', ᠵolo: ~ jolo: 'повод (у узды)', ᠵeg ~ jeg 'лукавство', ᠵegᠰeXe ~ jegᠰeXe 'пугаться (о лошади)', ᠵerXeXe ~ jerXeXe 'брезговать'; даже некоторые заимствованные из русского языка слова с начальным ᠵ по аналогии начинаются с j: 'желоб' в хор. ᠵo:lob, в эх-бул. jo:lbo 'в том же значении'; примеры на ᠵ ~ z ~ j: ᠵorgo:ŋ ~ zurga:ŋ ~ jorgo:ŋ 'шесть', ᠵüdxexe ~ züdxexe ~ jüdxexe 'тащить'. Соответствия начальных ᠵ и j (реже z) в указанных говорах являются почти регулярными. Редкие исключения связаны с другими явлениями языка. Например, 'маленькая собачка' в эх.-бул. ᠵa:noxœ:, но слово ᠵa: (< ᠵa:) в значении 'маленький' в этом говоре не употребляется. В хоринском говоре имеется слово ᠵa: со значением 'маленький', однако 'маленькая собачка' - jag noxae:, а не ᠵa: noxae:.

Предположение о том, что эх.-бул. j, который чередуется с лит. ᠵ, является элементом тюркского субстрата, пока еще остается гипотезой. Однако некоторые слова с этим начальным j, весьма близкие или даже совпадающие по звучанию, говорят в пользу этой гипотезы: эх.-бул. jel 'год', тюрк. jil 'id'; эх.-бул. jalagar 'блестящий, сверкающий', тюрк. jaldrug 'id'; эх.-бул. joro: 'иноходь', тюрк. jorıᠭa 'id' и т.д. Подробно об этом см. в разделе о фонеме j.

Об аффрикатах $t^{\check{s}}$, $d^{\check{z}}$, ts , dz . Как известно, из всех монгольских языков только в бурятском фиксируется полное отсутствие аффрикат. Процесс деаффрикатизации или спирантизации относится к явлениям более позднего происхождения. Он непосредственно связан с появлением в системе одного из монгольских языков (бурятского) фарингального звука h . Полная спирантизация, так же как и наличие h , является одной из характерных особенностей бурятского языка, отличающих его от других монгольских языков и составляющих специфику звукового строя.

Процесс деаффрикатизации в бурятском языке мог произойти только после того, как фарингальный h полностью вытеснил щелевой s . Другими словами, переход аффрикат в щелевые согласные мог произойти только в том случае, если в данном языке нет звуков, совпадающих по своим акустико-физиологическим качествам со вновь образовавшимися звуками, в данном случае с щелевыми. Как известно, в монгольском языке существовал звук s , совпадающий с щелевым элементом аффрикаты ts . Исконно монгольский щелевой s и смычно-щелевой ts составляли самостоятельные фонемы, которые противопоставлялись по признакам аффрицированности, и неаффрицированности, например $tsa:d$ (цаад) 'дальний' - $sa:d$ (саад) 'препятствие'. Таким образом, в бурятском языке аффрикаты могли перейти в соответствующие щелевые согласные только после исчезновения сильного щелевого, т.е. тогда, когда в нем завершился переход $s > h$ аффриката ts переходит в щелевой звук s . Они (ts и s) вполне могли в течение продолжительного времени функционировать на уровне аллофонов.

Еще в записях Г.-Ф. Миллера, произведенных в 30-х гг. XVIII в. во время его сибирского путешествия, фиксируются аффрикаты $t^{\check{s}}$, $d^{\check{z}}$, dz : $t^{\check{s}}chikin$ 'ухо', $dzet$ 'медь', $d^{\check{z}}chergon$ 'шесть', $bit^{\check{s}}chiakān$ 'маленький' и т.д. В этот период в бурятских диалектах фарингальный h уже полностью вытеснил щелевой s : $ōmuhun$ 'чулки', $gotuhun$ 'обувь'. Из тех же записей Г.-Ф. Миллера видим, что аффриката ts произносилась как щелевой s , например $basagan$ 'девочка'. Это и понятно: вслед за $s > h$ утратили затвор сильные глухие аффрикаты ts и $t^{\check{s}}$, а затем по аналогии с ними утратили первые смычные элементы $d^{\check{z}}$ и dz .

Таким образом, общемонгольские аффрикаты $t^{\check{s}}$ и $d^{\check{z}}$, ts и dz стали употребляться в бурятском языке как чистые спиранты s , z , s , z , утратив свои начальные смычные элементы. Как указывалось выше, из других монгольских языков и диалектов наименее "аффрикатизированным" является хорчинский говор внутренних монголов. Здесь, по свидетельству Б.Х. Тодаевой, употребляется лишь одна аффриката - $d^{\check{z}}$, а вместо остальных предполагаемых аффрикат произносится спирант s . Следует отметить, что носители хорчинского говора проживают по соседству с баргу-бурятами. В современном калмыцком языке наряду с аффрикатами $d^{\check{z}}$, $t^{\check{s}}$ и ts употребляется щелевой слабый звук z . Но полное отсутствие аффрикат имеет место только в современном бурятском языке.

Между тем некоторые исследователи бурятских диалектов находят так называемые аффрикаты в самом хоринском говоре бурятского языка. Например, венгерский языковед Л. Бэшэ на основе своих магнитофонных записей делает вывод о том, что в хоринском диалекте наряду со спирантами z, s, ʒ, š наблюдаются аффрикаты dz, ts, dʒ и tʃ. С чисто акустико-артикуляционной точки зрения Л. Бэшэ прав, когда говорит о наличии аффрикат-аллофонов. Например, когда непосредственно после ŋ произносятся щелевые звуки s или z, š или ʒ, то момент перехода назального ŋ в неназализованные звуки обязательно фиксирует t- или d-образный звук. В этом случае наблюдается довольно четко ошутимая аффрицированная артикуляция. После согласных b, l имеет место то же фонетическое явление, только оно проявляется менее четко. Л. Бэшэ подчеркивает, что на его "магнитофонных лентах ... образование этих хоринских аффрикат в большинстве случаев несовершенно"⁸⁴, т.е. при артикуляции их вместо смычки образуется узкая щель.

Что же касается употребления указанных аффрикат в абсолютном начале слов, то это возможно на стыке слов внутри синтагмы, когда границы между словами становятся почти неуловимыми и вступают в действие процессы выпадения и ассимиляции звуков. Ср.: *šɛmɛdʒabxojor* (Чимит и Жаб) и *šɛmɛdʒab* - Чимитжап (собств. имя); *bata sereŋ* ~ *batsereŋ* (собств. имя); *guša:d ʒil* ~ *guša:dʒil* 'более тридцати лет'; *arad zoŋ* ~ *aradzŋ* 'люди, народ'; *šubu:d šindi* ~ *šubu:dšindi* 'подобные птицам'.

Л. Бэшэ находит в хоринском диалекте еще одну - палатовелярную - аффрикату ^kɕ, которая является аллофоном фонемы ɕ. Приводятся следующие примеры с этой аффрикатой: *tataŋ^k ɕai* (причастие давнопрошедшего времени от глагола *tata* 'тянуть'), *xedeŋ^k xoŋog* 'несколько дней', *alag^k ɕaŋ* 'черненький' и др. После гласных приводится только один пример из песни: *naŋi^k ɕaŋ* 'тоненький', но, как указывает сам автор, в разговорном языке говорят *naŋixaŋ*, т.е. без аффрикатизации.

Оказывается, аффрицированный звук ^kɕ появляется в основном после заднеязычно-увулярных ŋ и ɣ. Фонетически образование такого аллофона в указанных позициях вполне закономерно: при этом произошел рассмотренный выше фонетический процесс, только с той разницей, что там имело место сочетание переднеязычных согласных, а здесь - сочетание заднеязычно-увулярных.

Как видно, пока еще трудно говорить о наличии истинных аффрикат в хоринском говоре как о полноценных единицах в его звуковом составе.

Аффрикаты ts, dz, tʃ, dʒ как самостоятельные фонемы функционируют в так называемых цакающих говорах бурятского языка (цонгольском, сартульском и отчасти в ононско-хамниганском). Носители монгольского и сартульского говоров - это поздние выходцы из Монголии, и язык их еще окончательно не адаптировался к бурятским.

Фонема j – ртовый, среднеязычный, плоскощелевой, сонантный звук: *jaħaŋ* 'кость', *jεxε* 'большой', *bεjε* 'тело', *ajaǰ* 'манера'; артикулируется узкой плоской щелевой преградой, образованной сближением средней части спинки языка с твердым небом (Атлас звуков, с. 58, рис. 48).

Из щелевых согласных алтайских языков древнейшими звуками являются j и ɟ (Рамстедт⁸⁵, Поппе⁸⁶, Рясянен⁸⁷, Цинциус⁸⁸). Это положение давно уже стало аксиомой в алтаистике.

В большинстве современных монгольских языков, так же как и в письменно-монгольском, этот древний *j сохранился перед всеми гласными, кроме i. Перед гласным i в начальной позиции слова звук j исчез, а в середине слова перед i и некоторыми другими гласными он переходит в дифтонги или в тот же гласный, который первоначально употреблялся после j: бур. *turu:ŋ* 'копыто' восходит к древнему **tujurai*, др.-тюрк. *tujaŋ* 'копыто' (ДТС, 585); бурятские диалекты дают в ряде случаев двоякие показатели: слова одного корня *æ:ħa* 'бояться' и *aju:l* 'страх' восходят к **aju* 'бояться', ср.: др.-тюрк. *ajın* 'бояться' (ДТС, 29).

В эхирит-булагатских говорах употребляется в анлауте среднеязычный j вместо общебурятских z и ʒ, которые восходят к аффрикату dʒ перед гласным i. Эта аффриката, в свою очередь, восходит к смычному d перед i. Все эти звуки встречаются в современных бурятских диалектах: "Нижеудинцы вместо ж употребляют мягкий ɖ, аларские и унгино-балаганские буряты – ж, а далее на восток – щелевой сонант j. Представители же восточного наречия употребляют только согласный ж, а южного наречия – только аффрикату дж. Приведем пример: 'год' по-нижеудински будет ɖ'ил, по-аларо-унгино-балагански – жил, по-бохански-эхиритски – jил, по-восточному – жил, по-южному – джил"⁸⁹

Г.Д. Санжеев, определяя фонетические особенности бурятского языка, в ряду других отмечает следующие характерные черты: "... общемонгольская фонема дж, развившаяся в других монгольских языках в дж и дз ~ э, представлена в виде ж и э, причем в северных бурятских диалектах (эхиритском и отчасти булагатском) общебурятскому шипящему спиранту ж в начальном положении соответствует среднеязычный j; например, жаргал ~ жаргал ← джиргал 'наслаждение'... общемонгольская фонема г в положении перед ранним i отражается в виде среднеязычного j, например дол'jōn ← дол'gij ан 'волна', ман'jaħaŋ ← ман'gисун 'лук полевой', бур'jaħa ← бур'gиху 'бурлить'"⁹⁰.

Эхирит-булагатский j который соответствует общебурятскому z и ʒ, близок к тюркскому j: *joro:* 'иноходец' ~ *jorīħa* 'иноходец' (ДТС, 274); эх.-бул. *jolo:* 'повод от узды' др.-тюрк. *jola* 'вести' (ДТС, 271), *jügün* 'узденка' (ДТС, 284); эх.-бул. *jühεŋ* 'масть, внешний вид' ~ др.-тюрк. *jüz* 'лицо, лик' (ДТС, 287) и т.д. Образование эхирит-булагатского j вместо общебурятского z рассматривается обычно как последовательный процесс: dʒ > ʒ > j. Эта традиционная трактовка направленности изменения звуков верна

только в своей первой части, т.е. в процессе спонтизации аффрикаты $d'ẓ$ ($d'ẓ > ẓ$). Что же касается второй части ($ẓ > j$), то, как справедливо отмечает Б.А. Серебренников, "путь $ẓ$ ($d'ẓ$) $> j$ [соответственно и $ẓ > j$] является нетипичным"⁹¹. В.А. Богородицкий, устанавливая направленность развития звуков в тюркских соответствиях $d'ẓ \sim ẓ \sim j$, сравнивал их с аналогичными соответствиями звуков в романских языках. Он писал: "В казахском из аффрикаты получился простой шипящий спонд ж. Можно принять, что $ẓ$ ($d'ẓ$) и $ẓ$ представляют дальнейшее развитие j -, подобное изменению, напр., народно-латинского j в итал. дж и фр. ж"⁹². В соответствии $ẓ \sim j$ в бурятских говорах имеет место не столько процесс перехода $ẓ > j$ или даже $j > ẓ$, сколько явление субституции. Надо полагать, что появление j вместо общебурятского $ẓ$ в эхирит-булагатском диалекте связано с поздним влиянием тюркского языка. Когда " на Ангаре и Лене появились монголы, отеснившие... первых ее тюркоязычных обитателей"⁹³, часть тюрков, по всей вероятности, осталась в некоторых обжитых ими местах. По преданиям эхиритских бурят, население ряда сел, расположенных по Курумчинской долине (ныне Ваяндаевский район), является потомками кыргызов. Вполне можно допустить, что такие особенности в языке эхиритских бурят, как появление j вместо $ẓ$ ($< d'ẓ$), гласных переднего ряда æ и œ вместо обычных a и o и т.п., являются элементами тюркского субстрата в бурятском языке. Таким образом, в эхирит-булагатских говорах звук j , восходящий к древнему $*j$, совпал артикуляционно-акустически и соответственно перцептивно с более поздним j , который соответствует общебурятскому $ẓ$ и z , но генетически они восходят к разным звукам.

Согласные третьей артикуляции (заднеязычные и увулярные)

В данной группе объединены согласные фонемы x, x', g, g', ŋ, из которых все твердые (x, g, ŋ) проявляются в заднеязычных и увулярных аллофонах: при сочетании с гласными твердого ряда активными органами являются мягкое нёбо с язычком, а при сочетании с гласными мягкого ряда - задняя часть спинки языка. Смычная фонема k, рефлексом которой в большинстве бурятских диалектов является щелевая фонема x, также проявлялась в заднеязычном и увулярном аллофонах, которые в традиционной монголистике трактовались как самостоятельные фонемы k и q. Звук k встречается в говоре олонских хамниган и нижеудинских бурят, в конце раздела дано его краткое описание.

В трудах Рамстедта, Владимирцова, Поппе, Ряснена, Санжеева, Цинциус эволюция заднеязычных и увулярных звуков представлена так, что еще в пратюркском и прамонгольском языках общеалтайский $*k$ развился в увулярный $*q$ в твердорядных словах, а в мягкорядных словах сохранился как первоначальный $*k$. Образование двух самостоятельных фонем - увулярного смычного $*q$ и зад-

неязычного смычного *k-, как пишет Н. Поппе, происходило в указанных языках независимо друг от друга⁹⁴. В тунгусо-маньчжурских же языках сохраняется первоначальная фонема k.

Общеалтайский *g приблизительно в этот же период развился в твердоядных словах в увулярный слабый *ɔ, в мягкорядных словах остался заднеязычный *g.

Таким образом, по данной трактовке, которая уже стала традиционной, вместо двух общеалтайских фонем *k и *g древнемонгольский язык имел четыре самостоятельные фонемы - q, k, ɔ и g. В действительности в том и в другом случае происходило дополнительное распределение этих звуков: в связи с развитием явления сингармонизма заднеязычные k и g оказались расщепленными на аллофоны, которые довольно заметно отличались друг от друга как артикуляционно (изменились активные органы), так и перцептивно. Этот ряд звуков был унаследован письменно-монгольским языком, орфографические правила которого отражали эти звуки в твердоядных и мягкорядных словах разными знаками, что усугубило фонологически неправильную трактовку распределения этих звуков.

В большинстве современных монгольских языков историческим *q и *k соответствуют шелевые χ и x. Смычные q и k сохранились в следующих живых монгольских языках: в монгольском, калмыцком (в заднеязычном варианте), а также в нижнеудинском и ононско-хамниганском говорах бурятского языка.

Фонема x - ртовый, заднеязычно-увулярный, шелевой, сильный, твердый звук: хабар 'весна', ɣахæ: 'свинья', хаху:li 'удочка', хÿхэ 'синий', хεb 'форма, образец'.

В зависимости от употребления фонемы x в мягкорядных или твердоядных словах происходит изменение ее основного активного органа, а именно: в словах мягкого ряда употребляется заднеязычный x (активный орган - задняя часть языка), в словах твердого ряда - увулярный x (активный орган - мягкое нёбо с язычком). Заднеязычный согласный x образуется сближением задней части спинки с границей твердого и частью мягкого неба; характерный для x шум образуется узкой уплощенной щелью между задней частью языка и границей твердого и мягкого неба.

При артикуляции увулярного x активными органами являются мягкое нёбо с язычком. Последний, сближаясь с задней частью языка, вибрирует в струе проходящего воздуха, образуя характерный для увулярных звуков шум, более низкий, чем у заднеязычных. Это обусловлено тем, что тело языка значительно отодвигается назад, задняя его часть не остается полностью безучастной, а поднимается навстречу сближающемуся с ним мягкому нёбу, образуя в ртовой полости сравнительно большой резонатор.

Вибрантность увулярных аллофонов фонемы x вполне уловима на слух, а заднеязычный x колебаний не дает, так как задняя часть языка вследствие своей массивности не может производить колебаний подобно кончику языка или маленькому язычку.

В бурятском языке фонема x встречается только в начальной позиции слога (Атлас звуков, с. 59-60, рис. 49, 50).

Как предполагал Б.Я. Владимирцов, "в монг.-письм. q развился в χ, по-видимому, в раннюю эпоху, во всяком случае квадратное письмо уже не знает знака, который бы обозначал смычный глухой, соответствующая буква квадратного алфавита служит для нотирования $\chi \sim \chi$ "⁹⁵. По аналогии с эволюцией сильного смычного t, как пишет Владимирцов, k развился в x через стадию аффрикаты: $k > k^x > x$, а увулярные варианты прошли соответственно стадии $q > q^x > x$ "⁹⁶. Следовало бы ожидать, что монгольский диалект, от которого получил свое развитие бурятский язык со своими диалектами, уже не знал смычных q и k. Однако первые русские заимствования бурятских слов показывают, что большой пласт бурятской (монгольской) лексики со звуком x произносится в русских говорах Забайкалья и Прибайкалья со смычным k, а не со шелевым x: качерик 'двухгодовалый теленок', каргана 'золотарник', калзан 'плешивый', каланкай 'крапива', куйтун 'холод', кушун 'выступ', мыс' и т.д. Это еще раз подтверждает предположение о более раннем обособлении и прибытии на территорию вокруг Байкала этих монгольских племен, довольно продолжительное время вплоть до XVII в., сохранивших в языке смычный k.

Дистрибуция χ и x, соответственно q и g происходила в различных монгольских языках неравномерно. В некоторых языках, активно пользовавшихся старомонгольской письменностью, где заднеязычные и увулярные аллофоны имели отдельные (или самостоятельные) графические нотации, эти аллофоны искусственно отделялись. Например, в современном калмыцком языке до сих пор увулярные и заднеязычные варианты этих звуков считаются самостоятельными фонемами

97. В современном бурятском языке χ и x, а также q и g находятся в отношениях дополнительной дистрибуции: увулярные x и g встречаются исключительно в твердорядных словах и не могут употребляться в мягкорядных словах, а заднеязычные χ и g, наоборот, употребляются только в мягкорядных словах и не встречаются в твердорядных словах. Когда этот вопрос стал очевидным с точки зрения современной фонологии, многие исследователи стали допускать, что в бурятском языке (скорее протобурятском) процесс конвенгенции χ и x, q и g произошел значительно раньше, чем в других монгольских языках. В действительности процесс фонологической дивергенции в монгольских языках никогда не касался заднеязычных и увулярных аллофонов фонем k, x, g.

Фонема x' - ртовый, заднеязычный, сильный, шелевой, мягкий звук: $x'a:g$ 'пырей', $x'i:d\epsilon x\epsilon$ 'развеваться', $x'ürö:$ 'пила', $x'uha\chi a$ 'скоблить'.

По сравнению с заднеязычным аллофоном твердой фонемы x мягкий x' артикулируется при сильном дополнительном подъеме средней части языка и очень узкой щели, образованной сближением с твердым небом не только задней, но и частично средней части спинки языка. Основная шумообразующая преграда находится между задней частью спинки языка и задней частью твердого неба, частич-

ное же участие средней части языка в данном случае играет дополнительную роль.

В ряде диалектов бурятского языка мягкий х' дает мягкий г' ⁹⁸.

Фонема х' употребляется только в начальной позиции слога, преимущественно в начале слова (Атлас звуков, с. 61, рис. 51).

Фонема г - ртовый, заднеязычно-увулярный, слабый, твердый звук: gal 'огонь', guṣaŋ 'тридцать', бага 'маленький', bügdε 'весь', hergeg 'чуткий'. В бурятском языке фонема г имеет смычные и щелевые аллофоны. Смычный г употребляется в начале и в исходе слова, внутри слова в исходе слога или в начале слога после согласных, кроме г и л, причем в начале слова он бывает звонким, в исходе слова - глухим, внутри слова в начале слога - звонким; в исходе слога, если последующий слог начинается со звонких согласных, он является звонким, если последующий согласный глухой - глухим. Щелевой γ употребляется внутри слова в интервокальном положении и после сонорных согласных г и л. В отличие от смычного г он всегда является звонким.

Как и все твердые согласные третьей артикуляции, фонема г проявляется при мягкорядном составе слова в заднеязычных аллофонах, а при твердорядном - в увулярных.

Заднеязычные аллофоны г и γ артикулируются слабой смычкой или щелью, образованной между задней частью спинки языка и передней частью мягкого неба.

При образовании увулярных аллофонов а и а' как и при х' активным органом выступает небная занавеска, которая, несколько опускаясь к задней спинке языка, образует соответствующие шумообразующие преграды - смычку или щель. Как и при артикуляции увулярного аллофона фонемы х, при произнесении увулярных а и а' задняя часть языка не остается полностью безучастной, а поднимается вверх к задней части мягкого неба, но в данном случае играет пассивную роль. Л.Р. Зиндер для определения различной роли задней части языка предлагает следующий весьма показательный эксперимент: "Если широко открыть рот и сильно высунуть язык, то произнести заднеязычный смычный оказывается невозможно, произнесению же языкового это несколько не мешает" ⁹⁹.

Аналогично смычному заднеязычному г увулярный смычный а употребляется в начале и конце слова, внутри слова в конце слога или в начале слога после согласных, кроме г и л. Проявление звонких или глухих вариантов совпадает со звуком г.

Щелевой дрожащий а употребляется внутри слова в интервокальном положении, после г и иногда после л, при этом он является только звонким (Атлас звуков, с. 62-63, рис. 52, 53).

В отличие от твердой фонемы г мягкая фонема г' бывает только заднеязычной, ее определение - ртовый, заднеязычный, смычный, слабый, мягкий звук: dolg'o:ŋ 'волна', xang'il 'гольцы' aŋg'i 'класс'

Артикуляция мягкого г' значительно отличается от артикуляции соответствующего по активному органу твердого г. Сильная палатализованность г' влечет за собой увеличение площади смыкания язы-

ка на нёбе и значительное продвижение языка вперед. Передняя граница соприкосновения языка находится в середине нёба, задняя граница смычки, судя по рентгеноскопии артикуляции g', лежит за пределами твердого нёба. На палатограммах звука g' иногда отражается узенькая, не задетая языком полоска, проходящая по заднему краю искусственного нёба.

Сильный дополнительный подъем средней части языка обуславливает продолжение смычки вперед по твердому нёбу, с включением и средней части языка. Однако основная звукообразующая преграда связана с задней частью языка, так как резонатор, определяющий акустическое качество, находится за смычкой задней части языка (Атлас звуков, с. 64, рис. 54).

Фонема g' встречается только в начальной позиции слога, преимущественно в начале непервых слогов.

Фонема ŋ – носовой, заднеязычно-увулярный, сонантный звук: aŋ 'зверь', eŋgɛr 'лацканы', du:ŋ 'песня', xü:ŋ 'человек', xedeŋ 'сколько'. Подобно фонемам x и g, фонема ŋ в зависимости от употребления в словах мягкого или твердого рядов соответственно проявляется в заднеязычных и увулярных аллофонах.

Заднеязычный ŋ артикулируется одинаково с заднеязычным смычным g, но при опущенной небной занавеске.

Увулярный ŋ образуется опусканием небной занавески на несколько приподнятую и отодвинутую назад заднюю часть языка. В бурятских диалектах фонема ŋ употребляется только в исходной позиции слогов: в конце слова или внутри слова в конце слога перед согласными x и g (Атлас звуков, с. 65–66, рис. 55, 56).

В отношении фонематичности звука ŋ в современном бурятском языке существуют две противоположные точки зрения. Одни считают звук ŋ самостоятельной фонемой, другие – аллофоном переднеязычной фонемы n. Единственный довод последних – это то, что ŋ имеет строгую позиционную закрепленность. Однако факты языка с большей очевидностью говорят в пользу фонематической самостоятельности заднеязычно-увулярного ŋ. Во-первых, в большинстве диалектов переднеязычный n также употребляется в исходе слова, при том со специальным грамматическим значением показателя принадлежности третьего лица. В данном случае весьма показательным является сопоставление минимальных пар, которые противопоставляются по звукам n и ŋ: dalaŋ 'семьдесят' – dalaŋ 'его лопатка', baхаŋ 'с удовольствием' – baхан 'его лягушка', абаŋ 'взяв' – абан 'его отец', ереŋ 'прося' – ерен 'ее мужчина', дахаŋ 'следуя за кем-либо' – дахан 'его доха', а:!'iŋ 'медлительный' – а:!'in 'его постройка', алаŋ 'убивая' – алаŋ 'его шар', хадаŋ 'забивая (гвоздь)' – хадан 'его гора', хабаŋ 'опухоль' – хабан 'его сила', ба:bæ:ŋ 'отца' (род. п) – ба:bæ:n 'его отец'.

Во-вторых, заднеязычно-увулярный ŋ во всех алтайских языках проявляется одинаково, сохраняя, по всей вероятности, свое первоначальное качество.

В бурятском языке в синтагме перед следующим словом, даже с гласным началом, исходный ŋ сохраняется: модоŋ ою:г (модон оюр) 'деревянное дно', үбgɛŋ аба (үбгэн аба) 'дед'.

Как известно, в системе бурятского консонантизма выявлены четыре артикуляционных фонологических ряда, где звук п относится ко второму, а п̣ - к третьему.

Фонема п̣ в большинстве алтайских языков встречается в начальной позиции. "В начале слова заднеязычный носовой имеется во всех тунгусо-маньчжурских языках, за исключением солонского в северной подгруппе и маньчжурского в южной"¹⁰⁰. Например, эвенк. ңалэ 'рука', ңэ́кэ 'кобель', ңэ́рй 'свет' (ССТ-МЯ, 656-671). Вероятно, тунгусский начальный п̣ - вторичного происхождения, в маньчжурском он дает г, в солонском - переднеязычный п.

Развитие п̣ в середине слова, по данным алтаистики, шло двумя путями. В некоторых позициях п̣ дал в монгольских языках сочетание п̣г: *ṃeŋe 'пятно, родимое пятно' > meŋge; в як. и алт. ṃāŋ; *siŋe 'пропитаться (о воде)' > монг. šingε, в др.-тюрк. siŋ 'уходить в землю, пропитываться (о воде)' (ДТС, 500).

В других позициях п̣ в монгольских языках перешел в г: *nuŋarsun 'шерсть' > монг. nogosun; *tuŋa 'число' > монг. to-ga; домонг. *ṃüŋere 'мычать (о корове)' > монг. ṃügε:re, в др.-тюрк. ṃüŋrā 'мычать, реветь' (ДТС, 353).

О звуке к. Этот звук отсутствует в литературном бурятском и современном монгольском языках, а также в большинстве бурятских говоров. Но он имеется в хамниганском (ононском) говоре, где является даже самостоятельной фонемой, он может стать самостоятельной фонемой в сартульском говоре и имеет довольно частое употребление в цонгольском говоре, как самостоятельная фонема употребляется в говоре нижеудинских бурят. В хамниганском говоре употребляется вместо лит. бур. щелевого х: kaŋaku 'мести' вм. лит. χaŋaχa - хамаха, tak'ε: (смягченный вариант) 'курица' вм. taχ'a: - тахья. В цонгольском и сартульском говорах встречаются в середине слов вм. лит. х и г: deβesker 'подстилка', gεškü:r 'лестница', εškt: 'войлок (сарт.)'. Это, в свою очередь, обуславливает четкое произнесение к в заимствованных из русского языка словах, там, где в других бурятских говорах этот звук заменяется щелевым х.

Во многих случаях в говоре онских хамниган вместо ожидаемого к (лит. бур. х) встречается аффриката кх, иногда хк. Например, в наших полевых записях зафиксировано кхоeno вм. обычного хамн. коe:no лит. ce:no; слово 'быть' записано в форме bæ:хка. Эти явления фонетически легко объяснимы: носители говоров от к под влиянием бурятского языка, где нет к, переходят к произнесению х через определенные стадии типа кх и хк, о чем в свое время писал Б.Я. Владимирцов в отношении исторического общемонгольского развития звука к¹⁰¹.

Наличие звука к в хамниганском говоре Д.Г. Дамдинов рассматривает "как остаточное явление языка монголоязычных этнических групп раннего периода"¹⁰². Иной точки зрения придерживался Ц.Б. Цыдендамбаев, который объяснял наличие заднеязычного к в

нижнеудинском и хамниганском говорах бурятского языка двумя обстоятельствами: "Во-первых, носители этих говоров в этническом отношении,.. во многом являются ойрат-монголами: нижнеудинские буряты в основной своей массе представляют собой хорчины-хойты, а среди олонских бурят в значительном количестве живут, в частности, тукчины (в Калмыкии они называются тукчинатами). Суть заключается в том, что в языке ойрат-монголов, т.е. современных калмыков и синьзянских ойратов, как раз и имеет место заднеязычный смычный к. Во-вторых, как нижнеудинцы, так и олонцы находились в контакте с носителями таких языков, в которых употребительна фонема к: это на западе, главным образом, тюркские языки, а на востоке - тунгусо-маньчжурские"¹⁰³.

Смычный сильный к, кроме ойратских языков и двух бурятских говоров, употребляется в диалекте минхэ монгорского языка¹⁰⁴ и в некоторых ордосских диалектах¹⁰⁵. Вполне допустимо, что нижнеудинский к, который, как писал Б.Я. Владимирцов, находится на стадии кх¹⁰⁶, так же как и звук к в ойратском, монгорском и других, восходит к историческому древнемонгольскому *к.

Согласный четвертой артикуляции (фарингальный)

Этот артикуляционный ряд согласных фонем бурятского языка составляет только одна фонема - фарингальный h. Для монгольских языков это нетипично. Консонантная система монгольских языков состоит из трех последовательных рядов по горизонтали, а фарингальный h существует в бурятском языке как бы вне системы согласных.

Фонема h - фарингальный, шелевой, слабый звук: habar 'лапы', hu:dal 'сиденье', hū:der 'тень', arhaŋ 'кожа', cheŋ 'сажа'. Артикулируется он шелевой преградой, образованной между отодвинутым назад корнем языка и выпяченной нижней частью задней стенки глотки (фаринкса). А.Д. Руднев и другие исследователи бурятского языка определяют h, согласно традиционной трактовке, как "гортанный" звук. Однако шербовское определение данного звука представляется более правильным¹⁰⁷.

Фонема h в зависимости от фонетических условий, в которых она находится, дает глухие и звонкие аллофоны, имеющие строгую позиционную обусловленность: в начале слова она произносится без участия голоса, в середине слова - с участием голоса, звонко. Легкость озвончения h в интервокальном положении объясняется общей закономерностью слабых фонем (Атлас звуков, с. 67, рис. 57).

Фарингальный h в бурятском языке является одним из распространенных звуков, но он отсутствует во всех других известных монгольских языках и диалектах. Наличие фонемы h, характер ее соответствий в звуковой системе языка и различные ее модификации и

корреляции по бурятским говорам составляют одну из существенных особенностей бурятского языка по сравнению с другими монгольскими языками.

Проявление фонемы h в бурятских говорах неоднородно. В большинстве говоров звук h употребляется во всех соответствующих позициях четко и стабильно, в некоторых встречается замена фарингального h заднеязычно-увулярным x, иногда аффрикатой kx, в цакающих говорах вообще отсутствует h, а в группе эхиритских говоров наблюдается выпадение h в середине слова.

Отсутствие h в южных цакающих говорах (цонгольском, сартульском и хамниганском) объясняется тем, что их носители являются недавними выходцами из Монголии и еще не восприняли бурятский h, хотя школа, печать, радио, телевидение и т.д. заметно содействуют влиянию бурятского литературного языка на эти говоры. Учащиеся сартулы и монголы в большинстве случаев без особого препятствия начинают произносить h вместо собственного s. По свидетельству Д. Дамдинова, в говоре с. Делюн (хамниганский говор) фонема h употребляется параллельно с шелевым s¹⁰⁸.

В говоре нижеудинских бурят встречаются редкие случаи употребления x, скорее аффрикаты kx, вместо h. Например, вместо общебурятского hono встречается произношение типа ^k xono 'паут'. Этот говор вообще является весьма специфичным. Надо полагать, что "h-шный" субстрат почти не коснулся этого говора, а другие бурятские диалекты ввиду относительной изолированности оказывали на него недостаточное влияние.

В ряде говоров встречается выпадение h в середине слова в интервокальном положении. Это явление исключительно четко выражено в баргузинском и байкало-кударинском говорах, реже встречается в аларском, боханском и др. Например, в баргузинском говоре слово загаһан 'рыба' стало произноситься в конечном счете просто как загуун < загуу'ан < загасун (лит. загаһан). Также исчез h в причастных аффиксах: вм. ерэһэн барг. ерэ'эн, в сказуемых частях һэн: ерээ һэн - барг. ерэ'аан и т.д.

В аларском говоре часто встречается выпадение h в интервокальном положении и в аффиксе исходного падежа. Например, вм. bur'æ:ha:ra: 'по-бурятски' говорят bur'æ:ʼa:ra:; вм. ʁa:naha: 'откуда' - ʁa:na:; вм. arbaha: 'из десяти' - arbana: и т.д.

Проявление интервокального h в бурятских говорах дает исключительно интересную картину. Например, общебурятское сочетание: краткий гласный + h + краткий гласный в баргузинском говоре в ряде случаев дает так называемое двоегласное сочетание - долгий гласный + краткий гласный, отличающееся от дифтонгов. Если дифтонги составляют одну фонему и между различными элементами дифтонга нельзя провести слоговую границу, то между двоегласными (а не двугласными) проводится в бурятском языке слоговая граница. В байкало-кударинском говоре этот процесс доведен до однородного долгого гласного. Например, бур. загаһан 'рыба' < монг. dʒagasun > барг. загуу'ан, байк.-куд. загуун; бур. шэнэһэн

'лиственница' < монг. *sinesun* > барг. шэнүү'эн, байк.-куд. шэнүүн; бур. дабаһан 'соль' < монг. *dabasun* > барг. дабуу'ан, байк.-куд. дабуун и т.д. Э. Раднаев правильно заметил, что при склонении эти же слова в баргузинском говоре дают не доегласные, а полное стяжение, аналогичное байкало-кударинскому: загууни 'рыбы (род. п.)', нарууни 'сосны (род. п.)' и т.д.¹⁰⁹

Современное литературное бурятское сочетание *aha*, *oho* или *эһэ* соответствует баргузинским доегласным *u:a* и *ü:ε*. Огубление, по всей вероятности, является еще рефлексом старописьменного монгольского языка. Ведь все перечисленные выше слова, претерпевшие такого рода изменения, на старомонгольском письменном языке в соответствующих позициях имели огубленные гласные, например; *dabusun* 'соль',¹¹⁰ *narasu* или *narasun* 'сосна', *nersu* 'голубица',¹¹¹

С фонетической стороны надо заметить, что интервокальный *h* вообще произносится очень нечетко. Объясняется это тем, что при произнесении *h* между гласными, т.е. в сочетании *v + h + v*, не успевает образоваться преграда между задней стенкой фаринкса и корнем языка. А что касается стяжения доегласных в один долгий, то это уже дальнейший процесс. Так что соответствия баргузинских доегласных и байкало-кударинских долгих гласных в одной и той же позиции – это явления одного порядка. Выпадение *h* в середине слова, особенно в эхирит-булагатских говорах, объясняется чисто фонетическими причинами: *h* образуется между отодвинутым назад корнем языка и выпяченной вперед нижней частью задней стенки фаринкса. А при артикуляции этого звука между гласными не успевает часто образоваться необходимая преграда, создающая соответствующее *h*-звучание.

Более сложную проблему представляет произнесение щелевого *x* вместо общебурятского *h* в начале слова. Это явление в байкало-кударинском говоре и в говоре бурят с. Балтуй в Алари носит регулярный характер. По свидетельству Ц.Б. Цыдендамбаева, аналогичная картина наблюдается у баргутов, проживающих в МНР. Баргутский *h*, как пишет Н. Поппе, близок к солонскому *h*, который "не является самостоятельной фонемой, но лишь модификацией *x*"¹¹².

С артикуляционной точки зрения этот начальный *x* байкало-кударинского говора ничем не отличается от обычного бурятского *x*. В словах твердого ряда он проявляется в качестве увулярного аллофона, а в словах мягкого ряда – в качестве заднеязычного аллофона.

В говоре жителей с. Балтуй Аларского района, так же как и в байкало-кударинском говоре, *h* переходит в *x* только в начале слова: Эндэ С'аагтада хууһымди 'Раньше здесь в Кяхте жили'. Москвада хуржа баэгаад јэрээјма 'Вернулся из Москвы, где он учился'. Хаэса зугаалжа шадхоэбди 'Хорошо петь не умеем'. Хаја ошкоолоо дууһажа јэрээ 'Приехал недавно после окончания школы'. Произнесение *x* вместо *h* можно попытаться объяснить чисто артикуляцион-

ными причинами. Согласные звуки х и h образуются преградами, находящимися рядом. В истории алтайских языков имеются аналогичные переходы начального протетического h в х. Но подобного анагола нет ни в одном из современных алтайских языков. Скорее всего это явление надо отнести также к элементам субстрата, но уже секундарного, потому что носители эхиритского говора переехали на занимаемую ныне байкало-кударинцами территорию, вероятно еще не успев окончательно усвоить фарингальный h. Их говор смешался с языком или говором, в котором не было фарингального звука, но зато был заднеязычно-увулярный х, который из всех спирантов является самым близким к h по своим артикуляционно-акустическим качествам. Вполне естественно, что вместо еще не укрепившегося h начали произносить х.

Некоторые исследователи склонны отнести hаканье в указанных бурятских говорах к результатам воздействия русского языка на бурятский. Однако в ряде других говоров, где русское влияние значительно сильнее, подобного явления не наблюдается. Носители указанных выше говоров с давних пор проживают исключительно компактно, сохранили бурятские обычаи и нравы даже лучше некоторых носителей hакающих говоров. Притом если принять во внимание hаканье баргутов, то там вообще не было влияния русского языка. В говоре некоторых отдельных лиц действительно встречается произнесение х вместо h как результат влияния русского языка, но это относится к явлениям обратного порядка, поскольку встречается в языке тех, что освоили бурятское произношение через русский язык.

Как известно, в монгольских языках существует четкая система деления согласных фонем на три артикуляционные группы, которые определяются участием активных речевых органов в образовании этих звуков. Первая – группа губных фонем, которые условно названы фонемами первой артикуляции; вторая – группа передне-среднеязычных фонем, т.е. фонемы второй артикуляции; третья – группа заднеязычно-увулярных фонем, иначе – фонемы третьей артикуляции¹¹³. Фонема h бурятского языка не укладывается в эту общемонгольскую систему, поэтому для фарингального звука h добавляется четвертый артикуляционный ряд.

Таким образом, фарингальный h не укладывается в систему согласных ни древних, ни современных монгольских языков. В бурятском языке звук h появился сравнительно поздно как результат его смешения с другим языком, или, иначе, он остался как один из элементов языка, ассимилировавшегося с бурятским языком.

Фонетическое соответствие $s \sim h$ характерно не только для монгольских языков. Аналогичная картина наблюдается в тунгусо-маньчжурских языках. Например, в эвенкийском языке признаки употребления h, s и š положены даже в основу классификации диалектов: выделяются говоры hакающие, где произносится фарингальный h вместо s или š в других диалектах, секающие, когда вместо h и š произносят s; и шекающие, когда шипящий š произносит-

ся там, где в остальных говорах употребляется h или s ¹¹⁴.

В эвенкийском языке, как пишет Л.Р. Зиндер, согласные s и h "являются или, по крайней мере были до самого недавнего времени аллофонами одной фонемы" ¹¹⁵. В некоторых эвенских говорах звук h употребляется "во всех положениях (в начале, середине и конце слова)" ¹¹⁶. В.И. Цинциус также подчеркивает, что "глухой фарингальный h существует как бы вне системы в эвенкийском и эвенском языках" ¹¹⁷.

В тюркских языках (башкирском, якутском) в определенных позициях вместо звука s употребляется фарингальный h.

В якутском языке фарингальный h употребляется "в интервокальном положении вместо s и тех тюркских согласных, которые он замещает. Ср. др.-тюрк. *uzun* 'длинный', як. *yһyn*; *käčä* 'вечер', як. *kužәэ*; *kiši* 'человек', як. *kuһu*; *quzy* 'его дочь', як. *кыыс* 'девушка', *кыһа* 'его дочь' ¹¹⁸.

В башкирском языке звук h встречается не только в середине слова, но и в начальной позиции.

В финно-угорских языках имеет место чередование h с s, ре-же š и ʃ, например: *löysä* ~ *löyhä* 'слабо прикрепленный, шаткий, ненатянутый', финский *-суоми tähti* 'звезда', морд.

теште, финский *-суоми viha* 'злоба', удм. *вож*, коми *веж* и т.д. ¹¹⁹

В корейском языке в начальной позиции слова или слога щелевой согласный s (слабый c и сильный cc) и фарингальный h образуют группу взаимосвязанных звуков ¹²⁰.

Близкий к этим соответствиям пример приводит Л.Р. Зиндер из греческого языка, где индоевропейское s было представлено как s и h ¹²¹. Б.А. Серебrenников пишет, что "в древнегреческом индоевропейское s в начале слова перед гласным и в интервокальном положении превращалось в h. Позднее h в интервокальном положении исчезло" ¹²².

К фонетическому процессу s > h обращались многие исследователи, и в разных языках он рассматривался по-разному. Но в основном они объясняли превращение переднеязычного спиранта s в фарингальный h внутренними закономерностями исследуемых языков. Например, Б.А. Серебrenников со ссылкой на одного из крупнейших теоретиков сравнительно-исторического языкознания Антуана Мейе пишет, что "переход спиранта s в h объясняется слабостью произношения и обнаруживается независимо друг от друга в тех языках, где артикуляция смычных не отличается твердостью" ¹²³. Монголо-веды также часто обращались к вопросу появления h в системе одного из монгольских языков и объясняли причину его появления передвижением или смещением артикуляции с более передней на более заднюю.

Доводы, связанные с внутренними закономерностями языка, являются скорее следствием. А причина фонетического процесса s > h

заключена скорее всего в экстралингвистических факторах. Развитие и становление звукового строя бурятского языка представляет сложный процесс, где внутренние закономерности его изменения активно переплетаются с внешними, образуя специфические черты, отличающие его от других родственных языков и диалектов.

История бурятского языка показывает, что он имел длительный контакт с тунгусским (эвенкийским) и отчасти тюркским языками, носители которых населяли занимаемую ныне бурятами территорию вокруг Байкала к моменту прихода туда монгольских племен. Тюрков, видимо, оставалось в Прибайкалье мало. По преданию эхиритских бурят, так называемые кара кыргызы проживали по Курумчинской долине, некоторые фонетические черты позволяют предполагать сохранение какой-то части тюрков по долинам Тунгуя и Курбы в Забайкалье (см. об этом ниже). Старинные предания и легенды бурят говорят о том, что основная масса тюрков с приходом в Прибайкалье монгольских племен ушла на запад и на север, а эвенки, занимавшие труднодоступные таежные массивы, оставались на местах и имели впоследствии оживленные контакты с бурятами. В одном из шаманских гимнов бурят, записанных С.П. Балдаевым в Эхирите в 1906 г. об истоках контактов между бурятами и эвенками (хамниганами) поется следующим образом:

Алтай дайдаһаан ерэхэдээ,
Арюун арсааран арюулжа ерэлэйбди,
Хүхөө дайдаһаан ерэхэдээ,
Хуншуун ёдоогоор хуншуулажа ерэлэйбди,
Зүлхэ дээрээ буухадаа,
Баруун эргийн даран һуулайбди,
Хамниган хүүнээр ханишалайбди.
Яхад хүүнээр тулалайбди...

Г. м.

Когда шли мы из Алтая,
Богородской травой очищались,
Когда шли мы с Саянов,
Ветками кедра освящались,
Когда спустились мы на Лену,
На правом берегу ее осели,
Подружились с эвенками,
Сражались (или столкнулись) с якутами... 124

и т.д.

О длительных и тесных контактах предков нынешних бурят и тунгусских племен свидетельствуют многочисленные факты языкового и неязыкового характера (см. ниже).

В результате взаимодействия эвенкийского и монгольского языков на данной территории первый фактически оказался поглощенным. Монгольский язык сохранил в основном свой лексик, грамматический строй и фонетику, но в то же время он приобрел много особенностей, появившихся под влиянием контактирующего с ним языка, в виде субстратных явлений.

Одним из немногих элементов эвенкийского субстрата в бурятском языке остался фарингальный h, который, как видно из истории заселения монголоязычными народами территории вокруг Байкала, довольно позднего происхождения (X, XI вв. и позже). Как указывалось выше, проявление звука h в бурятских диалектах далеко не однородно, и сам процесс $s > h$ имел неравномерную по диалектам и длительную по времени историю. Например, олонские буряты до сих пор окончательно не усвоили h. Здесь, видимо, эвенкийская основа была секающей, тогда как в Центральной Бурятии эта субстратная основа была hакающей. Последнее четко подтверждается данными М.А. Кастрена¹²⁵. В программу сибирского путешествия Кастрена первоначально не входило составление тунгусской грамматики. Это было сделано по мере накопления материала по данному языку. Тунгусский материал начал накапливаться еще во время его работы над бурятским языком в регионе Прибайкалья, хотя "Грамматика тунгусского языка" была составлена в основном по говорам урульгинских и маньковских тунгусов (Читинская обл.). В небольшом тунгусско-немецком словарице, приложенном к этой "Грамматике...", 73 словарные единицы начинаются с фарингального h, он встречается и в середине слова в других лексических единицах: hоһом 'нюхать (табак)' (см. с. 86), hоһун 'козья шерсть' (с. 86), hоһого 'порог' (с. 95). Последние два слова, скорее всего, заимствованы из бурятского языка, что также является одним из показателей сравнительно позднего контактирования этих языков. hакающую основу языка ассимилировавшихся с монголами хамниган подтверждает говор баргузинских эвенков - потомков байкальских тунгусов¹²⁶. Исследователь наречия баргузинских тунгусов Н.Н. Поппе утверждает, что "ою (наречие) весьма близко к наречиям урульгинскому и маньковскому, исследованным Кастреном"¹²⁷.

Вопрос о том, что субстратный h употребляется именно вместо s, а не других согласных, объясняется, во-первых, наличием соответствия $h \sim s$ в языке-источнике, т.е. в эвенкийском, где имеются hакающие - h и секающие - s говоры. Во-вторых, фарингальный h попал на такую языковую почву, где отсутствовали сильные щелевые глухие согласные, кроме s. На начальном этапе фарингальный h и щелевой s могли функционировать на уровне аллофонов, несмотря на то, что они по своим акустико-артикуляционным особенностям довольно далеки друг от друга. Относительно s и h в эвенском языке Л.Р. Зиндер писал: "Согласные s и h очень мало сходны между собой; их объединяет только то, что оба являются глухими щелевыми"¹²⁸. При отсутствии в языке других глухих щелевых согласных оказалось достаточным сходства признаков глухости и щеливости, чтобы считать их аллофонами одной фонемы. Аналогичная картина могла иметь место и в бурятском языке, где фарингальный h начал корреспондировать именно с переднеязычным щелевым глухим согласным s, потому что в звуковой системе монгольского языка того периода не было других глухих щелевых

звуков, а в самом языке-источнике существовало аналогичное соответствие. Так же как и в бурятском языке, в эвенкийском фарингальный h имеет соответствия со щелевыми s и š. Совпадает также позиционное расположение чередующихся согласных: h встречается в начале слов и в середине слов в начале слогов. Комбинаторные изменения h полностью совпадают в эвенкийском и бурятском языках: в начальной позиции h бывает глухим, в середине слов - звонким. Близкая к этому бурятско-эвенкийскому языковому взаимодействию картина зафиксирована во взаимодействии якутского и эвенкийского языков. Е.И. Убрятова полагает, что "появление в якутском языке h... связано с общей перестройкой системы проточных согласных, которая была вызвана воздействием эвенкийского языка"¹²⁹.

На сравнительно быстрое и повсеместное освоение бурятскими диалектами звука h могло повлиять наличие протетического начального h (*p > *f > h) в том диалекте монгольского языка, который положил начало образованию бурятского языка. Время появления первых монголоязычных народов на занимаемой ныне бурятами территории вокруг Байкала как раз относится к раннему среднемонгольскому периоду развития монгольских языков. Как писал Б.Я. Владимирцов, "большинство среднемонгольских наречий знало начальный h в словах, соответствующих монг.-письм., начинающимся с гласного"¹³⁰. Когда субстратный h вошел в систему звуков данного языка, то протетический h закономерно выпал из употребления. Аналогичный случай имеет место в русском языке, где не было фонемы ф, но существовал аллофон фонемы в, близкий по своему звучанию к глухому ф. В связи с заимствованиями слов с начальным звуком ф бывший аллофон фонемы в развился в самостоятельную фонему ф. Таким образом, протетический h явился как бы своеобразным катализатором появления в бурятском языке самостоятельной фонемы h¹³¹.

Появление фарингального h в системе одного из монгольских языков оказало заметное влияние на другие стороны его фонетического строя. Например, процесс деаффрикации, который является одной из существенных специфических черт бурятского языка, непосредственно связан с появлением фарингального h. Фонетический процесс ts > s (и вслед за ним tʃ > š, dʒ > ž, dz > z) мог произойти только после того, как звук h вытеснил s.

В системе согласных фонем современного бурятского языка фарингальный h составляет самостоятельный ряд - четвертый по горизонтали, тогда как во всех монгольских языках имеется четкое распределение согласных фонем по трем артикуляционным рядам.

Таким образом, в результате ассимиляции двух языков звук h остался заметным следом эвенкийского языка в системе фонем одного из монгольских языков и явился одним из существенных факторов в процессе образования нового самостоятельного монгольского языка - бурятского.

Гортанный смычный "ʔ". В бурятском языке имеется

звук, который обычно называется гортанным смычком. По фонетическому алфавиту МФА этот звук обозначается знаком "ʔ". По признаку преградности в артикуляционном аспекте этот гортанный, смычный, слабый, глухой, твердый звук должен относиться к согласным. Тожественный этому звук имеется в немецком языке, где употребляется в анлауте слов с гласным началом. Однако ни в бурятском, ни в немецком языках он не выступает в качестве самостоятельной фонемы и орфографически никак не отражается.

Все слова в бурятском языке, обозначенные в орфографии с начальным гласным, окрашены в анлауте гортанной смычкой "ʔ". Фонетически гортанный смык характеризуется как "окраска гласного глухим взрывом при размыкании сильно сомкнутых голосовых связок"¹³². Наличие гортанной смычки в современном монгольском языке подмечено еще Б.Я. Владимирцовым, который называл эту особенность фонетики халхаского наречия придыханием и объяснял ее появление следующим образом: "В халхаском наречии гласные имеют инкурсию (начало) со слабым придыханием. Яснее всего это придыхание выступает при произношении гласных в начале слова... Происходит это явление потому, что в полости рта органы речи принимают необходимое для выявления данного гласного положение до появления голоса, до звучания голосовых связок; при этом голосовая щель открывается и начинается слабое дыхание. И только когда выдыхание достигает полной силы, появляется голос"¹³³. Л.Р. Зиндер называет этот звук "сильным приступом" и характеризует его проявление в немецком языке следующим образом: «Гласные (как долгие, так и краткие), стоящие в начале слов, характеризуются тем, что они начинаются с так называемого "сильного приступа" (fester Einsatz, Knacklaut), представляющего собой смычный согласный, образуемый благодаря артикуляции голосовых связок.

Некоторые фонетисты считают его самостоятельной фонемой и вносят его соответственно этому в свои таблицы звуков немецкого языка. В фонетической транскрипции он обозначается знаком ʔ, например: «ʔarbaet» Arbeit, «ʔaos» aus и т.п. Он не имеет самостоятельной семантической функции и, следовательно должен быть признан не отдельной фонемой, а особенностью произношения гласных в определенном фонетическом положении»¹³⁴. ФONOЛОГИЧЕСКОЙ значимости гортанная смычка не имеет и в бурятском языке. Чисто с фонетической точки зрения ни в немецком, ни в бурятском языках нет слов, начинающихся с гласных звуков. При точной фонетической транскрипции должны писать: ʔarbaŋ 'десять', ʔεrε 'мужчина', ʔürε 'семья', ʔoloŋ 'много', ʔuhaŋ 'вода' и т.д.

Является ли гортанный смычный ʔ последующим звеном в развитии монгольских начальных согласных *p > *f > *h(x)? Безусловной представляется историческая связь гортанного смычного звука современного монгольского и бурятского языков с историческими *p, *f (f), *h (x), с той только разницей, что гортанный смык встречается во всех словах, начинающихся с гласных, а p ~ f ~ h — только в определенных пластах слов.

СТАНОВЛЕНИЕ БУРЯТСКОГО ВОКАЛИЗМА

В монгольских языках, в частности в калмыцком и современном монгольском, все краткие гласные непервых слогов подвергаются качественной и количественной редукции, т.е. происходит ослабление степени напряженности в стенках резонирующих полостей, приводящее к некоторому затуханию формантной характеристики звуков и потере длительности звучания этих гласных. В этом отношении бурятский язык несколько отличается от других монгольских языков, современные бурятские непервослоговые краткие гласные подвергаются в основном качественной редукции.

Долгие гласные в этом отношении являются более устойчивыми. Однако история их образования, функциональные, фонологические и другие аспекты их изменения до сих пор являются предметом постоянной дискуссии. Не все исследователи разделяют точку зрения на существование так называемых первичных долгот в алтайских языках, отдаленными рефlekсами которых являются якобы долгие гласные в туркменском, монгорском и отчасти в якутском, дагурском и других языках.

Долгие гласные современных алтайских, в том числе и монгольских, языков рассматриваются в основном как гласные вторичного происхождения, образовавшиеся в результате стяжения звукового комплекса Г+С+Г.

По традиционной трактовке еще в древнемонгольский период исчезли так называемые первичные долгие гласные, вместо современных долгот функционировали звуковые комплексы типа Г+С+Г. В XII, XIII вв. интервокальные согласные этого комплекса (γ , α , j, β) переходят в \underline{h} , а период XIII—XIV вв. связан с исчезновением этого \underline{h} и появлением двослогов типа Г+Г. В XIV, XV вв. двослоги Г+Г стянулись в один слог — образовались долгие гласные.

Определение такого рода хронологических границ может быть не всегда точных, о чем постоянно предупреждали сами авторы, значительно облегчает труд последующих исследователей, ориентирует их при выявлении тех или иных процессов в изучаемых языках и диалектах на конкретные исторические моменты, которые могли отразиться на языковых, в частности фонетических изменениях.

В связи с этим следует отметить, что многие монголоведы не совсем обоснованно приписывают Б.Я. Владимирцову попытку связать весь процесс образования долгих гласных в монгольских языках с переходом монголов от охотничьего уклада к кочевому скотоводству. На самом деле, когда Владимирцов пишет, что "процесс перехода от звероловного быта к кочевому пастушескому у монгольских племен закончился, в общем, в XIV—XV вв., и как раз с этим временем совпадает завершение процесса образования долгих гласных из комплексов $V + \gamma \sim g \sim *w + V$ "¹, он имеет в виду лишь временное совпадение, а не причину образования долгих гласных.

В последние годы монголоеды вслед за Г. Жамьяном склонны раздвинуть период образования диграфных и их стяжение в долгий гласный до конца XVII в., а не XV, как предполагал Б.Я. Владимирцов².

В современном бурятском языке и во всех его диалектах долгие гласные наравне в соответствующих краткими гласными являются самостоятельными фонемами.

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ГЛАСНЫХ ФОНЕМ

Вокализм алтайских языков отличается большей стабильностью, чем консонантизм, наблюдаются почти полные соответствия гласных между различными группами тюркских, тунгусо-маньчжурских и монгольских языков.

Компаративистами-алтаистами установлено, что в древних алтайских языках могли функционировать восемь гласных фонем: а, о, и, і в группе твердоядных (или задних) гласных, ε, ö, ü, і в группе мягкорядных (или передних) гласных. Некоторые исследователи допускают в группе мягкорядных гласных вместо ε звук ä, или одновременное функционирование ä и ε, или еще дополнительно двух разных ε (открытого и закрытого), находя, таким образом, вместо классической восьмерки девять или больше гласных. В данном случае прав А.М. Шербак, который по результатам анализа дифференциальных признаков гласных фонем и их дистрибуции в современных тюркских языках заключает, что дополнительное появление гласных сверх восьми относится к более поздним периодам развития этих языков и что "исходной для тюркских языков является система из восьми кратких и восьми долгих фонем"³.

Как указывалось выше, существование первичной долготы в алтайских языках признается не всеми исследователями. Но тюркологами установлено, что "долгие гласные, как особые фонемы, были в языке тех древних тюркских племен, которыми составлены известные орхонские и енисейские памятники (VII в.). Долгое ā отмечено и в слове Махмуда Кашгарского (XI в.)"⁴.

В тюркских языках реликты первичных долгот обнаруживаются в современном туркменском и отчасти в якутском языках, которые, надо полагать, оказались наиболее консервативными в отношении количественных показателей гласных. Ф.Г. Исхаков по этому поводу пишет следующее: «Целая группа слов, употребляющихся почти во всех тюркских языках и входящих в основной словарный фонд каждого из них, в туркменском и якутском языках имеют долгие гласные или же дифтонги, тогда как в остальных тюркских языках они имеют обыкновенные гласные с нормальной длительностью. Поскольку значительная часть слов этой группы встречается в упомянутых выше древних памятниках как слова, имеющие долгие гласные, долготы всей этой группы слов, встречаемые из современных языков почти только в якутском и туркменском, принято называть "древнетюркскими", или "первичными долготами". Примеры: туркм. б̄ар, як. б̄ар 'есть, имеется', в других тюркских языках в этом слове

произносится краткий а; а также в словах: туркм. $\bar{a}t$, як. $\bar{a}t$ 'имя', туркм. $\bar{a}c$, як. $\bar{a}c$ 'голодный', туркм. $\bar{d}\bar{a}š$, як. $\bar{t}\bar{a}c$ 'камень', туркм. $\bar{g}\bar{o}z$, як. $\bar{x}\bar{a}c$ 'гусь' и т.д. »⁵ По этой проблеме имеется обширная литература, которая основательно разобрана в работе А.М.Щербака⁶.

Что касается прамонгольских долгих гласных, то не во всем последовательные показатели обнаруживаются в монгольском языке. Например, в диалекте хуцзу встречаются несвойственные другим монгольским языкам долгие гласные в таких словах, как $\bar{t}\bar{a}v\bar{e}n$ 'пять', $\bar{q}\bar{a}d\bar{a}$ 'скала', $\bar{a}m\bar{a}$ 'мать', $\bar{d}\bar{e}c\bar{e}$ 'веревка', $\bar{t}\bar{e}r\bar{g}\bar{e}$ 'телега', $\bar{t}\bar{o}d\bar{z}\bar{e}$ 'масло' и т.д. Причем эти долгие гласные фонологически противопоставляются соответствующим кратким гласным; например, слово $\bar{t}\bar{a}v\bar{e}n$ с кратким а означает 'пятьдесят', $\bar{q}\bar{a}d\bar{a}$ 'вне', $\bar{a}m\bar{a}$ 'рот', $\bar{d}\bar{e}c\bar{e}$ 'стелить' и т.д.⁷ Б.Х. Тодаева пишет, что "хуцзу долгие гласные в соответствии со структурой слога имеют место только в пределах одной морфемы и никогда не являются результатом стечения гласных на стыке между основой и суффиксом"⁸. Такого типа долготы в хуцзу-монгольском отличаются от долгих гласных других монгольских языков, которые относятся к позднему периоду их развития. Аналогичные монгольским долгие гласные обнаруживаются еще в дагурском языке⁹.

В монгольском и дагурском языках наряду с так называемыми первичными долготами функционируют долгие гласные вторичного происхождения. В артикуляционно-акустическом и перцептивном отношении между первичными и вторичными долготами нет никаких различий.

Система праязыкового вокализма с учетом гипотетических первичных долгих гласных представлена в табл. 4.

Древнемонгольский вокализм в качественном отношении почти не отличается от праязыкового вокализма. В количественном отношении, как единодушно предполагали все компаративисты-монголоеды (Рамстедт, Владимирцов, Поппе, Санжеев), уже древнемонгольский вокализм не имел фонологического противопоставления по долготе и краткости. Долгие гласные современных монгольских языков, за исключением некоторых долгот монгольского и дагурского языков, восходят к древнемонгольскому звуковому комплексу $\Gamma + C + \Gamma$.

В последние годы монголоеды С. Хаттори и Ш. Лувсанвандан высказали предположение о том, что в древнемонгольских звуковых комплексах $\Gamma + C + \Gamma$ вторые гласные были долгими во всех тех случаях, когда они (эти комплексы) дали в современных языках долготу; там, где эти комплексы сохранились, гласные были краткими¹⁰. С. Хаттори также связывает этот процесс с качеством интервокальных согласных. Он пишет, что звуковые комплексы $\Gamma + C + \Gamma$ перешли в долгие гласные там, где срединные согласные были щелевыми, а там, где сочетания $\Gamma + C + \Gamma$ сохранились, срединные согласные были смычными¹¹.

Такая постановка вопроса правомерна только в том случае, если признаки долготы и краткости имеют фонологическую значимость.

Таблица 4. Общеалтайские гласные фонемы

Фонемы		Твердоядные		Мягкорядные	
		Неогуб- ленные	Огублен- ные	Неогуб- ленные	Огублен- ные
Широкие	Краткие	а	о	ɛ	ɔ
	Долгие	а:	о:	ɛ:	ɔ:
Узкие	Краткие	ɯ	υ	ɪ	ʊ
	Долгие	ɯ:	υ:	ɪ:	ʊ:

Длительность звуков – понятие относительное, зависящее от разных позиционных и комбинаторных условий их употребления. В древне- и среднемонгольские периоды долгие и краткие гласные в монгольских языках фонологически не противопоставлялись. Долгие гласные современных монгольских языков являются рефlekсами звуковых комплексов древнемонгольского и дwoегласных среднемонгольского языков. Стяжение дwoегласных и образование однородного гласного не могло не привести к совпадению звукового состава многих первоначально разнo звучащих слов. По всей вероятности, эти омонимические столкновения слов и морфемы явились первопричиной дивергенции кратких и долгих гласных и образования в языке новых фонологических единиц – долгих гласных фонем, которые противопоставляются кратким гласным фонемам (соответствующим). В этом отношении фиксируемые исследователями монгольских языков многочисленные исключения из правил перехода $G + C + G > G'G > G$: в действительности вполне закономерны. Если строго следовать гипотезе Хаттори, то, по данным современного монгольского языка, в словоформе $dɛɣɛl \sim dɛβɛl$ второй гласный должен быть долгим, а согласный между гласными – щелевым, так как здесь вместо древнего сочетания – $ɛgɛ$ – функционирует долгий гласный: др.-монг. $dɛgɛl$, совр. монг. $dɛ:l$. А бурятский и калмыцкий языки дают другие показания, сочетания – $ɛgɛ$ – ($-ɛβɛ-$) в этих языках не подверглись процессу стяжения. По Хаттори, одно и то же слово в первом случае должно иметь долгий гласный и щелевой интервокальный согласный, а во втором случае это же слово должно было иметь краткий гласный и смычный согласный звук. Такого типа “исключения” в межъязыковых и междиалектных проявлениях долготных комплексов встречаются довольно часто: $ɣuru : \sim ɣuragan$ ($ɣurgan$) ‘палец’, $su : \sim suga \sim huga$ ‘подмышка’, $xɛ:r \sim xɛ-jɛr$ ‘гнедой’, $xɛ:li \sim xɛβɛl$ ‘живот’ и т.п. Все эти случаи являются не столько исключением из правил, сколько свидетельством того, что долгота и краткость, как и смычность и щелинность согласных фонем g и b не являются дифференциальными (фонологическими) признаками, различающими две разные фонемы.

Таким образом, все долгие гласные фонемы современного бурят-

ского языка не связаны с так называемыми первичными долготами, в ретроспективе они восходят к звуковым комплексам Г + С + Г, в составе которых признаки долготы и краткости гласных не играли существенной дифференцирующей роли. Долгие и краткие гласные, если они имели место, функционировали на уровне факультативных аллофонов.

Это же относится к интерпретации Г. Жамьяна диакритического знака "—" (горизонтальной черточки справа от гласного) в ойратском "Тодо бичиг". Безусловно прав Г. Жамьян, когда пишет, что этот знак не обозначал долготу соответствующего гласного, а передавал следующие за ним гласные а и э. Но вслед за С. Хаттори и Ш. Лувсанванданом он квалифицирует эти гласные как долгие¹². Они не всегда могли быть долгими (по Г. Жамьяну) или ударными (по Г.Д. Санжееву), в противном случае такие слова, как bögere > böere > bö:rö 'почка', döröge > döröe > dörö: 'стреля', böge > böe > bö: 'шаман', ögöged > ögöed > ögö:d 'дав', kiroge > kiröe > kirö: 'пила', tölöge > tölöe > tölö: 'ради' и т.д.¹³, должны были иметь современные формы типа бэ: гэ вм. bö:rö, döröe: вм. dörö:, бэ: вм. bö: и т.д., потому что при стечении диграфов качество долгого гласного обязательно определялось бы по качеству долгого или ударного гласного.

По-новому интерпретируя знак "—" в "Тодо бичиг", Г. Жамьян вводит существенные коррективы в периоды фонетического процесса образования долгих гласных. Г.Д. Санжеев, комментируя это положение Г. Жамьяна, справедливо указывает, что "хронологические рамки среднемонгольского периода ("гласный + гласный" после выпадения соответствующих интервокальных согласных и до слияния этих гласных в один долгий: улаган > ула^аан > ула^ан 'красный') теперь можно раздвинуть от XIII, XIV вв. до конца XVII в., а не до XVв."¹⁴.

Фонетический процесс образования вторичных долгих гласных был длительным и многоступенчатым, он охватывает весь среднемонгольский и начало нового периода развития монгольских языков.

Приблизительно с этим же периодом связано образование дифтонгов ai, oi, ui, üi, ei.

В письменных источниках среднемонгольского периода наряду с гласным э фиксируется еще е закрытый, который интерпретируется исследователями монгольских языков как самостоятельная единица в составе гласных. Закрытые и открытые варианты, в том числе е и э, встречаются и в современных монгольских языках, но они не обладают фонологической значимостью. В памятниках квадратной письменности отражены закрытые э в начале слова (élčine 'посланца'), в середине слова только в первом слоге (téri'un 'первый') и в конце слова в качестве неслогового компонента дифтонга (bič'ibeé 'написал')¹⁵. Как известно, квадратная письменность имела фонетическую основу, в которой нашли отражение многие аллофоны, например придыхательные варианты смычных сильных

согласных. В данном случае нельзя не согласиться с Г.Д. Санжеевым, который утверждал, что гласные e и é, обозначенные разными знаками квадратного алфавита, являются аллофонами одной фонемы, а не самостоятельными фонемами ¹⁶.

Закрытые и открытые варианты гласного i, надо полагать, тоже функционировали в монгольских языках на уровне аллофонов. Таким образом, в период до образования долгих гласных и дифтонгов вокализм монгольских языков состоял из семи фонем: a, o, u, ε, ö, ü, i, а не из девяти, как трактовала традиционная монголистика. Такой состав гласных, по всей вероятности, был характерен для древнемонгольского языка, а также для начального этапа развития протобурятского языка. Вокализм этого периода представлен в табл. 5.

Процесс образования долгих гласных, а также дифтонгов протекал уже в тот период, когда многие современные монгольские языки были локально разобщены и развивались самостоятельно. Вероятно, этим фактором можно объяснить неравномерность самого процесса дифференциации кратких, долгих и дифтонговых фонем. В современных монгольских языках в большинстве случаев древнемонгольские звуковые комплексы Г + С + Г стянулись в один долгий гласный. Однако спорадически встречаются слова, в которых эти комплексы сохранились. Ср. бур. *degeɛl*, калм. *deβɛl*, совр. монг. *de:ɪ* 'шуба' или совр. монг. *xεβɛl*, бур. *xε:li* 'живот' и т.п.

Процесс образования долгих гласных, этапы развития звуковых комплексов в ту или иную долгую гласную фонему прослеживаются автономно по каждой фонеме (см. ниже в разделе, где анализируется эволюция отдельных гласных фонем).

По последним данным сравнительно-исторической монголистики, процесс образования долгих гласных (соответственно и дифтонгов) завершается XVII в. Таким образом, вокализм бурятского языка в недавнем прошлом располагал 19 фонемами: краткими a, o, ε, ö, u, ü, i; долгими a:, o:, ε:, ö:, u:, ü:, i:; дифтонгами ai, oi, εi, ui, üi. Дальнейшая эволюция бурятского вокализма связана с явлениями монофтонгизации, конвергенции и дивергенции некоторых фонем. Например, в хоринском говоре краткие огубленные гласные ö и ü слились в одну фонему, а дифтонг εi во всех бурятских диалектах подвергся монофтонгизации. Дифтонги ai и oi через промежуточные этапы (дифтонгоиды æ^ε и œ^ε) почти повсюду развились в долгие монофтонги æ: и œ:. В некоторых диалектах, в частности в эхиритской группе говоров, наряду с долгими производными æ: и œ: появились краткие гласные æ и œ вместо кратких a и o перед мягкими согласными.

Таким образом, если состав фонем бурятского языка в прошлом определялся 19 фонемами, то в современном литературном языке выделяется всего 17 фонем. Это краткие a, o, ε, u, ü, i, долгие a:, æ:, o:, œ:, ε:, ö:, u:, ü:, i:, дифтонги ui и üi. Недавно образовавшиеся долгие монофтонги æ: и œ: иногда проявляются как дифтонгоиды æ^ε и œ^ε.

Таблица 5. Таблица древнемонгольских гласных фонем

Фонемы	Твердорядные		Мягкорядные	
	Неогублен- ные	Огублен- ные	Неогублен- ные	Огублен- ные
Широкие	а	о	ε	ö
Узкие		и	і	ü

Существенными фонологическими признаками, которые структурируют современный состав вокализма бурятского языка, являются:

1. Мягкорядность || твердорядность || нейтральнорядность;
2. Открытость || закрытость;
3. Дифтонговость || монофтонговость;
4. Долгота || краткость;
5. Огубленность || неогубленность.

1. В зависимости от высоты тонов гласные делятся на три ряда: твердый ряд - а, а:, о, о:, и, и:, æ (æ·ε), œ (œ·ε) и; мягкий ряд - ε, ε:, ö, ö:, ü, ü:, üи; нейтральный ряд - и, и:.

Гласные твердого ряда - это открытые (широкие) и задние гласные, а гласные мягкого ряда - это закрытые (узкие) и передние. Последствием этих признаков является исторически сложившаяся сочетаемость гласных в одном слове. Многими исследователями на первый план ставится как раз эта последняя особенность без учета качества самих гласных.

На самом деле более открытые и задние гласные обуславливают более низкие тона, а закрытые и передние - более высокие тона. Это различие в укладах артикулирующих органов образует своеобразную гармонию гласных в звуковой системе так называемых сингармоничных языков.

2. Деление гласных фонем на открытые (широкие) - а, а:, о, о:, ε, ε:, ö, ö:, æ:, œ: и закрытые (узкие) - и, и:, ü, ü:, и, и:, и, и: основано на различии в степени подъема языка при образовании гласных звуков. Гласные высокого подъема относятся к узким, а гласные невысокого подъема - к широким. Это деление для гласных бурятских говоров, равно как и для гласных всех других монгольских языков, имеет существенное значение при дифференциации фонем.

3. В зависимости от характера артикуляции все гласные фонемы подразделяются на монофтонги (а, а:, о, о:, ε, ε:, и, и:, ö, ö:, ü, ü:, и, и:) и дифтонги (и, и, æ·ε, œ·ε). Монофтонги образуются при относительно простом укладе органов речи почти на всем протяжении, точнее, на квазистационарном участке звучания гласного. Дифтонги образуются при разнородных укладах органов речи, когда на протяжении звучания одного гласного совершается переход от одного уклада органов речи к другому. Гласные

Таблица 6. Гласные фонемы бурятского языка

Фонемы		Твердоярдные		Мягкорядные		Нейтраль- норядные
		Неогуб- ленные	Огублен- ные	Неогуб- ленные	Огублен- ные	Неогублен- ные
Широтные	Краткие	а	о	ɛ	(ö)	
	Долгие	а:	о:	ɛ	ö:	
	Дифтонги	æ·ɛ	œ·ɛ			
Узкие	Краткие		и		ü	i
	Долгие		и:		ü:	i:
	Дифтонги		ɥi		üi	

Примечание. В скобках приведен краткий ö, который в литературном бурятском языке является аллофоном фонемы.

æ·ɛ (æ:) и œ·ɛ (œ:) отнесены к дифтонгам условно, но исторически они являлись истинными дифтонгами aj, oj.

4. Монофтонги, в свою очередь, делятся на краткие (а, о, ɛ, ö, и, ü; і) и долгие а:, о:, ɛ:, ö:, и:, ü:, і:). Здесь основанием деления является длительность, т.е. количественная характеристика гласных. Краткость или долгота гласных определяются только в отношении друг к другу. Для эхиритской группы говоров к этим коррелятивным рядам можно добавить æ и æ:, œ и œ:. В цонголо-сартульском говоре наличествуют сильно редуцированные гласные в исходных слогах, которые часто исчезают совсем.

5. Для характеристики фонемного состава гласных определяющее значение имеет работа губ. Лабиализованные (о, о:, ö, ö:, и, и:, ü, ü:) и нелабиализованные (а, а:, ɛ, ɛ:, і, і:) гласные бурятских говоров, как и других монгольских языков, составляют самостоятельные фонологические группы. При артикуляции нелабиализованных гласных губы не принимают участия, а при лабиализованных губы играют существенную роль, являясь передней границей резонатора.

Перечисленные выше фонологические признаки в различных сочетаниях между собой, дистрибуция и различные чередования гласных, связанные с явлениями сингармонизма, определяют систему гласных фонем бурятского языка, которая схематично представлена в табл. 6.

СТАНОВЛЕНИЕ СОСТАВА ГЛАСНЫХ ФОНЕМ

Общий порядок описания гласных фонем представлен в данной работе по рядам сингармонизма: сначала гласные твердого ряда, а затем мягкорядные. Раздел вокализма завершается подробным ана-

лизом гласных нейтрального ряда i и i:, которые сыграли в развитии звукового строя бурятского языка и вообще монгольских языков существенную роль как в аспекте собственных модификаций и переходов, так и в развитии других сторон фонетического строя монгольских языков.

Внутри каждой группы отдельно описываются неогубленные и огубленные, монофтонги и дифтонги (или производные от дифтонгов гласные).

Так же как и при характеристике согласных фонем, для каждой гласной фонемы дается перечень ее дифференциальных фонологических признаков, а конкретные аллофоны характеризуются по классификационной схеме акад. Л.В. Щербы.

Гласные твердого ряда

К твердоярдной группе относятся все открытые гласные и гласные заднего артикуляционного ряда, т.е. те звуки, которые образуются при более объемистом резонаторе в ротовой полости. Последнее обуславливает сравнительно низкий характерный тон этих гласных. К ним относятся a, a:, ae: (ae·ε), o, o:, oe: (oe·ε), u, u:, ui.

Фонема a — открытый, неогубленный, краткий монофтонг: targaŋ 'жирный', arbaŋ 'десять', bata 'крепкий', haχal 'бо-рода', m'aχaŋ 'мясо'. Как уже указывалось выше, в современных бурятских диалектах существует четкое фонологическое противопоставление кратких и долгих гласных, в частности краткого a и долгого a:. Фонема a по сравнению с другими гласными является гласным самого низкого подъема. Он может быть более передним и более задним по горизонтальному положению языка в зависимости от влияния сочетающихся с ним согласных.

При сочетании с согласными первой и второй артикуляции краткий a артикулируется при предельно нижнем и крайне переднем положении языка; в сочетании с увулярными согласными фонема a на большем протяжении своего звучания является гласным более задней артикуляции. Вообще бурятский a имеет тенденцию к задней артикуляции. Например, изолированное произнесение a обязательно дает заднерядный гласный. Это, очевидно, дало повод многим бурятоведом, в частности А.Д. Рудневу, определять бурятский a как гласный заднего ряда¹⁷. Однако такое определение фонемы не точно, так как среди других ее аллофонов имеются и явно переднеязычные.

При образовании заднего a тело языка заметно отходит назад, но не в такой степени, как при кардинальном предельно заднем a по классификации Л.В. Щербы. Он употребляется при непосредственном сочетании с согласными третьей артикуляции и фарингальным h (Атлас звуков, с. 11, 12, рис. 2, 3).

Первослоговой бурятский a довольно стабилен, что прослеживается также по другим монгольским и даже алтайским языкам: бур. aχa 'старший брат', монг. aχ, калм. aχъ, др.-тюрк. aχa 'id'

(ДТС, 18), як. аҫа 'старший, отец, отцовский' (ЯРС, 29), эвенк. ака̄ 'брат, дядя', маньчж. агу 'старший брат' (ССТ-МЯ, 23); бур. ага 'задняя сторона, спина, север', монг. аг, калм. агъ, др.-тюрк. арҫа 'спина' (ДТС, 53), як. арҫаа 'запад, западная сторона (диалект. задняя сторона)', арҫас 'загривок' (ЯРС, 46); бур. ҫада 'гора', монг. ҫад 'скала', калм. ҫадъ, маньчж. хада, эвенк. кадаҫа ~ кадар 'скала, утес' (ССТ-МЯ, 360), др.-тюрк. ҫаја 'скала' (ДТС, 406); бур. ҫадам 'свекор, тесть', др.-тюрк. қадин 'отец жены, тесть' (ДТС, 402).

В непервых слогах краткий а подвергается качественной редукции. Обычно этим мотивируют то, что непервослоговые краткие и долгие а древне- и среднемонгольского языков, следовавшие за первослововым о, в бурятском и современном монгольском языках подверглись полной ассимиляции: спмя bora > бур. боро 'серый', спмя qona- > бур. хона 'ночевать', спмя qonşuуag > бур. и совр. монг. хоншо:r 'морда', спмя doluуaη > бур. и совр. монг. доло:η 'семь'. Вместо исторического *и за первослововым а в бурятском языке по закону ассимиляции появляется а, например: altun > бур. алтаη 'золото', alus > бур. алас 'дальний' и т.д. Здесь процесс уподобления связан не столько с редукцией, сколько с историей развития явления сингармонизма в монгольских языках.

Несмотря на это, вокализм непервых слогов лучше других сохранился в бурятском языке. Изменения связаны в основном с явлениями гармонии гласных.

Что же касается современного монгольского и калмыцкого языков, то там существенные изменения внесены процессом количественной редукции. Например, в калмыцком языке редуцированные, или, по терминологии калмыковедов, "неясные гласные", представляют до сего времени сложную, нерешенную проблему. Наличие их в калмыцком языке не вызывает сомнения, но интерпретация их как с точки зрения качественной и количественной характеристик, так и с точки зрения их фонологической значимости не нашла еще окончательного решения. Многие исследователи калмыцкого языка относят эти редуцированные гласные к аллофонам кратких фонем. Другие склонны считать их самостоятельными фонемами. Высказываются и такие предположения, по которым "неясные гласные" относятся, с одной стороны, к аллофонам кратких фонем, а с другой — к составным элементам предшествующего согласного. Наличие таких своеобразных, порой диаметрально противоположных суждений о природе и фонологической сущности этих гласных в калмыцком языке говорит о действительной сложности этого вопроса. На основании анализа большого экспериментального материала П.Ц. Биткеев пришел к выводу, "что неясные гласные являются самостоятельными фонемами, противопоставляемыми кратким и долгим гласным своей очень слабой напряженностью. В калмыцком языке имеются согласно трем сингармоническим рядам гласных три неясные гласные фонемы, которые между собой противопоставляются как спецификой артикуляторной работы каждой из них и связанным с этим акустическим эффектом, так и своим участием в словах двух сингармонических рядов"¹⁸.

Аналогичного мнения относительно редуцированных гласных бурятского языка придерживается Н.Н. Поппе. Если в калмыцком языке выделяют три фонемы — $\underset{\sim}{\lambda}$ (а-образный звук), $\underset{\sim}{\varepsilon}$ (э-образный звук), $\underset{\sim}{i}$ (i-образный звук), то в бурятском Н. Поппе находит только две редуцированные гласные фонемы — а-образный и э-образный звуки¹⁹. Не полемизируя о фонологической самостоятельности калмыцких неясных гласных, следует отметить, что в бурятском языке имеет место только качественная редукция и по результатам эксперимента, проведенного с соблюдением его полной репрезентативности, отсутствует фонологическое противопоставление первослоговых и непервослоговых кратких гласных. Относительно фонологической корреляции кратких и кратких редуцированных гласных калмыцкий язык, видимо, отличается от современного монгольского (халхаского) языка. Л.К. Герасимович в результате спектрального анализа гласных монгольского языка приходит к выводу, что в словах типа *эндэр* 'высокий', *энгэд* 'цвета', *жигших* 'гнушаться' гласные первых и вторых слогов дают абсолютно одинаковые формантные показатели²⁰. В этом вопросе у монголоведов также не было единого мнения. Некоторые исследователи предполагали, что непервослоговые краткие гласные качественно отличаются от соответствующих первослоговых, и предлагали даже особо обозначать их на письме. Сравнение экспериментальных данных, характеризующих краткие гласные в первых и непервых слогах в калмыцком, монгольском и бурятском языках, показывает, что явление коснулось всех перечисленных монгольских языков. Однако наиболее сильному его воздействию подвергся калмыцкий язык, где качественная и количественная редукция гласных в непервых слогах привели, по утверждению П. Биткеева (см. выше), к фонологической корреляции по признакам нередуцированности (первослоговые краткие гласные) и редуцированности (непервослоговые краткие гласные).

В современном монгольском языке в соответствующих позициях, как пишет Г.Д. Санжеев, отсутствует фонологическое противопоставление кратких гласных "полного образования" (нередуцированных) и "неполного образования" (редуцированных), но имеет место заметная количественная редукция²¹. В бурятском же языке нет различий по длительности между первослоговыми и непервослоговыми, но имеет место ослабление напряженности артикулирующих органов при произнесении непервослоговых кратких гласных. Как и в монгольском языке, в современном бурятском отсутствует фонематическое противопоставление между первослоговыми и непервослоговыми краткими гласными.

Фонема *a:* — открытый, негубной, долгий монофтонг: *da:ɣa* 'поднять', *zala:* 'гребешок, кисточка', *ɣara:ɣa* 'ругать', *a:dar* 'ливень', *ta:ɞar'i* 'загадка'.

Бурятский долгий *a:* мало отличается от долгих *a:* других монгольских языков. Экспериментальные исследования долгого *a:* в различных фонетических условиях позволяют судить о двух его аллофонах, довольно четко различающихся по положению языка. Первый *a:*

употребляется при сочетании с согласными первой и второй артикуляции. Он образуется при предельно нижнем и несколько отодвинутом назад положении языка по сравнению с переднерядным кратким а. Второй долгий а: — гласный заднего ряда, употребляется в сочетании с увулярными и фарингальными согласными. При его артикуляции тело языка отходит глубоко назад, занимая предельно заднее и нижнее положение (Атлас звуков, с. 13–14, рис. 4, 5).

А.Д. Руднев, сопоставляя долгий а: с кратким а, пишет, что различие между ними "заключается исключительно в ненапряженности и напряженности их"²². Действительно, долгие гласные в основном произносятся при большем напряжении стенок резонирующих полостей, чем соответствующие краткие гласные. Однако возможно произношение этих гласных и с меньшим напряжением артикулирующих органов, например в спокойной беседе, где долгие гласные, несмотря на одинаковую с первослоговыми краткими гласными степень напряженности, будут противопоставляться им.

Отличие долгого а: от соответствующего краткого гласного заключается главным образом в количественной характеристике.

Бурятский долгий а: восходит к звуковым комплексам ага, аһа, *ара, *аба, *аја. Аналогичная картина наблюдается в тюркских языках, где "слабо артикулированный согласный, находящийся между двумя гласными или в конце слога, имеет тенденцию к редукции и к последующему исчезновению. При этом гласные после выпадения согласного могут слиться в долгий гласный или дифтонг"²³.

Н.К. Дмитриев пишет о возникновении " в результате стяжения определенных звуковых групп" вторичных долгих гласных в тюркских языках, подчеркивая, что "в этом отношении тюркские языки имеют большое сходство с языками монгольской группы. Последние в один из древних периодов своей истории характеризовались... звуковым переходом $\Gamma + \kappa / \kappa \parallel \zeta / \gamma + \Gamma$ (где Γ — гласный) > долгий гласный. Эта же формула, в полном своем виде или раздробленном, вполне подходит к фонетическому развитию тюркских языков". Как пример конкретного случая образования долгого а: в результате "слияния двух гласных после выпадения разделившего их согласного" приводятся следующие формулы: "...группа $a + \zeta + a > \bar{a}$... группа $a + h + a$ (в заимствованиях) > \bar{a} "²⁴. Примеры: агыз > аас 'рот'; багыр > баар 'печень', в кирг. боор 'id'; агыр > аар 'тяжелый' и др.²⁵

Вторичные долготы встречаются также в тунгусском и корейском языках. О возникновении некоторых долгих гласных в ольском говоре эвенского языка К.А. Новикова пишет следующее: "При выпадении шелевых согласных б, у, ј в говоре может происходить слияние гласных, особенно в непервых слогах в положении между недолгими гласными. Два гласных звука, оказавшись рядом, нередко произносятся в живой речи в один слог (близко к дифтонгу), а затем преобразуются в монофтонг — долгий гласный"²⁶. Например, куңамауһын 'любящий детей' > куңама'һн > куңаман.

В корейском языке "долгота, как правило, образуется в результате стяжения двух гласных ... mā̄m 'мысль' < маам, ма̄ым, п̄āl 'длина руки' < парир (ср. монг. barim с тем же значением), ма̄л 'слово', вероятно, первоначально* мара (ср. монг. в Ордосе малагай - немой)"²⁷.

Фонетический процесс образования вторичных долгих гласных в монгольских языках по трем периодам описан Г.Д. Санжеевым в следующей последовательности: " I - интервокальные проточные согласные \bar{q} , \bar{r} , \bar{j} , \bar{w} около XII-XIII вв. превращаются в проточный же \bar{h} (\bar{h} - хиатус), который во многих диалектах сохраняется в течение всего XIII-XIV вв., о чем говорят данные языка квадратной письменности. Что указанные проточные согласные еще имелись около XII-XIII вв., говорит нам фонетический облик классического (старописьменного) языка;

II - около XIII-XIV вв. интервокальный \bar{h} исчезает, в результате чего образуется двослог - гласный плюс гласный (едва ли дифтонг); об этом говорят данные китайской и среднеазиатской филологии о монгольских диалектах и востока и запада; данный этап еще полностью не пройден могольским и даурским языками;

III - около XIV-XV вв. двослоги - гласный плюс гласный - в течение очень короткого времени стянулись в один слог. Особенно быстро подверглись этому процессу двослоги, состоящие из одинаковых гласных (например, $a + a$, $i + i$, $e + e$), которые дали долгие гласные современного типа (\bar{a} , \bar{i} , \bar{e}). Двослоги ($o + a$, $a + u$, $e + \bar{y}$) удерживаются в течение более длительного времени, постепенно развиваясь в соответствующие дифтонги, как это в разной степени можно увидеть и теперь в могольском и даурском языках. Эти дифтонги, составные части которых подвергались иногда регрессивной ($o + a \rightarrow a + a$ - в ойратских и прочих диалектах, $a + u \rightarrow u + u$, $e + \bar{y} \rightarrow \bar{y} + \bar{y}$ - во всех монгольских диалектах) или прогрессивной ($o + a \rightarrow o + o$ - в халхаских, бурятских и прочих восточных диалектах) ассимиляции, затем уже быстро превратились в долгие гласные современного типа (\bar{a}/\bar{o} , \bar{y} , \bar{y}/\bar{y}).

Схематически изложенный процесс образования долгих гласных в монгольских языках в общем и целом можно изобразить в следующем виде:

$aha \rightarrow a\bar{h}a \rightarrow a'a \rightarrow \bar{a}$;
 $ayu \rightarrow a\bar{h}y \rightarrow a'y \rightarrow y'y \rightarrow \bar{y}$ ²⁸.

Примеры: бур. ha: (haa-) 'дойть', совр. монг. sa: < спня saga 'id'; бур. ta: 'отгадывать' < taga < *tawa < *tapa 'id', др.-тюрк. tap 'находить' (ДТС, 533), туркм. man (tap) 'вникать во что-либо, найти подход к кому-либо' (ТРС, 619), як. man 'попадать (в цель), найти кого-либо' (ЯРС, 375); бур., совр. монг. ba:tar 'герой, богатырь', калм. баатр 'id' < ba-gatur.

Как уже указывалось, образованный таким образом долгий а: (и другие долгие гласные) - сравнительно позднего происхождения,

Н. Поппе утверждает, что процесс образования вторичных долгих гласных в каждой из семей алтайских языков – в монгольских, тюркских, маньчжуро-тунгусских (и в корейском) – развивался самостоятельно, независимо друг от друга²⁹. Действительно, эти явления происходили тогда, когда языковые группы давно уже развивались самостоятельно, и потому процесс "комплекс звуков > долгий гласный" достаточно четко расшифровывается на материалах каждой конкретной семьи языков.

Фонема u – закрытый, губной, краткий монофтонг: uhaŋ 'вода', buta 'кочка', ur'a:i 'приглашение', turla:ɑ 'ворона', n'ur-gaŋ 'спина', šuraŋ 'ловкий'.

Фонема u: – закрытый, губной, долгий монофтонг: u:la 'гора', du:ŋ 'песня', hurgu:l'i 'школа', su:rga 'замок', bu:ral 'седой', ɣaɣu:l 'сторож'.

У каждой из этих фонем выделяются по два более или менее четко выраженных аллофона. Один – заднего ряда, другой – заднего, выдвинутого вперед ряда.

Наиболее употребительными в бурятском языке являются заднерядные u и u:, которые встречаются при соседстве с увулярными и фарингальными согласными. В изолированном произношении u является также заднерядным. А.Д. Руднев, сопоставляя бурятский u: с русским y, отмечает, что хоринский «значительно задний, чем русский "y" (даже в таких словах, как ухо), и менее узкий»³⁰.

При сочетании с согласными первой и второй артикуляции, особенно в соседстве с мягкими согласными, u и u: артикулируются при чуть продвинутом вперед и несколько приподнятом положении языка, что обуславливает некоторое повышение характерного тона. При образовании u губы сближаются между собой, сравнительно мало выдвигаясь вперед, и образуют переднее отверстие резонатора в форме узкой уплощенной щели (Атлас звуков, с. 15–18, рис. 6–9).

В современном бурятском языке краткая фонема u употребляется только в первых слогах и в отличие от фонемы a не имеет редуцированного аллофона.

Фонологическое противопоставление краткого u и долгого u: имеет место во всех современных монгольских языках. Следов первичного долгого u: в монгольских языках нет, они обнаруживаются в некоторых тунгусских и тюркских языках. Например, бур. ugaŋ 'искусный, мастер, красота, изящество', монг. ugaŋ, др.-тюрк. uz 'искусный, опытный, умелый' (ДТС, 620), туркм. уз:з (уз) 'хороший, красивый, хорошо, красиво' (ТРС, 656), як. уус 'мастер', (ЯРС, 448); бур. huna- 'тянуться, вытянуться', монг. suna, эвенк. сун- 'вытянуться, удлиниться' (ССТ-МЯ, 126), солонск. сүйн- 'растянуться' (ССТ-МЯ, 127), як. уун- 'вытягивать, вытягиваться, растягиваться'.

В отличие от долгих a: и o: в текстах монгольского языка первичный долгий u: не встречается³¹. Ф.Г. Исхаков пишет, что кроме туркменского и якутского языков "в качестве примеров... отдельных случаев первичной долготы можно привести... из хакасско-

го и тувинского языков: пүүр (пᠦᠷ) пүүрү (пᠦᠷү) 'волк' - в хакасском и дүүн (тᠦн) 'вчера' - в тувинском³².

Вторичный долгий у: в монгольских языках появился в результате стяжения комплексов звуков: а + С + у или у + С + у. В бурятских диалектах краткий у и долгий у: составляют фонологические пары только в начальной позиции слов ула 'подошва' - у:ла 'скала, гора'; дуухау 'капать' - ду:хау 'кончать'; бууа 'бык' - бу:а 'спускаться' и т.д. В непервых слогах краткий у в бурятском языке не употребляется. Однако в говоре джидинских сартулов спорадически появляется в непервослоговых позициях краткий у. Если в бурятском литературном языке или в накающих говорах за гласными а, у, у: предшествующего слога обязательно следует из кратких гласных только а, то в сартульском говоре может употребляться в этой позиции и краткий у, например лит. худаг 'колодец' - сарт. худуг, цонг. худог; лит. ху:лаа 'сдирать' - сарт. ху:луа; лит. алаа 'убивать' - сарт. алуа. При этом непервослоговой гласный у звучит несколько иначе, чем в обычной первослоговой позиции, причем согласно общей закономерности бурятского языка, подвергается в данной позиции качественной редукции. Краткий у в непервослоговой позиции чаще всего встречается во вторых слогах и, как правило, через один согласный звук после гласного первого слога. Происходит, таким образом, своего рода уподобление, которое нехарактерно для других диалектов бурятского языка. Такого типа ассимиляции известны в алтаистике под названием губного стяжения, или губной гармонии.

Это своеобразие употребления краткого огубленного гласного у (а также и долгого о;) существенным образом отражается на системе гармонии гласных. Как известно, сингармонизм в монгольских языках является ступенчатым, т.е. употребление любого гласного каждого последующего слога определяется качеством каждого предшествующего слога. Это определяется долготой или краткостью, огубленностью или неогубленностью, дифтонговостью или недифтонговостью. Например, если в литературном бурятском языке после кратких а и у предыдущего слога может встречаться в последующем слоге из кратких гласных только а, то в цонгольском и сартульском говорах кроме а могут употребляться о и у. Что же касается так называемых окающих бурятских говоров, то здесь в чистом виде происходит губной сингармонизм по более открытому варианту огубленных гласных типа о.

Некоторые первослоговые краткие у восходят к среднемонгольскому и. Это явление подробно описано Б.Я. Владимирцовым: "Там, где в монг.-письм. в первом слоге имеется и, а в последующем слове какой-нибудь гласный, напр. а, е, у, ү, в халхасском (также и в бурятском. - И.Б.) оказывается на месте и гласный последующего слога или очень ему близкий. Явление это объясняется тем, что гласный второго слога антиципировался, т.е. голосовой аппарат принял положение, необходимое для воспроизведения этого гласного до образования находящегося между и и последующим гласным согласного. Этот антиципированный гласный получил ударение, сделал-

ся главным гласным слога, а первоначальный гласный i или исчез совершенно, или же сохранился в виде краткого скользящего звука”³³. В бурятском языке это рассматривается как результат перелома i (переход i > u): спмя cisun > бур. šuhaŋ 'кровь', спмя n'i-rugun > бур. n'urğaŋ 'спина', спмя kituɣa > бур. χutaga 'нож', спмя kimusun > бур. x'umahaŋ 'ноготь', спмя nigusun > бур. nuğaŋ 'утка' и т.п. Здесь, как видно из примеров, процесс не ограничился одним лишь антиципированием гласных. Если в результате воздействия последующего звука на предшествующий произошел перелом i, то в бурятском языке наблюдается одновременный диссимилятивный процесс. При появлении в первом слоге огубленного u в соответствии с общей закономерностью сингармонизма в последующих слогах появляется неогубленный a.

Фонема o – открытый, губной, краткий монофтонг: gохо 'крючок', xороŋ 'яд', oдоŋ 'звезда', tоргоŋ 'шелк', oжохо 'шить', xон'иŋ 'овца'. Фонема o относится к гласным заднерядной артикуляции. При произношении o тело языка значительно отходит назад, задняя его часть несколько приподнимается по направлению к задней части мягкого неба, занимая по подъему среднее положение между задними гласными бурятского языка: узким u и широким a.

Бурятский звук o по сравнению с русским o произносится при очень незначительном огублении. Как отметил Г.Д. Санжеев, при произнесении o губы “не выдвигаются и не напрягаются”, а немного сближаются между собой, образуя уплощенную щель, более широкую, чем при u³⁴. При этом следует иметь в виду, что бурятский звук o является монофтонгом, не имеет характерного для русского ударного дифтонгоидного o начального, более узкого элемента.

Отметив слабое выдвижение губ вперед при артикуляции бурятского o, А.Д. Руднев отнес его к группе нелабиализованных гласных³⁵. Однако он не учел при этом, что передней границей резонатора являются губы, а не зубы, как это бывает при нелабиализованных гласных.

Заднерядный o является относительно напряженным и открытым звуком. Он употребляется в первом слоге в сочетании с увулярными и фарингальными согласными. А в сочетании с согласными первой и второй артикуляции фонема o произносится при несколько продвинутом вперед положении языка, причем непосредственное соседство его с мягкими согласными обуславливает более высокий подъем, занимающий примерно промежуточное положение между третьей и четвертой ступенями по таблице Л.В. Шербы (Атлас звуков, с. 19–20, рис. 10, 11).

В ранних монгольских языках в непервых слогах гласный o (а также o, ō и o̅) не встречался, за первослоговым o в последующих слогах употреблялся в основном a, редко i. Из современных монгольских языков нелабиализованный вариант произношения

непервослоговых гласных сохранился в калмыцком языке: но һан 'зелень, молодая трава', ора 'вершина, верхушка', орах (орахь) 'обвертывать, заворачивать' и т.д. В бурятском языке, как и в монгольском, непервослоговые неогубленные гласные, которые следовали за первослоговыми о и о:, подверглись полной ассимиляции, в данном случае – процессу лабиализации, и превратились соответственно в о, о:, оө:. Например, спмя qota > бур. хото 'город', спмя ordan > бур. ордоһ 'дворец', спмя oni > бур. оно: 'зарубки (на стреле)', ср.-монг. һорай > бур. ороө: калм. ора 'вершина', спмя olam 'брод' > бур. olom.

Аналогично краткому а, этот непервослоговой о подвергается качественной редукции. По положению артикулирующих органов редуцированные аллофоны почти не отличаются от соответствующих нередуцированных первослоговых о, но вследствие значительно ослабленного мускульного напряжения речевых органов, в частности ротовых (губных) мышц, редуцированный о (о̣) произносится с весьма неопределенным акустическим качеством, мало отличаясь на слух от редуцированного а (а̣). На основании этого некоторые исследователи считали о̣ и а̣ одной фонемой, отличной от первослоговых о и а. Однако при аудиторском анализе носители языка четко различают а̣ от о̣ и определяют их как гласные, соответствующие первослововым а или о. Формантные показатели первослогового и непервослогового о в среднем одинаковы. Употребление редуцированных вариантов в бурятском языке обусловлено определенным фонетическим положением, т.е. непервыми слогами. Исходя из этих фактов и данных традиции, большинство бурятоведов рассматривает редуцированный ненапряженный о̣ как аллофон краткой фонемы о, а не отличную от нее самостоятельную фонему.

Фонема о: – открытый, губной, долгий монофтонг: to:hoŋ 'пыль', xo:hoŋ 'пустой', bo:r'i 'холм', dolo:ŋ 'семь', боро: 'дождь'.

В отличие от соответствующей краткой фонемы о долгая фонема о: помимо большей длительности и напряженности произносится и при более высоком подъеме языка, но не так, как кардинальный гласный третьей ступени, имеющийся, например, в немецком языке, а чуть ниже – приблизительно как занимающий промежуточную ступень между третьей и четвертой по таблице Л.В. Щербы ³⁶.

Долгая фонема о: встречается в любой позиции слова. В сочетании с увулярными согласным третьей артикуляции и фарингальным h употребляется долгий о: заднего ряда, образующийся при предельно заднем положении языка. В сочетании с согласными первой и второй артикуляции и при обязательном отсутствии непосредственного соседства увулярных и фарингальных согласных употребляется долгий о: заднего, выдвинутого вперед ряда (Атлас звуков, с. 21, рис. 12).

В эхирит-булагатских говорах встречаются случаи, когда узкий (закрытый) огубленный у переходит в широкий (открытый) о. Это, в свою очередь, отражается на гармонии гласных. Как известно, в бурятском языке существует следующая закономерность сингармо-

низма, касающаяся этих звуков: если в первом слоге слова стоит краткий твердый гласный и, то в последующем слоге из кратких гласных может употребляться только неогубленный твердый широкий а: n'urга᠓ 'спина', gutal 'унты, обувь', uha᠓ 'вода', udaga᠓ 'шаманка', хуha᠓ 'береза' и т.д. В эхирит-булагатском диалекте процесс и > о дал трансформацию этой закономерности гармонии гласных: когда первослоговое и переходит в о, то последующий неогубленный а произносится огубленно, как о. Правда, явление а > о по сравнению с процессом ε > ö имеет несколько ограниченное распространение: если фонетический процесс ε > ö проходит по эхирит-булагатскому диалекту как система, то процесс а > о охватывает ограниченное количество слов. Например, слова uha᠓ 'вода', хуha᠓ 'береза' в эхирит-булагатском говоре произносятся так же, как и в литературном языке, но зато слово n'urга᠓ 'спина' чаще произносится n'orgo᠓, слово gutal 'унты' встречается в форме godoho᠓, слово udaga᠓ 'шаманка' – в форме od'ogo᠓, хутага 'нож' – хот'ого. Этот процесс под названием так называемого оканья с исключительной последовательностью проходит в мухоршибинском говоре³⁷, а также имеет место в говоре цонголов³⁸.

Спорадическое оканье встречается внутри многих бурятских говоров. Но как последовательный закономерный фонетический процесс оно имеет место в мухоршибирском говоре, который относится к хоринской группе говоров. По свидетельству Ц.Б. Цыдендамбаева, оканье в хоринском диалекте тянется по удинскому кусту от с. Эрхирик до с. Додогол (Доодо гол), а по Курбе до с. Верхняя Курба³⁹. Таким образом, оканье как один из характерных признаков одного из хоринских подговоров занимает довольно обширную территорию: всю долину Тугнуя и Курбы с захватом смежной территории долины р. Уды. Здесь этот процесс является более последовательным и распространяется на все позиции слова, тогда как в цонгольском он распространяется в основном на непервые слоги. Поэтому скорее всего надо говорить о цонгольском заимствовании мухоршибирского оканья.

Междиалектные соответствия огубленных и неогубленных гласных, которые получили названия оканья и аканья, характерны для якутского языка: сорук – сарык 'свет', соргу – саргы 'счастье', хотуур – хатыыр 'коса', тобук – табык 'колени' и т.п. Если в бурятском языке окающие диалекты составляют незначительное меньшинство среди других говоров, то в якутском, наоборот, «так называемые "акающие" говоры составляют меньшинство среди остальных говоров»⁴⁰. Е.И. Убрятова пишет, что компактность регионов распространения "акающих" говоров дает основание предполагать, что их носители возникли "на основе какой-то однородной этнической группы". А различные предания, топонимические названия этого региона "указывают на то, что здесь проживала какая-то монголоязычная группа населения... Монголоязычное население этой тер-

ритории, перейдя на якутский язык, некоторое время сохраняло особенности фонетики монгольских языков (своеобразный монгольский акцент), что выразилось, между прочим, и в сохранении монгольского ударения в слове, а это могло оказать влияние на установление гармонии гласных по первому слогу слова"⁴¹.

Априори вполне допустимо предположение о том, что при передвижении основной массы предков якутов из Прибайкалья на Север отдельные группы их остались на занимаемых ими ранее территориях. Таким местом вполне могли оказаться богатые в пастбищном отношении долины рек, в частности Тугнуя и Курбы. Со временем их говор был ассимилирован языком основной массы населения этого региона (монголов), оставив некоторые следы фонетического субстрата, в данном случае в виде так называемого оканья.

В этой связи обращает на себя внимание употребление о в первых слогах слов в хакасском языке: лызо 'теленок', про 'вина', хобо 'трут', тырбос 'грабли', хыро ~ хро 'иней' и т.д. Ф.Г. Исхаков пишет, что "Генетически о конечного слога в хакасском языке является гласным, образованным в самом хакасском языке по его собственным внутренним законам фонетического развития. Должно быть, оно исторически возникло из долгого о:, образованного путем стяжения широкого негубного гласного с узким губным после выпадения стоявшего между ними согласного г"⁴². Ср. примеры: как. пызо 'теленок', письм.-монг. бирагу, тур. buzagi, тат. бозау, кирг. музоо, тув. бызаа; как. про 'вина', совр. монг., тув. буруу, як. буруй; как. хро 'иней', совр. монг. хяруу, тат. кырау, башк. кырау, кирг. кыроо, тув. хыраа и т.д. Из этого перечня примеров обращает на себя внимание киргизский язык, где также развит губной сингармонизм. Ф.Х. Исхаков в качестве примера из киргизского языка приводит аффиксацию слова кол 'рука': колдор 'руки', колоо 'руке', колдорго 'руками', колдон 'с руки', колдордон 'с рук', колдо 'в руке', колдордо 'в руках'⁴³.

Фонетический процесс оканья имеет распространение и в других тюркских языках, и его происхождение там объясняется разными причинами. "Так, в азербайджанском, каракалпакском, хакасском, отчасти в башкирском переход а в о происходит под влиянием губных согласных. В башкирском и татарском огубление а происходит под влиянием увулярных согласных"⁴⁴. В узбекском языке переход а в о распространяется на все случаи а и объясняется результатом сращения всей этой системы гласных под влиянием иранских языков"⁴⁵.

Широкое распространение оканья в тюркских языках дало повод некоторым исследователям считать первопричиной бурятского оканья влияние говора сартулов в Бурятии — "потомков среднеазиатских пленников Чингисхана".

В самом же сартульском говоре наблюдается лишь конечное оканье. Этот признак выделяется довольно рельефно, видимо из-за того, что оно в какой-то степени является эмфатической долготой. Например, вместо лит. тудаа 'попал' сартулы говорят tudo: в

том же значении, лит. сугтаа 'вместе', сарт. tsugto:. Имеет место и краткое оканье, которое встречается также в исходной позиции слова. Например, нагуцо 'дядя по матери', усулхо 'поить' и т.д. Краткий конечный о является редуцированным, иногда он не произносится вообще, исчезает.

Сартульское оканье существенно отличается от мухоршибирского. В последнем оканье является систематическим и встречается не только в исходной, но и во всех других позициях. Например, мухоршибир. оһо, сарт. ус ~ усо, лит. уһан 'вода', мухоршибир. тодохо, сарт. тудух ~ тудухо ~ тудух, лит. тудаха 'попадать' и т.п.

Как долгое, так и краткое оканье в исходной позиции слов существенным образом отражается на системе сингармонизма. Здесь начинает доминировать губная гармония гласных, т.е. губное стяжение при артикуляции гласных. Конечное о появляется лишь тогда, когда в предыдущем слоге стоит огубленный гласный u или ui. Такого рода губное стяжение несвойственно литературным бурятскому и монгольскому языкам, где губной сингармонизм действует не внутри корня, а в аффиксах, т.е. "осуществляется только как уподобление вокализма аффиксов вокализму корня"⁴⁶.

По сравнению с указанными выше мухоршибирскими и цонгольскими явлениями оканья эхирит-булагатское оканье не имеет такого систематического характера. Даже те слова, которые приведены выше как артикулирующиеся в основном с о, иногда произносятся с а, т.е. так же, как в литературном языке: n'orgon ~ n'urgoŋ 'спина', godohon ~ gutahaŋ 'унты'. Вместе с тем следует отметить наличие обратного процесса в эхирит-булагатских говорах, когда обычное о переходит в а в первом слоге и краткие непервослоговые о-звуки переходят в а (прямо противоположный процесс). Например, холтоһон 'кора (древесная)' в записях, произведенных в Байтоге и на Ольхоне (с. Хужир), зафиксировано в форме хултаһан в том же значении. Кроме того, встречается усиление огубления, например лит. öхeŋ 'сало' в эх.-бул. произносится, как правило, ü:хeŋ, лит. хонšu: 'душистый, ароматный' - эх.-бул. хунšu:

Наличие различного рода отклонений (иногда даже альтернативных) типа лит. хутага - эх.-бул. хот'ого 'нож', лит. холтоһон - эх.-бул. хултаһан или лит. уһан - мухоршибир. оһон и т.д. говорит о том, что бурятские диалекты в своем развитии неоднородны. Интенсивные взаимодействия и взаимопроникновения различных бурятских родов и племен как между собой, так и с другими племенами и народами дали большой разноразличий в их языке, в частности в употреблении этих звуков. "В процессе передвижения отдельные группы этих племен выделялись и изолировались, а их языки под влиянием новых субстратов приобретали свои специфические черты"⁴⁷.

В некоторых монгольских языках кроме вторичных долгот, образованных от комплексов о + С + а или u, функционирует еще такой долгий o:, который не встречается в большинстве современных монгольских языков, например монгорские: тōдзе 'масло', мōдi 'дерево', бōсе 'расти', дōлi 'лизать', дōро 'под': дагурские: мōд 'де-

рево', хōң, 'год'; могольские: tōbun 'пять', mōdun 'дерево' и т.п.⁴⁸ Долгий о: в этих словах интерпретируется большинством компаратистов-монгловедов как реликт первичной долготы.

В бурятском языке в составе гласных фонем функционируют четыре дифтонга. Как указывалось выше, в протобурятском языке их было пять: ai, oi, ei, ui, üi. В истории развития бурятского языка дифтонги подверглись значительной трансформации: компоненты дифтонга ei в конечной позиции слова слились в один долгий звук ei, совпав с существовавшей в языке долгой фонемой ei; в начальных слогах слов ei перешел в долгий i: в ряде диалектов, в частности в хоринском, в конце слов ui и üi перешли в т.:. Что же касается дифтонгов ai и oi, то до сих пор наблюдается живой процесс сближения их компонентов, а в эхиритских говорах процесс монофтонгизации ai и oi можно считать почти завершившимся (подробно об эволюции дифтонгов см. ниже).

Бурятские дифтонги – это фонологически самостоятельные единицы, и потому они являются монофонемными сочетаниями звуков. Как известно, в бурятском языке вообще отсутствуют бифонемные сочетания гласных. Компоненты бурятских дифтонгов, между которыми невозможно провести слоговую границу, составляют единое целое. Наиболее существенным критерием различения дифтонгов от бифонемных сочетаний является, как справедливо писал Л.Р. Зиндер, соотносимость и несоотносимость компонентов этих сочетаний с имеющимися фонемами данного языка. "Если сочетание гласных является бифонемным, то это означает, что входящие в его состав гласные отождествляются с имеющимися в данном языке гласными фонемами"⁴⁹.

Гласные, входящие в состав бурятских дифтонгов, ни с качественной, ни с количественной стороны полностью не отождествляются ни с одной из гласных фонем бурятского языка. В количественном отношении дифтонги противопоставляются соответствующим кратким и долгим гласным, образуя свой коррелятивный ряд в системе тройной оппозиции: а || а: || æ^{·ε}, о || о: || œ^{·ε}, у || у: || ui, ü || ü: || üi.

В эхиритской группе говоров компоненты дифтонгов æ^{·ε} и œ^{·ε} слились в долгие монофтонги æ: и œ:. Здесь появились новые дополнительные коррелятивные ряды в бинарной оппозиции: æ || æ:, œ || œ:.

Фонема æ^{·ε} – открытый, негубной дифтонг: æ^{·ε} | 'семья', manæ^{·ε} 'наша', tanæ^{·ε} 'ваша', x'ilæ^{·ε} ха 'коситься', arb-æ^{·ε} ха 'растопыриться'.

Дифтонг æ^{·ε} восходит к среднемонгольским aji в первом слоге, ai в непервых слогах. Ранние монгольские языки и диалекты не знали дифтонгов. Г.Д. Санжеев относит образование дифтонгов в монгольских языках к более позднему, новому периоду их развития⁵⁰. Б.Я. Владимирцов считал, что процесс образования дифтонгов в современных монгольских языках, в частности в халхаском

наречии, прошел такой же путь, как и образование долгих гласных. Он писал, что если исторический комплекс $\Gamma + \gamma \sim \underline{g} +$ любой гласный, кроме \underline{i} , через ступень $\Gamma + w +$ любой гласный, кроме \underline{i} , дали в современных языках (халхаском) долгие гласные, то комплекс $\Gamma + \gamma \sim \underline{g} +$ гласный \underline{i} через ступень $\Gamma + j +$ гласный \underline{i} дали дифтонги или долгий \underline{i} :⁵¹

"Сочетания... \underline{ai} , \underline{ei} , \underline{ui} , $\underline{üi}$ и в односложных словах \underline{oi} развились из комплексов \underline{au} , \underline{eu} , \underline{uu} , $\underline{üu}$ и \underline{ou} , которые не были настоящими дифтонгами"⁵². (В транскрипции Б.Я. Владимирцова знак \underline{u} означал среднеязычный согласный \underline{j} .)

Переход $\underline{ai} > \underline{æ} \cdot \underline{\epsilon}$ ($> \underline{æ} :$) фонетически объясняется довольно просто: начальный элемент \underline{a} под влиянием второго закрытого гласного \underline{i} стал произноситься как гласный переднего ряда и несколько более высокого подъема, чем обычный \underline{a} , т.е. приблизительно соответствовал пятой ступени кардинальных гласных по таблице Л.В.Щербы. Соответственно второй элемент подвергся обратному процессу, т.е. стал произноситься несколько более открыто, как $\underline{\epsilon}$. Со временем имело место дальнейшее артикуляционное и, следовательно, акустическое сближение этих элементов дифтонга вплоть до полного слияния, т.е. до образования нового гласного звука $\underline{æ}$:. В современных бурятских диалектах, особенно в эхиритских, эта фонема в основном произносится как долгий монофтонг $\underline{æ}$:, лишь изредка в начальной позиции слова может иметь $\underline{\epsilon}$ -образный второй скользящий элемент. В общих грамматиках и учебных пособиях по традиции обозначается как дифтонг \underline{ai} (в современной бурятской орфографии обозначается знаками "ай").

Исследователи бурятского языка определяли эту фонему по-разному. Одни рассматривали ее как долгий монофтонг⁵³, другие (авторы школьных грамматик) считают эту фонему дифтонгом и обозначают ее соответственно двумя знаками - $\underline{a} + \underline{й}$, третьи, в частности Г.Д. Санжеев и др., считают ее дифтонгом, факультативно проявляющимся как долгий монофтонг⁵⁴.

В некоторых бурятских диалектах кроме долгого $\underline{æ}$ встречается первослоговой краткий $\underline{æ}$. Наличие этого звука отмечалось бурятскими диалектологами уже давно. А. Руднев, говоря о наличии $\underline{æ}$ в хоринском говоре, справедливо указывал, что он "является комбинаторным вариантом краткого \underline{a} , встречающимся перед и под влиянием последующих палатальных"⁵⁵. Н.Н. Поппе, описывая краткие \underline{a} и \underline{o} , замечает: "Комбинаторным вариантом фонемы \underline{a} является несколько более палатализованный ("мягкий") гласный, передаваемый в более точных транскрипциях знаком $\underline{ä}$. Этот $\underline{ä}$ наблюдается в тех случаях, когда следующий за ним или предыдущий согласный палатализованный, напр. в слове $\underline{bär'i}$ 'схватить'. Гласный $\underline{ä}$ можно наблюдать во всех говорах"⁵⁶.

Н. Поппе уже тогда заметил, что в одном из эхиритских говоров, в частности в баргузинском, употребляется более четко произ-

носимый краткий æ. Последующие исследователи эхирит-булагатских говоров непременно указывали на эту особенность своих говоров, например Э. Раднаев – в баргузинском⁵⁷, А. Митрошкина – в качугском⁵⁸, Б. Матхеев – в эхирит-булагатском говорах⁵⁹.

В байкало-кударинском, баргузинском, качугском, ольхонском (главным образом восточная и островная части) говорах, а также в собственно эхиритском (севернее Гахан – Ользон) первослоговые æ и œ настолько четко выделяются, что их вполне можно считать самостоятельными, отличными от кратких a и o фонемами. Например, в этих говорах слово 'который' произносится æn'iŋ, а слово 'мигая (глазами)' – как an'irj и вполне различаются носителями. Правда, полной и последовательной закономерности в этом еще нет.

Краткий æ является гласным переднего, несколько отодвинутого назад ряда, по подъему занимает приблизительно пятую ступень по таблице Л.В. Щербы. От соответствующего долгого отличается только по количественной характеристике.

Однако следует заметить, что в указанных выше эхирит-булагатских говорах несколько иначе произносится и долгий первослоговой æ:. Он является предельно передним и соответственно более высоким по подъему (Атлас звуков, с. 22, рис. 13). С этой особенностью гласного связана палатализация сочетающихся с ним согласных. Если в литературном языке и в других говорах слово bæ:na 'стоит' произносится с твердым b, то в эхиритских говорах этот b является заметно смягченным.

В объяснении причин появления кратких передних гласных æ и œ у лингвистов существует такая точка зрения, будто краткие a и o становятся передними æ и œ под влиянием последующих мягких согласных. И в самом деле, передние æ и œ имеют место в первых слогах перед согласными, которые в других говорах, в частности в хоринском, действительно являются мягкими. Но в указанной группе эхиритских говоров эти согласные перестают быть мягкими. Правда, оттенок смягченности в известной мере сохраняется. Например, слово 'сеять' обычно звучит tar'χa или tar'ixɑ, а в эхиритских говорах – t'ærxɑ, т.е. согласный r уже не является палатализованным, а начальный t заметно смягчается. Между прочим, последующий за гласным æ альвеолярный r может быть произнесен вообще твердо, без каких-либо смягчений, что не приводит к нарушению перцептивной функции словоформы.

В связи с депалатализацией следующего за æ согласного, в частности r, следует привести другой случай, когда литературное сочетание "мягкий согласный + долгий гласный" в эхирит-булагатских говорах заменяется сочетанием "твердый согласный + дифтонг æ·ɛ, или, точнее, гласный переднего ряда низкого подъема æ:. Например, лит. tar'a:ŋ 'зерно' – эх.-бул. taræ:ŋ, лит. du:r'a:ŋ ~ su:r'a:ŋ 'отзвук' – эх.-бул. du:ræ:ŋ ~ su:ræŋ, лит. ur'a:l 'приглашение' – эх.-бул. urær. Здесь, так же как и в первом случае, происходит противопоставление признаков: употребление более переднего гласного вызывает депалатализацию соседнего со-

гласного, или, наоборот, депалатализация вызывает передвижение языка вперед – появление более переднерядного гласного, происходит противопоставление фонетических признаков. Таким образом, звучание слова в целом компенсируется. Следовательно, чередование æ и a или æ: и a: в какой-то мере отражается на качестве сочетающихся с ними согласных.

Эта фонетическая особенность эхиритских говоров, хотя она и не влияет существенно на систему фонем, оказывается на самом деле очень устойчивой. Она даже отражается на произношении заимствованных русских слов. Например, слово 'хариус' носителями байкало-кударинского говора произносится с очень заметным диалектным акцентом: $\chi\text{æ}:\text{r}^{11}\text{us}$. Так говорят даже те, кто уже давно оторвался от своей родной языковой среды.

Трудно согласиться с мнением о том, что æ и œ в эхиритских говорах появились под ассимилятивным воздействием палатализованных согласных. Ведь наличие этих палатализованных согласных в других говорах никак не отражается на качестве гласных, которые в этих же словах и в этой же позиции произносятся как обычный краткий a: $\text{bar}'\text{i}\chi\text{a}$, $\text{am}'\text{i}\eta$, $\chi\text{ar}'\text{i}\chi\text{a}$ и т.д. В.И. Рассадин связывает это явление "с ойратским влиянием на западных бурят"⁶⁰. Является ли оно исконно ойратским?

В связи с этим целесообразно сравнить материалы по рефлексам гласного a в данной позиции по другим языкам. Краткая фонема a перед палатализованными согласными произносится как переднерядный широкий æ в дархатском говоре⁶¹. В бурятском языке появление гласного æ наряду с гласным œ, который соответствует в остальных бурятских говорах обычному открытому o, имеет место в эхирит-булагатских говорах. Аналогичная картина наблюдается в современном калмыцком языке. Все эти монгольские языки и диалекты в разные исторические периоды и в различной степени претерпели тюркское влияние. И здесь вполне правомерна постановка вопроса: не является ли появление в указанных выше монгольских языках и диалектах гласных æ и œ результатом тюркского влияния, точнее, тюркским субстратом?!

Фонема $\text{œ}^{\cdot\epsilon}$ – открытый, губной дифтонг: $\text{or}\text{œ}^{\cdot\epsilon}$ 'вершина', $\text{œ}^{\cdot\epsilon}$ 'лес', $\text{or}\text{œ}^{\cdot\epsilon}\chi\text{o}$ 'окутывать', $\text{t}\text{œ}^{\cdot\epsilon}\text{ro}\chi\text{o}$ 'окружать', $\chi\text{o}:\text{lo}\text{œ}^{\cdot\epsilon}$ 'горло'.

Дифтонг $\text{œ}^{\cdot\epsilon}$, так же как и $\text{æ}^{\cdot\epsilon}$, подвергается процессу монофтонгизации. Но в отличие от последнего дифтонг oi (oji) в этом отношении оказывается более устойчивым, он чаще употребляется в дифтонгоидном варианте – $\text{œ}^{\cdot\epsilon}$ и $\text{o}^{\cdot\epsilon}$. Первый элемент этого дифтонга относится к гласным заднего, выдвинутого вперед ряда, а второй элемент – œ – относится к переднему, отодвинутому назад ряду. Причем первый, основной элемент (дифтонг нисходящий) является огубленным, чем и объясняется незначительная огубленность второго элемента (четкая вначале, исчезающая к концу). Выдвинутость первого элемента и отодвинутость второго объясняются так-

же сближением артикуляций данного дифтонга, т.е. тенденцией к монофтонгизации. Долгий монофтонг œ: по горизонтальному положению языка занимает среднее место между o и ɛ (Атлас звуков, с. 23, рис. 14).

Фонема œ^{·ɛ} восходит к среднемонгольскому oji, в односложных словах к oi, а в непервых слогах к ai (поха^{ai} > похœ^{·ɛ} 'собака'). В слюма дифтонг oi не употреблялся в непервых слогах точно так же, как и широкие огубленные монофтонги o, o:, ö, ö: (см. выше).

Краткий гласный œ в эхиритских диалектах встречается довольно часто в первослоговых позициях слов. Н.Н. Поппе пишет, что "комбинаторным вариантом фонемы o является несколько палатализованный гласный, передаваемый в точных транскрипциях знаком ö. Он наблюдается в тех же условиях, что и ä, т.е. в положении перед палатализованными согласными, как, например, в слове mor'in (mör'ɔŋ) 'лошадь'. По говорам, вместо o, т.е. слегка палатализованного гласного, наблюдается еще более передний гласный типа французского eu (в точной транскрипции ö), например в баргузинском говоре в слове mör'ɔŋ (mor'in) 'лошадь'... ö не является отдельной от o фонемой" ⁶². Как видно из этой цитаты, Н. Поппе заметил, что этот гласный наиболее отчетливо проявляется в эхиритских говорах, в частности в баргузинском. Частое употребление звука œ зафиксировано в материалах экспедиции 1960 г. по байкало-кударинскому говору. Здесь краткий гласный œ встречается не только вместо литературного бурятского o перед палатализованными согласными, как указывает Н. Поппе, но и вместо дифтонгов

o^{·ɛ} и üi. Например, слово mœ^{·ɛ}hɔŋ 'черемуха' в байкало-кударинском говоре произносится mœ^{·ɛ}ŋ ~ mœ hɔŋ, слово üihɛ ŋ 'береста' звучит по-байкало-кударински œ^{·ɛ}ŋ ~ œhɔŋ. Здесь имеет место фарингализация первослоговых гласных, что является дополнительной артикуляцией, характеризующейся "напряжением стенок глоточного резонатора с характерным акустическим эффектом низко-

го резонирования, включающимся в звучание гласного звука" ⁶³. Явление фарингализации развито в некоторых тюркских языках, в частности в тувинском и тофском (карагасском). В монгольских языках впервые оно обнаружено в байкало-кударинском говоре в артикуляции гласного œ в словах мойhɔŋ 'черемуха' и үйhɛŋ 'береста', при этом напряжение стенок фаринкса нарастает к концу гласного œ:, с чем, видимо, связано выпадение интервокального h.

Исторические дифтонги oi (oji) и особенно ai (aji) в современных монгольских языках подверглись полной и частичной монофтонгизации. В калмыцком языке вообще нет дифтонгов, в бурятском и современном монгольском языках из дифтонгов со вторым элементом -i (-j) более или менее четко проявляются только üi и üi. Фонетический процесс монофтонгизации дифтонгов в монгольских языках относится к более позднему периоду их развития.

Б.А. Серебренников наряду с другими причинами монофтонгизации указывает, что "монофтонгизации может способствовать состояние

звуковой системы языка⁶⁴. В системе гласных бурятского языка вновь образованные монофтонги $\text{æ}:$ и $\text{œ}:$ занимают промежуточное место как по горизонтальному ряду расположения гласных, так и по степени подъема. Как раз эти клетки в таблице гласных оказались занятыми вновь образованными монофтонгами. Сам процесс монофтонгизации мог состоять из следующих стадий: $\text{ai} > \text{aɛ} > \text{æ}^{\epsilon} > \text{æ}:$ и $\text{oi} > \text{œ} > \text{œ}^{\epsilon} > \text{œ}:$, где aɛ занимает промежуточное положение между a и i , œ — между o и i .

Вполне закономерен вопрос: имел ли вообще бурятский язык открытые дифтонги $\text{ai} > \text{aɛ}$, $\text{oi} > \text{œ}$? Исследователи калмыцкого языка утверждают, что монофтонги \bar{a} , $\bar{ɛ}$, \bar{o} , \bar{y} , \bar{u} , \bar{a} , которые соответствуют старомонгольским дифтонгам $\text{ai} \sim \text{aji}$, $\text{ei} \sim \text{eji}$, oji , uji (ui), üji (üi), развились из последних, т.е. исторических, дифтонгов. Если дифтонги в монгольских языках появились в конце среднего или даже в новый период, то в калмыцком языке, который вообще не знает дифтонгов, ни открытых, ни закрытых, комплексы $\Gamma + j + i$ и $\Gamma + j$ могли сразу перейти в долгие монофтонги. Что же касается бурятского языка, то наличие в нем явных дифтонгов ai , oi и функционирование сочетаний æ^{ϵ} и œ^{ϵ} вместо исторических дифтонгов ai и oi показывает, что современные монофтонги $\text{æ}:$ и $\text{œ}:$ являются действительными рефlekсами истинных дифтонгов протобурятского языка.

Монофтонгизация дифтонгов характерна не только для монгольских языков. Как пишет Б.А. Серебrenников, "в истории различных языков наблюдается заметная тенденция к сокращению дифтонгов. На земном шаре трудно, пожалуй, встретить такой язык, в котором никогда не происходило бы сокращения дифтонгов". Далее он отмечает, что "превращение дифтонга в монофтонг не может осуществляться непосредственно. Монофтонгизация проходит определенные стадии"⁶⁵. Промежуточные стадии процесса монофтонгизации исторических дифтонгов ai и oi в какой-то мере сохранили бурятские диалекты, в которых наряду с монофтонгами $\text{æ}:$ и $\text{œ}:$ встречаются дифтонгоиды æ^{ϵ} и œ^{ϵ} , а в ряде позиций даже o^{ϵ} .

Фонем ai — закрытый, губной (по первому элементу) дифтонг: $\text{ai} \lambda \alpha$ 'плакать', $\text{g} \text{ai} \chi \alpha$ 'просить', $\text{u} \text{mar}$ 'сумасбродный', $\text{u} \text{ta} \chi \alpha \eta$ 'узкий'.

Из общемонгольских исторических дифтонгов (aji) $\sim \text{ai}$, (oji) $\sim \text{oi}$, (eji) $\sim \text{ei}$, (uji) $\sim \text{ui}$, (üji) $\sim \text{üi}$ в бурятском языке наиболее четко выражается ai . Первый его элемент a — огубленный гласный заднего, выдвинутого вперед ряда, второй элемент i — узкий гласный переднего, отодвинутого назад ряда. Здесь также наблюдается сближение компонентов, но оно не дает пока полной монофтонгизации (Атлас звуков, с. 35, рис. 26).

Дифтонг ai по диалектам проявляется неодинаково. В основном бурятском диалекте — хоринском, легшем в основу литературного бурятского языка, исторический дифтонг ai , сохранившийся во всех бурятских диалектах в первослоговой позиции как дифтонг ai , в непервых слогах, благодаря монофтонгизации и ослаблению огуб-

ленности, развился в долгий монофтонг τ :, который качественно совпал с долгой фонемой i :, став, таким образом, аллофоном этой фонемы. Сравните примеры: хор. $\dot{x}arg\tau$: - эх.-бул. $\dot{x}arg\dot{u}i$ 'дорога', хор. $\dot{d}ug\tau$: - эх.-бул. $\dot{d}ug\dot{u}i$ 'мостик', хор. $\dot{u}rg\tau$: - эх.-бул. $\dot{u}rg\dot{u}i$ 'подснежник', хор. $\dot{d}ugt\tau$: - эх.-бул. $\dot{d}ugt\dot{u}i$ 'меховой чехол для унтов'.

Если бурятский литературный язык в непервослоговых позициях вместо дифтонга $\dot{u}i$ дает долгий неогубленный гласный τ :, то современный калмыцкий язык, наоборот, сохраняет в данной позиции огубленный гласный \dot{u} : $\dot{s}ugu$ (шуһу) 'чаша', $\dot{d}ugtu$ (дугту) 'чехол' и т.п. В первых слогах в калмыцком языке, который, как указывалось выше, вообще не имеет в своем звуковом составе дифтонгов, чаще употребляются долгие гласные: бур. $\dot{u}i\dot{a}\dot{x}a$ 'плакать' - калм. $u:i'x\dot{a}$ (уульх) бур. $\dot{g}ui\dot{x}a$ 'просить' - калм. $gu:x\dot{a}$ (һуух), бур. $\dot{u}i\dot{a}\dot{x}\dot{a}\dot{x}\dot{a}\dot{x}$ ~ $\dot{u}i\dot{a}\dot{x}\dot{a}\dot{x}\dot{a}\dot{x}$ 'узкий' - калм. $u:t'x\dot{a}\dot{x}$ (уутъхи), бур. $\dot{u}i\dot{d}\dot{a}\dot{x}a$ 'грустить' - калм. $u:t'x\dot{a}$ (уудъх) и т.д. И в бурятском языке в начальной позиции иногда употребляется монофтонг \dot{u} . Например, если глагол 'плакать' выражается в основном через дифтонг $\dot{u}i$ - $\dot{u}i\dot{a}\dot{x}a$, то производное от него слово 'плаксивый' выражается словом $ul'in\dot{x}a$, т.е. через краткий монофтонг \dot{u} ; 'вой волка' также выражается глаголом $ul'i\dot{x}a$. Но в бурятских диалектах дифтонг $\dot{u}i$ в первослоговой позиции в основном произносится с равномерным участием обоих его элементов "с глоссирующим переходом между ними"⁶⁶.

Большинство бурятских говоров, как и современный монгольский язык, сохранили дифтонг $\dot{u}i$ и в непервослоговых позициях: ср. совр. монг. $\dot{x}arg\dot{u}i$ 'дорога', $\dot{d}ug\dot{u}i$ 'круг', $\dot{d}ugt\dot{u}i$ 'чехол' и т.д. О дифтонге ua . В бурятском языке встречается всего несколько слов с так называемым дифтонгом ua . Н.Н. Поппе приводит всего три слова: xua 'каурый (о масти лошади)', название одного из хоринских родов - $xuas\dot{a}\dot{e}$ ^ε и название древнего горюдища - $xuand\dot{a}\dot{e}$ ^ε 'Кондуй'. К этому списку можно добавить слово gua - 'мыть'. Это сочетание гласных трудно отнести к дифтонгам.

В системе корреляций гласных бурятского языка дифтонговость является релевантным признаком фонемы, и потому дифтонги должны быть монофонемными сочетаниями. А в словах $xuas\dot{a}\dot{e}$ ^ε, $xuand\dot{i}$: сочетание ua является бифонемным и соответственно слоговая граница проходит между этими сочетающимися гласными: $xu - a - s\dot{a}\dot{e}$ ^ε, $xu - an - d\dot{i}$:. Правда, слова xua и gua трудно разделить на слоги; их, вероятно, надо отнести к односложным словам. Здесь, пожалуй, сочетание ua является монофонемным. Но, несмотря на это, в разговорном бурятском языке приведенные выше слова произносятся, как правило, $u\dot{x}a$: в.м. xua , uga : в.м. gua , $u\dot{x}a:s\dot{a}\dot{e}$ ^ε в.м. $xuas\dot{a}\dot{e}$ ^ε, $u\dot{x}a:nd\dot{i}$ в.м. $xuand\dot{i}$:. В современном монгольском языке также отдается предпочтение форме ухаа, хотя допускается и хуа 'каурый (о масти)', угаа 'мыть'.

Старописьменный монгольский язык отражает в слове xua

две формы с различной семантикой. Первая форма – *хуба* 'светло-желтый, соломенный', а вторая – *хуца* со значением 'желтый'. Первое – это исконно монгольское слово, а второе – заимствованное из китайского языка слово хуан 'желтый'. В древнемонгольском и даже в среднемонгольском эти два слова семантически четко различались, что отразилось в старомонгольском алфавите. Бурятское *иа* восходит к сочетанию *уба ~ ува ~ уза*. В процессе стяжения комплекса Г + С + Г должен был образоваться дифтонг. Однако процесс полной дифтонгизации задержался из-за незначительного количества слов с этим комплексом, и в современных монгольских языках, в частности в бурятских диалектах, произошла своего рода метатеза, перестановка начального согласного х и гласного и, что дало новое сочетание Г + С + Г вместо С + Г + Г: *уха*: < *хуба* < < *хуба* < **кува*. Ср. бур. *уха*: ~ *хуба* 'каурый', стмя *хуба* 'светло-желтый, соломенный' (Голст., 139), др.-тюрк. *guba* 'цвет между красным и желтым' (ДТС, 462), маньчж. *kuba* 'светло-желтый' (ССТ-МЯ, 422).

Гласные мягкого ряда

Мягкорядными являются гласные среднего и верхнего подъема в переднем и центральном рядах. Исключаются все гласные нижних подъемов и все заднерядные гласные, относящиеся к гласным твердого ряда. Исключаются также переднерядные гласные предельно верхнего подъема, которые являются индифферентными в дистрибуции гласных по двум сингармоническим рядам, аналогично мягким согласным, которые в отличие от твердых согласных могут встречаться в словах и твердого, и мягкого рядов.

В отличие от твердорядных мягкорядные гласные образуются при более узкой звукообразующей резонирующей полости, что обуславливает относительно высокий тон этой группы гласных. В бурятском языке к мягкорядным гласным относятся э, э:, ө, ө:, ү, ү:, ү.

Фонема э – открытый, негубной, краткий монофтонг: *tεr-ge ɛŋ* 'телега', *bεlen* 'готовый', *sεxe* 'прямой'.

Фонема э: – открытый, негубной, долгий монофтонг: *tε:rmε* 'мельница', *bε:lε:* 'рукавица', *εrbε:xε:* 'бабочка', *türe:* 'голенище', *dε:r ε* 'наверху'.

Краткая и долгая фонемы э в зависимости от сочетающихся с ними согласных могут быть более передними и более задними или относительно открытыми и закрытыми.

В сочетании с согласными первой и второй артикуляции при обязательном отсутствии непосредственного соседства заднеязычных и фарингальных согласных употребляются относительно закрытые переднерядные аллофоны.

Рентгенограммы этих аллофонов показывают, что при их артикуляции язык находится в переднем положении, кончик его касается нижних резцов, а средняя часть несколько выгибается вверх по на-

правлению к твердому небу, касаясь его своими боковыми краями на уровне больших и малых коренных зубов. По степени подъема эти аллофоны мало отличаются друг от друга, но при непосредственном сочетании ε и ε̣: с заднеязычными, увулярными и фарингальными согласными кончик языка немного опускается вниз и чуть отодвигается назад, в результате чего образуется более объемистый резонатор в передней части полости рта и соответственно получается звук с более низким характерным тоном.

В непервых слогах краткая фонема ε подвергается качественной редуции. Редуцированные аллофоны по степени подъема языка не отличаются от нередуцированных, но у них нет четко выраженной тенденции подъема языка к какой-либо части неба; мускулы языка и стенок резонирующих полостей расслаблены, а спинка языка принимает равномерно выгнутый профиль, как при произнесении гласных смешанного ряда, но кончик языка касается нижних резцов и все его тело находится в переднем положении (Атлас звуков, с. 24–27, рис. 16–18).

Долгий ε̣: образовался в результате перелома комплекса $\epsilon + \epsilon + \epsilon$ и процесса монофтонгизации исторического дифтонга $e_i < e_j$ в непервых слогах. Что же касается первослогового дифтонга $e_i < e_j$ $< e_j i < *e_j i$, то он в современных монгольских языках дал долгий ị: (см. об этом ниже).

Рефлексом исторического дифтонга e_i в современном бурятском языке является несколько закрытый по сравнению с обычным ε̣: долгий монофтонг ε̣: или дифтонгоид ε̣·ẹ, который произносится с постепенным переходом уклада языка от открытого ε к закрытому ẹ, что, кроме подтверждения его дифтогового происхождения, не имеет никакого фонологического значения.

Монофтонгизация исторического дифтонга e_i – это общий процесс, который произошел в результате слияния двух разнородных укладов в один простой: исходный ϵ_i при взаимосближении укладов через ε̣·ẹ дал ε̣:. Долгота производного монофтонга ε̣: не отличается от долгот описанных выше аллофонов долгой фонемы ε̣:. Переход дифтонга e_i в монофтонги, а именно в долгий ε̣: или долгий ẹ наблюдается во многих языках. Как пишет Б.А. Серебренников, “в общеславянском e_i превращается в $\epsiloṇ$... в общекельтском e_i дало \bar{e} . В древнеиндийском e_i перешло в \bar{e} ... Тот же результат в германских языках”⁶⁷.

Фонема ü – закрытый, губной, краткий монофтонг: $dürö$: ‘стремя’, $übεl$ ‘зима’, $tümεr$ ‘железо’, $n'üdeŋ$ ‘глаз’, $x'ürö$: ‘пила’, $nüxεr$ ‘товарищ’.

Краткая фонема ü употребляется только в первом слоге мягкорядных слов. В сочетании с твердыми согласными гласный ü артикулируется следующим образом: кончик языка значительно отходит назад от резцов, корень его, наоборот, продвигается вперед, т.е. все тело языка собрано в середине полости рта с четко выраженной тенденцией подъема по направлению к границе твердого и мягкого неба.

Влияние заднеязычных и фарингальных согласных на фонему ü очень незначительно.

При сочетании с мягкими согласными, для которых характерна дополнительная работа средней части языка, гласный ü произносится при более закрытом положении языка, следовательно, с более высоким характерным тоном. Профиль языка при произнесении этого звука, судя по рентгеноскопии и соответствующему акустическому эффекту, отличается от первого аллофона более высоким подъемом и незначительной продвинутостью вперед (Атлас звуков, с. 28–29, рис. 19, 20).

Фонема ü: – закрытый, губной, долгий монофтонг: ü:dɛɪ 'дверь', tü:xɛ 'собирать', büdü:ŋ 'толстый', xɛɪü:l 'ругань', ʒɛrü:ŋ 'жесткий'.

В отличие от краткого ü долгий ü: артикулируется при более высоком подъеме, занимая предельно верхнее положение в центральном ряду гласных. Дальнейший подъем языка в этом направлении дает уже шум, свойственный щелевому согласному.

Огубление при долгом ü: более сильное, чем при кратком ü, мышцы губ и стенок резонатора напряжены значительно больше. Переднюю границу резонатора составляют сильно выпяченные вперед верхняя и нижняя губы (Атлас звуков, с. 30, рис. 21).

Долгий ü: современного бурятского языка восходит к комплексам $\varepsilon + \text{C} + \text{ü}$ или $\text{ü} + \text{C} + \text{ü}$, он встречается во всех бурятских говорах и в любой позиции слова, устойчиво сохраняя свое основное однородное звучание. Что касается рефлексов так называемой первичной долготы у гласного ü:, то в наиболее консервативных в этом отношении языках – монгольском, дагурском, дунсянском, баоаньском – гласный ü вообще отсутствует, так же как и гласный ö. Некоторые косвенные данные встречаются в якутском языке, например бур. xüɛɪŋ 'сила', ср.-монг. küt'šün, як. куус 'сила' (ЯРС, 202); бур. hün'i 'ночь', совр. монг. šönö, як. туун (ЯРС, 417), др.-тюрк. tün (ДТС, 597).

Некоторые бурятоведы отмечают, что отличительной чертой хоринского диалекта является неразличение говорящими на этом диалекте звуков ö и ü. Однако суть этого вопроса заключается не в неразличении этих двух гласных звуков, а в том, что в этом диалекте существует только одна краткая мягкорядная форма, соответствующая и более узкому, и более широкому гласным этого ряда в других диалектах. Причем наиболее употребительным аллофоном этой фонемы является более узкий гласный ü. Эта особенность хоринского диалекта, легшего в основу литературного бурятского языка, нашла отражение в орфографии последнего: фонема ü обозначается буквой ү независимо от того, что в произношении отдельных слов допустимы и более широкие звуки типа ö. Однако произношение более узкого звука в виде ü является в настоящее время орфоэпической нормой, поддерживаемой орфографией.

Исследователи монгольских языков (Рамстедт, Владимирцов, Поппе, Санжеев и др.) рассматривают развитие гласных звуков отдельно в первослоговой и первослоговой позициях. Такой подход

к проблеме эволюции гласных в какой-то мере правомерен по отношению к кратким гласным ü и ö. Например, в ранних монгольских языках гласный ö не употреблялся в непервых слогах, а гласный ü употреблялся не только в первослоговой, но и довольно часто в непервослоговой позициях. В современных монгольских языках ö встречается в непервых слогах, в этой же позиции традиционно употребляется ü: др.-монг. *köke* 'синий', совр. монг. *xöxö*, бур. *xüxe*; др.-монг. *küt'sün* 'сила', совр. монг. *xüt'sin*, бур. *xüsen* и т.п.

Фонема ö: – открытый, губной, долгий монофтонг: *ö:rö*: 'сам', *sö:rɛm* 'водоем', *tö*: 'пядь', *tülö:hɛŋ* 'платеж'.

Долгий ö: относится к группе гласных центрального ряда. При произнесении этого звука язык собран в середине полости рта и имеет тенденцию подъема вверх к границе твердого и мягкого нёба, по степени подъема он занимает более открытое положение, чем при ü и ü: Губы образуют переднюю границу полости рта в форме круглой щели, но более широкой, чем при ü и ü: (Атлас звуков, с. 31, рис. 22).

Долгий ö: является весьма устойчивым звуком в бурятском языке вообще, мало изменяясь в зависимости от различных позиций и сочетаний с другими звуками. Он восходит к древнемонгольскому комплексу *ö + C + ɛ* или *ö + C + ü*: бур. *bö*: (бөө) 'шаман' < *böɣe*, бур. (диал.) *sö:xön* 'мало' < *ʃsöɣükɛŋ*⁶⁸.

О первичном долгом ö: можно судить только по данным других алтайских языков. Например, бур. *xüxe* ~ *xöxö* 'синий', туркм. *gɛ:k* (гөк) 'синий, голубой' (ТРС, 198); бур. *büleg* ~ *bölög* 'раздел, группа', туркм. *bo:lɣg* (бөлүг) 'деление'; бур. *müreŋ* ~ ~ *mörön* 'река', эвенк. *mū* 'вода' (ССТ-МЯ, 548). По сведениям Б.Х. Тодаевой, в монгорском, дунсянском, баоанском языках Внутренней Монголии гласный ö вообще отсутствует⁶⁹.

Характеризуя краткий ö современного бурятского языка, Н.Н.Попе писал, что "гласные $\underset{v}{y}$ (ü) и $\underset{v}{e}$ (ö) представляют собой разные фонемы во всех говорах, кроме агинского и хоринского, т.е. кроме хоринской группы говоров, где они одинаково реализуются как $\underset{v}{y}$

(ü) и только комбинаторно как $\underset{v}{e}$ (ö)"⁷⁰. Действительно, как показали последующие более детальные диалектологические исследования, в хоринском говоре краткие ö, ü являются аллофонами одной фонемы, причем ü является более употребительным, чем ö. В других говорах краткий ö употребляется часто и является самостоятельной фонемой. Фонологически ее можно охарактеризовать как открытый, губной, краткий монофтонг: диал. *ödör*, лит. *üder* 'день', *öhön*, лит. *hün* 'молоко', *öxöxö*, лит. *üxexɛ* 'идти вверх на гору', *böxö*, лит. *büxe* 'крепкий'.

Фонема ü – закрытый, губной (по первому компоненту) дифтонг, который восходит к ü < **üj* и комплексам звуков *üji* < **üyi*. Во всех диалектах бурятского языка встречается в первом слоге: *üile* 'деятельность', *güixe* 'бегать', *tüimer* 'пожар (лесной)', *üiheŋ* 'береста'⁷¹, *tüise* 'коробок из бересты', *xüiteŋ* 'холод', *xüiheŋ* 'пуп'.

В непервых слогах дифтонг üi подвергся процессу монофтонгизации, но неравномерно по диалектам. В хоринских говорах исторический дифтонг üi развился в неогубленный долгий монофтонг i:: хор. ɛdt: 'столько', совр. монг. өдий (МРС, 317), ср.-монг. ödüi; хор. ündt: 'приподниматься', совр. монг. өндий (МРС, 323), ср.-монг. öndüi. В эхирит-булагатском говоре первое слово сохраняет древнюю форму üdüi 'столько', а в слове 'приподниматься' вместо дифтонга -üi появляется долгий ɛ: ünde: по аналогии со словами ülge: 'люлька', хор. ülgt:, эх.-бул. zü-gɛ: 'пчела', хор. zügt, эх.-бул. üge: (üɜe:) 'нет', хор. ügt и т.п.

В современном бурятском языке дифтонг üi артикулируется следующим образом: первый элемент – огубленный гласный верхнего подъема центрального ряда; второй элемент – также гласный верхнего подъема переднего, отодвинутого назад ряда. Оба компонента дифтонга üi произносятся в общем при близком укладе языка, но четко различаясь по работе губ, которые при начальном элементе образуют переднюю границу и постепенно отходят друг от друга к концу артикуляции, определяя тем самым дифтонговый характер этой фонемы (Атлас звуков, с. 36, рис. 27). Разогубление иногда запаздывает, тогда эта форма произносится как долгий монофтонг y:. Но это происходит очень редко по сравнению с монофтонгизацией других дифтонгов. В боханском говоре встречаются единичные случаи монофтонгизации первослогового üi:: слово xüitenɟ 'холод' произносится как x'i:tenɟ. Такое явление не распространяется на все первослоговые üi и не касается всех носителей данного говора.

Гласные нейтрального ряда

К этому ряду относятся гласные фонемы i и i:, которые артикулируются при предельно верхнем и переднем положении языка. Если все гласные фонемы бурятского языка четко распределяются по двум рядам – твердому и мягкому, где твердоядные гласные не могут встречаться в одном слове с мягкорядными, то гласные i и i: индифферентно относятся к этим двум сингармоничным рядам гласных, являются действительно нейтральными, встречающимися и в твердоядных, и в мягкорядных словах.

Фонема i – закрытый, негубной, краткий монофтонг: ilalta 'победа', x'izɑ:r 'граница', n'idxɛ 'бровь', ildam 'приветливый'.

Фонема i: – закрытый, негубной, долгий монофтонг: i:mɛ 'такой', zar'i:ɟɑ 'трепетать', hi:xɛ 'серьги', hab'i:ɟɑ 'иметь жалкий вид'.

В истории монгольских языков гласные i и i: занимают особое место. Во-первых, эволюция этих гласных весьма своеобразна – известны различные переходы их в другие гласные, так называемые "переломы гласного i". Во-вторых, гласные i и i: оказали существенное влияние на развитие других фонетических явлений: на

образование аффрикат и на их дальнейшую модификацию, на фонетическую эволюцию дифтонгов, на процесс палатализации согласных, особенно инициальных, и т.п.

По предложению компаративистов, в истории развития монгольских языков имела место фонологическая трансформация, заключающаяся в том, что фонемы i и i: современных монгольских языков являются конвергентами четырех древнемонгольских фонем: закрытых (передних) i и i: и относительно открытых (задних) ɿ и ɿ:. Рентгенограммы артикуляций i и i: современных монгольских языков, в частности бурятских диалектов, показывают, что они по артикуляционному ряду могут быть переднерядными и передне-отодвинутыми назад в зависимости от различных фонетических условий. Переднерядный краткий i встречается после палатализованных согласных b', m', n', p', d' и очень редко — после l' и t'. После согласных g' и x' употребляется передний, отодвинутый назад ɿ. Вне сочетания с мягкими согласными фонема i употребляется только в абсолютном начале слова. В данном фонетическом положении употребляется звук, который по сравнению с переднерядным аллофоном является более открытым. Характерно, что этот вариант встречается только в словах твердого ряда (Атлас звуков, с. 32, рис. 23).

Переднерядный долгий i: артикулируется при крайне переднем и предельно верхнем положении языка. Употребляется он в первых слогах после палатализованных согласных или в абсолютном начале слова только в словах мягкого ряда. При образовании долгого переднего, отодвинутого назад ряда i: (точнее, ɿ:) тело языка немного отодвигается назад, несколько увеличивая объем резонатора в передней части полости рта. Этот звук употребляется только в непервых слогах или в качестве гласных элементов звуковой оболочки аффиксов род. п., когда основа оканчивается на -а и -э, или в абсолютном исходе слова как реализация бывших дифтонгов ɿi, ɿi: и ɿi (Атлас звуков, с. 33–34, рис. 24, 25).

О существовании передних i и i: и задних ɿ и ɿ: в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках можно найти подробные разъяснения в трудах Г. Рамстедта, Б.Я. Владимирцова, Н.Н. Поппе, Г.Д. Санжеева, В.И. Цинциус и др. Что же касается тюркских языков, то в них и сейчас передний и задний i рассматриваются как самостоятельные фонемы, "за исключением лишь современного узбекского и уйгурского языков, в которых *ы и *и уже совпали в одну фонему, произносящуюся как u"⁷².

Что же касается монгольских языков, то Г.Д. Санжеев в одной из своих последних работ совершенно справедливо подвергает сомнению существование в монгольских языках двух самостоятельных фонем — i (и) и ɿ (ы), соответственно и долгих пар i: (ии) и ɿ: (ыы), указывая, "что во всех монгольских языках нет ни одной пары двух разных по значению слов или каких-либо лексико-грамматических морфем, различие между которыми было бы обусловлено наличием двух самостоятельных фонем [ы] и [и]"⁷³.

Действительно, распространение гласных i и i: в современных монгольских языках и диалектах и существующая система гласных фонем этих языков находятся в отношении дополнительной дистрибуции: переднерядные i и i: употреблялись в словах только с мягкорядными гласными, а заднерядные ɪ и ɪ: — в словах с твердорядными гласными. Соответственно во всех монгольских письменных (старых) языках имеется один знак для обозначения гласных i и ɪ независимо от сингармонического ряда слов. Правда, Б.Я. Владимирцов находил в самой орфографии спмья различие двух i. Он писал: "В словах палатального ряда перед i (јод) из заднеязычных шумных могли стоять k и g , обозначавшиеся буквой kārḥ, а в словах заднего гуттурального ряда перед јод (i) из заднеязычных шумных стояли g > χ и g > γ, которые обозначались при помощи буквы heth"⁷⁴. Действительно, вплоть до XVIв. в словах твердого ряда перед i писали q и γ, а в словах мягкого ряда — k и g, что опять-таки показывает лишь комбинаторную и в какой-то степени и позиционную закрепленность разных i, т.е. i и ɪ, i: и ɪ: выступают здесь в качестве аллофонов одной краткой и одной долгой фонем. Б.Я. Владимирцовым приводится еще один аргумент, заключающийся в том, что в употреблении так называемого заднего ɪ "показания стар.-монг. письм. совпадают с данными, представленными тюркскими наречиями" (монг. qīḡaγar 'предел, граница' — тюрк. qīdiḡ 'граница', монг. qilγasun 'конский волос' — тюрк. qil и др.)⁷⁵. Здесь же в порядке резюме он пишет, что "тот звук, для обозначения которого монголы пользовались и пользуются знаком јод (i), соответствует тюркскому i~ы в словах гуттурального ряда и тюрк. i~и в словах палатального ряда"⁷⁶. Этим самым опять-таки подтверждается аллофонный характер i и ɪ в монгольском письменном языке, т.е. комбинаторная закрепленность каждого конкретного аллофона фонемы i. Тюркские языки в этом отношении получили другое развитие, давшее в конечном счете фонологическое разграничение i и ɪ. Если в порядке гипотезы допустить, что в монгольских языках аналогично тюркским существовали все-таки две самостоятельные фонемы — i и ɪ, то этот период надо отнести к очень отдаленному, фактически необозримому прошлому. Поэтому праязыковая "восьмерка", куда i и ɪ входят как самостоятельные фонологические единицы, оставлена в неприкосновенности.

Монгольские языки знали краткую и долгую фонемы, которые соответственно проявлялись в переднерядных i и i:; заднерядных (условно) ɪ и ɪ:. Высказанное Г.Д. Санжеевым сомнение относительно самостоятельности фонем i и ɪ из-за отсутствия во всех монгольских языках хоть одной пары слов, которые противопоставлялись бы друг другу по значению, отличаясь только тем, что в одном из них i, а в другом — ɪ, но типу противопоставления фонем a и o: gal 'огонь' — gol 'река' или sug 'вместе' — sog 'искра' и т.п., т.е. по теории так называемых минимальных пар или квазимонимов, является одним из существенных аргументов в пользу того, что i и ɪ не отдельные фонемы, а лишь аллофоны одной фонемы.

Имеющиеся аналоги с обозначением некоторых гласных звуков в старых письменных языках показывают, что наиболее заметно отличающиеся друг от друга аллофоны обозначались на письме разными знаками. Это дало повод исследователям относить их к разным фонемам, несмотря на то, что эти звуки всегда находились в отношениях дополнительной дистрибуции. Взаимозамена этих звуков никогда не могла привести к изменению семантики соответствующих слов. Согласные q и k, ɔ и g во всех современных монгольских языках проявляются в качестве аллофонов заднеязычно-увулярных фонем [k > x] и [g].

Несмотря на это, создатели монгольских алфавитов обходились одним знаком для обозначения двух обязательных аллофонов фонемы i. По всей вероятности, различие между i и ɮ было не настолько заметным, как, например, у согласных q и k, ɔ и g. Гласный i в системе бурятского (общемонгольского) вокализма является звуком самого высокого подъема, дальнейший минимальный подъем языка дает уже согласный звук. Вероятно поэтому он ведет себя в отношении сингармоничных рядов как согласный. В мягкорядных словах употребляются только смягченные аллофоны твердых согласных, а в твердорядных словах — только несмягченные. Что же касается заднеязычно-увулярных согласных, то здесь это различие доходит до изменения основных активных органов, участвующих в образовании этих согласных, что и было отмечено древними авторами монгольских алфавитов. С фонологической точки зрения идентичны различия между аллофонами фонемы b в словах baχa 'лягушка' и bɛxɛ 'чернила' и фонемы g в словах gar 'рука' и gɛr 'дом'. Гласный i в твердорядных словах проявляется в несколько открытых и отодвинутых назад аллофонах, а в мягкорядных словах — в переднерядных закрытых аллофонах.

Таким образом, фонема i имела в ранний период и имеет сейчас два обязательных аллофона: переднерядный i, который встречается в словах мягкого ряда, и заднерядный ɮ⁷⁷, который встречается в словах твердого ряда. Гласный i легко поддается изменениям, уподобляясь гласному последующего или предыдущего слога, и теряет свое прежнее качество: спмя miqan, бур. m'aχaŋ 'мясо'; спмя ad'zirga, бур. azarga 'жеребец, самец'. В первом примере имеет место регрессивная ассимиляция, во втором — прогрессивная.

Иногда ассимилятивные процессы усложняются дополнительным воздействием правил гармонии гласных. В результате звуковой облик слова изменяется довольно значительно: в слове d'zirum 'правило, обычай' гласный i под ассимилятивным воздействием u переходит в u, и слово принимает форму d'zurum, а по закону сингармонизма, если в предшествующем слоге имеется краткий u, то в последующем из кратких гласных должен употребляться только a. Этим объясняется образование словоформы d'zuram в совр. монг. и бур. žuram; в спмя n'udarga 'кулак' > nudurga > бур. n'udarga, а в словах мягкого ряда в аналогичных случаях i переходит в ü, а ü — в ɛ: спмя n'idün 'глаза' > nüdün, бур.

n'üdeŋ, спмя n'idüxü 'толочь' > совр. монг. nüdeχ и бур. n'üdeχe, спмя n'isügün > совр. монг. nütseŋ, бур. n'üse-geŋ 'голый' и т.п.

В зависимости от качества ассимилирующего гласного гласный i может перейти в любой краткий и долгий монофонг: спмя nigal-duxu ~ nagalduxu 'прилипаться' > бур. n'a:ldaχa; n'igu 'луг' > бур. nuga; спмя niguxu 'скрывать' > бур. n'u:χa; спмя nigül 'грех' > бур. nügei; спмя ilegü 'излишек' > бур. üü:; спмя nilbusun 'слеза' > бур. nol'bohoŋ; спмя it'sixü ~ it'se-xü 'стесняться' > бур. ešeχe; спмя it'sigen ~ it'segen 'берлога или гнездо для зимней спячки зверей' > бур. eše:ŋ; спмя inijedün 'смех' > бур. eŋ'e:deŋ; спмя kituga 'нож' > бур. (хор.) χutaga ~ бур. (эх.-бул.) χot'igo.

Это явление характерно не только для бурятского языка, оно распространяется почти на все монгольские языки и диалекты и получило название "перелом гласного i". Приводя большой список слов из халхаского наречия, в которых "перелома" гласных не наблюдается вовсе или же формы с "переломом" чередуются в речи с формами без "переломов", Б.Я. Владимирцов считал, что «отсутствие "перелома" в некоторых случаях может быть объяснено ясно ощущаемой этимологической связью с близкими словами, имеющими $i < \bar{i}$ в первом слоге; халх. ilūr, напр., этимологически связано с халх. глаголом ill < ili 'гладить'; в других случаях без "перелома" оказываются слова, часто употребляемые в обиходе повседневной речи, как, напр., бiрү 'двухгодовалый теленок', бiлү 'брусок', бiлцүха 'пташка'; или, наоборот, слова, употребляемые редко, связанные с определенными обрядами или действиями, напр., мiлaxа 'поздравлять или праздновать по случаю чего-либо', бiсалдраха 'созерцать'. Заимствованные иноязычные по своему происхождению слова тоже имеют больше случаев к сохранению первоначального i в первом слоге: нiрwа, шiтар. В последнем случае i могло сохраниться и благодаря влиянию начального ш, что можно наблюдать и в других словах с начальными аффрикатами или ш»⁷⁸.

В бурятском языке исключения из "переломов" встречаются реже, чем в современном монгольском. Причем между диалектами имеются расхождения в этом отношении, некоторые из них связаны с палатализацией инициальных согласных, когда последующие за ними гласные артикулируются с обязательной начальной экскурсией, т.е. i-образным приступом. Например, если в хоринском диалекте предпочтение отдается форме n'igta 'частый, плотный', n'ižaganaxa 'трещать', m'ini: 'мой (местн.)' и т.д., то в эх.-бул. чаще употребляются формы n'agta, n'ažaganaxa, m'eŋ'i: и т.д. Приведенные выше формы слов в том же хоринском диалекте могут иметь другие гласные, кроме i. В бурятских диалектах имеется немало слов с i, где i не подвергается процессу "перелома": n'idχe 'бровь', n'i:deχe 'лететь', n'i:χe 'сморгаться' и т.п.

Однако независимо от того, произошел или не произошел перелом гласного i после начальных согласных, последние, как правило,

подвергаются процессу палатализации. Это в основном касается согласных первой и второй артикуляции.

В этом отношении бурятский язык существенно отличается от других монгольских языков, в частности от современного монгольского языка. Приведенные Б.Я. Владимирцовым причины, обуславливающие отсутствие "переломов" в халхаском наречии, несостоятельны по отношению к бурятскому языку. Почти во всех приведенных выше случаях бурятский язык показывает полную ассимиляцию i: совр. монг. b'iru: - бур. buru: 'двухгодовалый теленок', совр. монг. b'ilü: - бур. бүл'ү: 'брусок', совр. монг. il'ü:r-бур. эл'ү:r 'утюг', совр. монг. šitar - бур. šatar 'шахматы', совр. монг. d'žirgal ~ d'žargal - бур. žargal 'счастье'. В бурятском языке почти полностью палатализуется переднеязычный п перед і, соответственно последний подвергается "перелому", если последующий согласный не является заднеязычно-увулярным г. Если же за і следует г, то ассимилируется, а инициальный п не палатализуется: письм.-монг. nigēn > бур. negeŋ 'один', письм.-монг. nigursun > бур. nugarhaŋ 'спинной мозг', письм.-монг. nigu > бур. nuga 'луг', письм.-монг. nigül > бур. нүгэл 'грех', письм.-монг. nigedхü > бур. negedexе 'соединять'. Если после начального п стоит долготный комплекс igu > i'u > u:, iga > i'a > a:, иге > i'ε>ε:, то п палатализуется: письм.-монг. nigur > бур. n'u:r 'лицо', письм.-монг. niguxu > бур. n'u:xa 'скрывать, таить, прятать', письм.-монг. nigalduхu ~ nagalduхu > бур. n'a:lɔxa 'приклеиваться'. Это, вероятно, объясняется тем, что в сочетании с согласными третьей артикуляции употреблялись более открытые и отодвинутые назад аллофоны фонемы і. Независимо от сингармоничного ряда слов они не играли в языке палатализирующей роли. Что же касается і в составе долготных комплексов, то надо полагать, что процесс палатализации в бурятском языке произошел после исчезновения интервокального -г-, когда соответственно отсутствовал сдерживающий фактор в процессе палатализации. Во всяком случае, в протобурятском языке, надо полагать, q и ɔ в интервокальном положении уже не существовали. Как пишет Г.Д. Санжеев, монгольские языки "в пору сложения первой монгольской письменности уже утратили или начали утрачивать свои интервокальные согласные"⁷⁹. Характерно следующее: если последующий за і согласный третьей артикуляции в бурятском языке переходит в щелевой х, то начальный согласный палатализуется: письм.-монг. miqan > бур. m'aхаŋ 'мясо', письм.-монг. nigugu > бур. n'uxаха 'мать'.

Если в бурятском языке (скорее, протобурятском) перелом гласного і в составе звукового комплекса iga (~ igu) произошел после выпадения из этого сочетания интервокального -г-, то в языке или диалекте, предшествовавшем современному монгольскому (прахалхаском), гласный і подвергся перелому до стяжения i + g + Г, потому что в сочетании с заднеязычно-увулярной фонемой г гласный і, как правило, сохраняется и проявляется в отодвинутых назад и

более открытых (по терминологии предшествующих монголистов, "задних") аллофонах, и при переломе i предшествующий согласный звук не подвергается палатализации: nu:r 'лицо', nu:χ 'скрывать, таить, прятать', na:ldaχ 'приклеиться'. В словах типа miqan > совр. монг. маχ 'мясо', niqiqu ~ niqiqu > совр. монг. ну-хаχ 'мять, тереть', надо полагать, что в прахалхаском перелом i тоже произошел значительно раньше, чем в бурятском, во всяком случае до процесса спирализации смычного q. Шелевые согласные третьей артикуляции на качество гласного i существенно не влияют. С этим, вероятно, связано то, что в бурятском языке перед сочетанием -ix- при переломе i предшествующие согласные обязательно палатализируются: m'ахаη, n'ихаха и т.д. В этом отношении современный калмыцкий язык совпадает с современным монгольским: махън 'мясо', нухъхъ 'мять', ну:r 'лицо', нуц:ъ 'скрывать', на:ldъхъ 'приклеиться'.

Как указывалось выше, старописьменный комплекс -εji, так же как и аналогичные сочетания -aji, -oji, в бурятском языке переходят в долгие гласные. Если -aji > æ:, -oji > œ:, то -εji > > i:; сочетания -uji и -üji дают дифтонги -ui и -üi⁸⁰.

Сочетание -εji переходит в долгий гласный i: не только в бурятском, но и в других монгольских языках. Однако в одном из бурятских говоров - хамниганском, особенно в речи хамниган сел Алтан и Кыра, по данным Д.Г. Дамдинова, "сохраняется" полный комплекс Г + j + i: tejimu вм. общебур. t'i:mε 'такой', tsejidεm вм. общебур. si:dεm 'забеленная вода'⁸¹. Аналогичная картина наблюдается и по другим сочетаниям: bajina вм. bæ:na 'стоит', kχojino вм. χœ:no 'позади', ojimusu вм. œ:mohonj 'чулок' и т.д. Это один из редких реликтовых случаев, когда сочетание Г + j + i сохранилось в современном говоре в первоначальном звучании.

Если первослоговое сочетание -εji почти во всех бурятских диалектах переходит в долгий i:, то в говоре цонголов и сартулов, сравнительно поздних выходцев из Монголии, переходит также в долгий, но отодвинутого назад ряда ɿ:, как и в современном монгольском языке. Это существенным образом отражается на афлаутных согласных: перед первым i согласные палатализируются, а перед ɿ они произносятся твердо, без дополнительной палатализации.

Что касается ауслаутных дифтонгов старописьменного языка -ei, ui и üi, то в современных бурятских диалектах они заменяются разными гласными. Например, ei в хоринском диалекте переходит чаще в долгий ɿ:, а в эх.-бул. - в долгий ɛ:: спмя d'žögei 'пчела', хор. zügtɿ:, эх.-бул. züge:; спмя ölügei 'колыбель', хор. ülgɿ:, эх.-бул. ölgɛ:. Но такая неоднородная реализация старописьменного ei в бурятских диалектах не является универсальной, например спмя delekei 'мир, вселенная' во всех бурятских диалектах, в том числе и в хоринском, произносится dɛlχɛ:, спмя erbegekei 'бабочка', все бурятские диалекты - εrbe:χɛ: и т.д. В современном монгольском языке во всех приведенных выше

случаях наблюдается переход спмя e_i в долгий τ :, а в калмыцком, где сильно развита редукация конечных гласных, этот согласный иногда вообще не произносится или сильно редуцируется: зөг 'пчела' (КРС, 253), өлгэ 'колыбель' (КРС, 414), делкэ 'мир, вселенная' (КРС, 197), эрвэкэ 'бабочка' (КРС, 701).

Дифтонги ui и $üj$ в хоринском говоре также перешли в долгий τ :, а в эхирит-булагатских сохранились: спмя $qarguj$, хор. $\chi argt$:, эх.-бул. $\chi arguj$ 'дорога'; спмя $kedüj$, хор. $\chi ed\tau$:, эх.-бул. $xüdüj$ 'сколько'; спмя $tödüj$, хор. $t ed\tau$:, эх.-бул. $tüdüj$ 'столько'. Процесс монофтонгизации в данном случае коснулся только хоринского говора бурятского языка.

При описании гласных \underline{ae} и \underline{oe} указывалось, что в эхиритских говорах (баргузинском, байкало-кударинском, ольхонском, качугском и собственно эхиритском, в основном севернее границы Ользон - Гаханы) гласные \underline{a} и \underline{o} в твердорядных словах переходят в \underline{ae} и \underline{oe} , если в последующем слогое прежде употреблялся гласный \underline{i} : лит. бур. $bar'i$ 'держать', эх. $bæra$, лит. бур. $nar'iŋ$ 'тонкий', эх. $næraŋ$, лит. бур. $mor'iŋ$ 'лошадь', эх. $mœroŋ$, лит. бур. $hor'iŋ$ 'двадцать', эх. $χœroŋ$ и т.д.

Аналогичный процесс обнаружен Г.Д. Санжеевым в дархатском говоре⁸², но это фонетическое явление особенно последовательно проявляется в калмыцком языке, где подобной ассимиляции кроме \underline{a} и \underline{o} подвергается еще гласный твердого ряда \underline{u} , который переходит в мягкорядный $\underline{ü}$. Например, спмя $qubi$ 'часть, доля, удел', бур. $xub'i \sim xub'a$, калм. $xüβε$; спмя $qurim$ 'свадьба, свадебный пир', бур. $xur'im$, калм. $xürgem$ и т.д. Приведенные выше примеры на $\underline{a} > \underline{ae}$ и $\underline{o} > \underline{oe}$ в современном калмыцком языке звучат следующим образом: $bærx$ (бөрх) 'держать', $næren$ (нэри) 'тонкий', $mœren$ (мөрн) 'лошадь', $χœren$ (хөри) 'двадцать'. Как видно из примеров, в калмыцком языке этот фонетический процесс существенно отразился на системе сингармонических рядов - слова, являвшиеся ранее твердорядными, стали мягкорядными. В.И. Рассадин объясняет это явление как внутренний процесс "опереднения гласных" под влиянием гласного \underline{i} ⁸³. Спорадические случаи так называемого опереднения твердорядных гласных обнаруживаются и в других монгольских языках и диалектах; в частности, Б.Х. Тодаева пишет о появлении этих звуков в некоторых диалектах языков Внутренней Монголии, а А.Д. Руднев находит \underline{ae} даже в хоринском диалекте бурятского языка. Однако приведенные выше переходы гласных как регулярный процесс наблюдаются в современном калмыцком языке, в эхиритских говорах бурятского языка, а также в дархатском говоре современного монгольского языка.

Переход заднерядных гласных в переднерядные⁸⁴ вследствие влияния гласного \underline{i} происходит в общем при одинаковых условиях и не во всех монгольских языках. Фонетический процесс опереднения заднерядных гласных под влиянием \underline{i} в указанных выше языках и диалектах является скорее следствием, а причину, которая дала тол-

чок этому фонетическому процессу, надо искать в истории этих языков и диалектов. В.И. Рассадин утверждает, что это явление "разви-лось в ойратском языке и в тех диалектах и других монгольских языках, которые были связаны с ойратскими диалектами"⁸⁵. Что же касается эхиритских говоров бурятского языка, где развитие явление $a > \text{æ}$, $o > \text{œ}$ под влиянием \underline{i} , то Ц.Б. Цыдендамбаев тоже связывает его с ойратскими влиянием на эхиритский говор, обосновывая это историческими и этническими данными. Например, он пишет, что "из числа более двух десятков этнических групп, в той или иной мере обнаруживаемых у бурят и западных монголов, прежде всего у калмыков, носители более десяти этнонимов обитают на территории расселения западных по происхождению бурят: в Предбайкалье по левобережью Ангары живут среди аларских хонгодоров и булагатов харануты, шарануты, зомоты, икинаты, быкоты и другие; в северо-восточном Добайкалье по верхней Лене и ее притокам, а также по северному и южному побережьям Байкала проживают среди эхиритов и булагатов чоноевцы, харануты, абгануты (абганаты), цегенуты, хайталы, торгуты и другие"⁸⁶.

Если языковые взаимодействия и контакты рассматривать несколько шире и глубже по времени, то оказывается, что указанные монгольские языки и диалекты имели наиболее тесные контакты с тюркскими языками. Относительно калмыцкого языка Д.А. Павлов пишет, что "к периоду возникновения Джунгарского государства в языке ойратов произошли изменения фонетического и морфологического порядка. Ойратский язык пополнился значительным количеством заимствований из... тюркских и других языков"⁸⁷. Что касается эхиритского диалекта, то можно допустить в нем даже наличие некоторых элементов тюркского языкового субстрата. Как известно, до прихода монголоязычных племен на занимаемую ныне бурятами территорию там обитали тюркские племена. С приходом первых основная масса тюрков ушла на север и на запад, но какая-то часть могла остаться в хорошо обжитых местах. И не случайно в преданиях и легендах эхиритских бурят говорится, что нынешние буряты Курумчинской долины (в Баяндаевском районе Иркутской области), а именно жители таких больших сел, как Хиней, Ныгда и др., являются по своему происхождению кыргызами. Можно предположить, что в данном случае имеются в виду остатки некоторых тюркских (курыканских и кыргызских) племен, которые позднее ассимилировались с монголоязычными племенами.

Переход $a > \text{æ}$, $o > \text{œ}$, $u > \text{ü}$ отражается на смежных согласных звуках и на качестве самого гласного \underline{i} . Имеет место неразрывное взаимодействие фонетических процессов, где переход \underline{a} в $\underline{\text{æ}}$, \underline{o} в $\underline{\text{œ}}$, определяясь влиянием гласного \underline{i} , в свою очередь оказывает обратное воздействие на этот же гласный \underline{i} . При переходе \underline{a} в $\underline{\text{æ}}$, \underline{o} в $\underline{\text{œ}}$ предшествующий согласный смягчается, но не чередуется с соответствующим мягким, а последующий за гласным мягкий согласный заменяется твердым, потому что следующий за ним гласный

i, подвергаясь "перелому", переходит в редуцированный а (λ) или о ($\dot{\lambda}$). Слово со значением 'тонкий' из формы $naŋ'iŋ$ становится $n'aeraŋ$, слово со значением 'лошадь' из формы $mor'iŋ$ переходит в $m'aeroŋ$.

В указанных выше бурятских говорах согласные смягчаются перед долгими \underline{ae} : и \underline{oe} : даже в таких словах, где вообще отсутствует гласный i. Например, лит. бур. $b\ddot{a}e:na$ 'стоит', эх. $b'a\ddot{e}na$; лит. бур. $t\ddot{oe}:rxo$ 'кружить', эх. $t'a\ddot{e}rxo$.

Как известно, в истории монгольских языков гласный i сыграл существенную роль в образовании аффрикат. Исторические $*\underline{t}$ и $*\underline{d}$ развились в аффрицированные звуки $\underline{t's}$ и $\underline{d'z}$ во всех позициях перед гласным i, сохранившись в прежнем качестве перед другими гласными.

По вопросам образования аффрикат в монгольских языках и их дальнейшей эволюции вплоть до полной деаффрикатизации и различных модификаций гласного i в связи с развитием аффрикат в алтаистике, в частности в монголоведении, имеется большая литература. Исследованию этого вопроса посвящены труды Г.И. Рамштедта, Б.Я. Владимирцова, Л. Лигети, Н.Н. Поппе, Г.Д. Санжеева и др. Г.Д. Санжеев высказал особое мнение по вопросу образования монгольских аффрикат в связи с фонетическими изменениями, связанными с появлением так называемых свистящих аффрикат \underline{ts} и \underline{dz} и их последующим развитием в спиранты \underline{s} и \underline{z} .

Если традиционная монголистика считала, что звуки $\underline{t's}$ и $\underline{d'z}$ развивались соответственно от смычных согласных $*\underline{t}$ и $*\underline{d}$ ⁸⁸, а функционирующие в современных монгольских языках звуки $\underline{t's}$, \underline{ts} , \underline{s} и $\underline{d'z}$, \underline{dz} , \underline{z} развились соответственно от $\underline{t's}$ и $\underline{d'z}$, то Г.Д. Санжеев уточняет эту трактовку, рассматривая автономно развитие аффрикат в так называемых шипящих и свистящих в монгольских диалектах. В шипящих диалектах (языках), куда относятся монгольский, дагурский, чахарский, ордосский и другие языки, аффрикаты $\underline{t's}$ и $\underline{d'z}$ эволюционировали следующим образом: из $t + i$ и $\underline{t's}$ + любой гласный, кроме i , - аффриката $\underline{t's}$, а из $d + i$ и $\underline{d'z}$ + любой гласный, кроме i , - аффриката $\underline{d'z}$, т.е. две разные фонемы слились в одну: $t (+i)$ и $\underline{t's}$ (+Г) в $\underline{t's}$, а $d (+i)$ и $\underline{d'z}$ (+Г) в $\underline{d'z}$.

В свистящих же диалектах (языках), куда относятся современный монгольский (халхаский), калмыцкий и бурятский языки, аффриката $\underline{t's}$ и спирант \underline{s} (в бурятском) развились из $t + i$, а аффриката \underline{ts} и спирант \underline{s} (в бурятском) - из $\underline{t's}$ + любой гласный, кроме i . Соответственно: $\underline{d'z}$ и \underline{z} (бур.) < $d + i$, а \underline{dz} и \underline{z} (калм., бур.) < $\underline{d'z}$ + гласный, кроме i .

Если по трактовке традиционной монголистики в истоке развития монгольских аффрикат стояли $t + i$ и $d + i$, то у Санжеева к периоду первого перелома i (VII - X вв.), т.е. к более или менее обозримому историческому прошлому, наряду с $t + i$, $d + i$ уже имелись аффрикаты $\underline{t's}$ и $\underline{d'z}$, находившиеся перед любым гласным, кроме i . Из $t + i$ и $d + i$ развились $\underline{t's}$ и $\underline{d'z}$, а из $\underline{t's}$ + Г и

$d'z + \Gamma - ts$ и dz , которые к периоду третьего перелома i , по данным Г.Д. Санжеева, дали в бурятских диалектах $s < ts$, $z < dz$. Спирантизация dz коснулась и калмыцкого языка.

Спирантизация в бурятском языке имеет свою локальную специфику. Это единственный из монгольских языков прошлого и настоящего, в составе консонантизма которого нет аффрикат. Однако диалект, который положил начало образованию бурятского языка, имел к тому времени все четыре основные аффрикаты: $t's$, ts , $d'z$, dz .

Переходы $t's$ и $d'z$ в ts и dz связаны с переходами $t + i$ и $d + i$ в $t'i$ и $d'i$. Передвижение этих звуков связано с изменением гласного i . Более открытый и отодвинутый назад аллофон \underline{t} (по традиционной монголоведческой транскрипции \bar{i}) дал сдвиг в сторону закрытого и переднерядного i , т.е. $t\bar{t}$ (ti) перешло в $t'i$, а $d\bar{t}$ - в $d'i$. Как показывают современные монгольские языки (халхаский, калмыцкий, бурятский), палатализованные t' и d' перед гласными, кроме i , произносятся с основной среднеязычной артикуляцией, как \underline{h} и \underline{h} . Надо полагать, что при "переломе" гласного i переднеязычные t' и d' стали среднеязычными согласными \underline{h} ($< t'$) и \underline{h} ($< d'$). По своим артикуляционным и акустическим свойствам эти звуки очень близки к истинным аффрикатам $t's$ ($\underline{h}s$) и $d'z$ ($\underline{h}z$). Поскольку при переходе $t\bar{t}$ в ti и $d\bar{t}$ в di в данном монгольском языке или диалекте дописьменного периода уже существовали звуки $t's$ и $d'z$, то закономерно, что вновь образовавшиеся или появившиеся звуки стали произноситься по существующей в данном языке артикуляционной привычке как $t's$ и $d'z$, т.е. разные в прошлом звуки t' и $t's$, d' и $d'z$ совпали, на месте бывших четырех звуков образовались две аффрикаты. В так называемых шипящих диалектах эволюция аффрикат приостановилась на этом этапе.

В ряде монгольских языков, скорее, диалектов, от которых развились современные халхаский, калмыцкий и бурятский (по терминологии Г.Д. Санжеева, свистящие) языки, в связи с процессом $t' > t's$ и $d' > d'z$ образовалось функциональное наложение фонемы, что могло привести, в свою очередь, к омонимическому столкновению многих функционирующих в языке слов. Первоначально t' противопоставлялся $t's$ и $d - d'z$ как разные фонемы (ср. совр. чадах 'мочь, уметь' и цадах 'насыщаться', жараад 'по шестьдесят' и зараад 'использовав для услуг' и т.п.). Когда произошел переход t' в $t's$, d' в $d'z$, последовал процесс $t's > ts$, $d'z > dz$, т.е. существовавшие уже в языке аффрикаты $t's + \Gamma$ и $d'z + \Gamma$ (кроме i) потеряли признаки палатализации и стали произноситься как ts и dz . Произошли ли фонетические явления $tt > t'i > t's \rightarrow t's > ts$ и $dt > d'i > d'z \rightarrow d'z > dz$ одновременно или одно за другим, в данном случае не имеет принципиального значения. Скорее всего здесь имел место неодновременный процесс. Существенно другое - насколько последовательно происходили эти изменения в указанных языках. Факты показывают, что здесь существует масса исключений, которые, как правильно указывает Г.Д. Санжеев, связаны с неравномерностью изменения гласного i . Поэтому явления "пе-

релома гласного i в монгольских языках очень трудно, практически невозможно, ограничить строгими хронологическими рамками (I, II, III переломы). Как показывает Л. Лигети, в одном и том же киданьском языке (по китайским источникам) слово шава (письм.-монг. сибагун) 'орел' свидетельствует о наличии перелома, а другое слово — шибаг (письм.-монг. сибар) 'полынь' — показывает, наоборот, отсутствие перелома l. Он считает это "диалектными расхождениями". Здесь же Л. Лигети приводит весьма показательный случай из языка народа ажа (близкого к киданьскому), зафиксированный в китайском источнике 813—814 гг. Это слово гучин 'тридцать', которое отражено в этом источнике в форме хо-чжень, что свидетельствует о том, что уже в IX в. существовал такой монгольский язык (или диалект), в котором фонетический процесс t'i > tʃ уже совершился⁸⁹. Если верить источнику, то в данном примере нужно констатировать переход i в ɛ — образный звук, хотя многие языки сохраняют сочетание tʃ + i в слове гучин до сих пор.

Перелом гласного i и связанные с ним процессы аффрикации и деаффрикации в монгольских языках имеют в какой-то мере спорадический характер. Как указывалось выше, переходы tʃ в tɕ, ɟʃ в ɟɕ имеют место только в так называемых свистящих языках, куда относятся современный монгольский, калмыцкий и бурятский языки. В других монгольских языках, по терминологии Г.Д. Санжеева — шипящих, такого перехода не было.

Если большинством монголоведов образование и изменение аффрикат рассматривалось на уровне внутренних закономерностей развития монгольских языков, связанных с палатализирующим влиянием гласного i и с различными периодами так называемого перелома этого гласного, то В.И. Рассадин связывает образование аффрикат tɕ и ɟɕ в "свистящих" языках с влиянием тунгусо-маньчжурских языков. Он пишет, «что у тех протохалха, протоойратов, протобурят, которые испытывали какое-то время влияние тунгусо-маньчжурских племен, из ти и ди развились аффрикаты типа тунгусо-маньчжурских т'и и д'и. Затем под действием так называемого "перелома" гласного и (i) после аффрикат появились широкие гласные, перед которыми стали произноситься аллофоны, близкие к ц и ɟɕ, типа тунгусо-маньчжурских. У других монгольских племен, не испытавших влияния тунгусо-маньчжурских языков, продолжал везде сохраняться шипящий характер аффрикат. После выхода из-под влияния тунгусо-маньчжурских языков у указанных выше монгольских языков утратилась эта своеобразная "тунгусо-маньчжурская" артикуляция аффрикат и произошла фонологизация аллофонов. Свистящие ц и ɟɕ могли развиваться только из очень палатализованных с переднеязычной дорсальной артикуляцией т' и д'. Таким образом, аллофон перед широкими гласными дал ц и ɟɕ, а перед и (i) перешел в среднеязычную аффрикату, давшую впоследствии при переломе и (i) уже шипящие звуки»⁹⁰. В.И. Рассадин высказал, таким образом, очень интересную и привлекательную на первый взгляд гипотезу.

тезу. Но в ней он расходится с традиционной монголистикой по двум главным положениям. Во-первых с фонетической точки зрения он связывает появление аффрикат ts и dz непосредственно с сочетанием t + i и d + i, тогда как все предшествующие исследователи возводили образование этих аффрикат к сочетаниям звуков t̃ + ɣ, кроме i, и d'z̃ + ɣ, кроме i⁹¹. Во-вторых, с исторической точки зрения в этот ранний период указанные монгольские языки испытывали влияние не столько маньчжуро-тунгусское, сколько тюркское. Монголо-тунгусо-маньчжурские контакты относятся к более позднему периоду и касаются не всех "свистящих" монгольских языков или диалектов. Если уже связывать образование фонем ts и dz в монгольских языках с внешними факторами, с историей контактирования с другими языками, то в хронологическом и территориальном отношении надо говорить скорее о тюркском влиянии, нежели о тунгусо-маньчжурском. Между прочим, в этой же работе В.И. Рассадин пишет, что "аффрикаты ч и дж имеются во многих тюркских языках, в ряде которых, особенно в сибирских, они носят явно выраженный среднеязычный характер, как, например, в алтайском, якутском, тофаларском"⁹². Аффрикаты ts и dz появились как раз в тех монгольских языках, которые испытали в какой-то мере влияние тюркских языков. Это касается в первую очередь так называемых протоалхаских и протоиратских диалектов. Поэтому вполне можно допустить в этом отношении и тюркское языковое влияние. Для этого не обязательно, чтобы имели место большие лексические и другие заимствования, даже не обязательно, чтобы вновь появившийся звук присутствовал в языке, оказавшем влияние. Например, в связи с появлением в качестве тунгусского субстрата спиранта h в бурятском языке и переходом s в h аффриката ts перешла в s. Это послужило первопричиной фонетического процесса деаффрикатизации в бурятских диалектах, который происходил в сравнительно позднее время. Лингвистические материалы, имеющиеся в путевых записях сибирского путешествия Г.-Ф. Миллера, относящиеся к 30-м гг. XVIII в., с большой наглядностью фиксируют этот живой процесс спирантизации в бурятском языке. В этих записях "фиксируются аффрикаты: t̃š - t̃šikin (t̃schikin) 'уха', dz - dzɛd (dzɛt) 'медь', d'z̃ - d'z̃ɛrgon (d̃schergon) 'шесть', t̃š - bi't̃šæ - kon (b'it̃schiakon) 'маленький' и т.д. В этот период в бурятских диалектах фарингальный h полностью вытеснил щелевой s: œ: muhun (ömuhun) 'чулки', gotuhun (gotuhun) 'обувь' в тех же записях. Из этих же записей Г.-Ф. Миллера видим, что аффриката ts к тому времени произносилась как щелевой s, например basagan 'девочка'. Это и понятно, вслед за s > h утратили затвор сильные глухие аффрикаты ts и t̃š, затем по аналогии с ними утратили первые смычные элементы d'z̃ и dz̃"⁹³.

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И ЯВЛЕНИЯ

В предыдущих главах была показана эволюция отдельных фонологических единиц, прослеживалось, каким образом из общемонгольской системы фонем в результате ареальной дифференциации и воздействия внутривидовых и экстралингвистических факторов образовалась система фонем одного из самостоятельных монгольских языков — бурятского. В настоящей главе дается анализ общих фонетических процессов и явлений в области консонантизма и вокализма, которые наиболее существенным образом отразились на становлении состава и системы фонем современного бурятского языка.

К этим универсальным законам фонетического изменения бурятского языка относятся процессы спонтизации, палатализации, лабиализации, ассимиляции и диссимиляции и т.д. В определении системы фонем бурятского языка существенную роль играют явление сингармонизма, особенности сочетаемости согласных, закономерности слогаделения и др.

Многие из фонетических явлений характерны для всех групп монгольских языков. Однако каждое из них в каждом конкретном языке имеет свою специфику. Например, гласные ae и oe (звуки сравнительно позднего происхождения), которые встречаются в современном калмыцком языке и в бурятских диалектах, по-разному отразились в звуковых системах этих языков. В калмыцком языке они перешли в другой сингармоничный ряд, стали мягкорядными под влиянием исторического i, что повлекло за собой трансформацию всей звуковой структуры словоформ. В бурятских же диалектах звуки ae и oe остались в группе твердорядных гласных и никак не повлияли на общую закономерность гармонии гласных.

Фонетические процессы спонтизации и палатализации оказали преобразующее влияние на систему фонем и фонетическую структуру бурятского языка. Если в его исходных диалектах преобладали смычные согласные, то в современных бурятских диалектах преобладают спонты, что отразилось на перестройке всей системы согласных фонем. В результате процесса палатализации образовались новые бинарные корреляции твердых и мягких согласных, и в связи с этим возникли новые фонологические отношения в языке, которые по-разному проявляются на разных этапах его развития.

Многие фонетические особенности являются результатом действия языковых контактов, в частности действия языкового субстрата. В звуковом строе бурятского языка обнаруживаются явные следы активного взаимодействия бурятского (точнее, одного из диалектов монгольского языка) с тунгусским (эвенкийским) и, частично, тюркскими языками.

Материалы предыдущих глав достаточно убедительно показывают, что основа фонетического строя бурятского языка сформировалась в результате внутренних закономерностей его развития, что

и характеризует бурятский язык как один из монгольских языков. Однако в бурятском языке имеется значительное количество фонетических явлений, которые трудно или невозможно объяснить на материалах только монгольских языков и их диалектов. Некоторые из них находят аналогии в фонетике других алтайских языков и в конечном счете достаточно хорошо увязываются между собой.

СИНГАРМОНИЗМ

Сингармонизм – это фонетическое явление, характерное для многих агглютинативных языков. Суть его заключается в том, что гласные непервых слогов словоформы уподобляются гласному первого слога в определенной закономерности, а в процессе агглютинации гласные аффиксов уподобляются гласным корня слова. Например, аффикс дательного-местного падежа в современном бурятском языке в зависимости от качества гласных корневых морфем может иметь четыре разных формы: $-da$, $-do$, $-de$, $-d\ddot{o}$.

В общей лингвистике сущность сингармонизма и его значение оценивались по-разному. Наибольшее распространение получила точка зрения И.А. Бодуэна де Куртенэ, который определяет сингармонизм как зависимость качества гласных подчиненных слогов от качества гласных господствующего слога, или уподобление гласных подчиненных слогов гласным господствующего слога. Он писал: "Гармония (созвучие) гласных основывается на противоположности, с одной стороны, темных и ясных гласных, с другой же стороны, на противоположности гласных широких и узких"¹. Это свое определение Бодуэн де Куртенэ расшифровывает следующим образом: "Если в слоге господствующем есть гласный темный, то... гласные слогов подчиненных должны быть темными; гласный ясный в слоге господствующем является виновником ясности гласных в слогах подчиненных. Узкий гласный господствующего слога суживает гласные слогов подчиненных; от широты же гласного в слоге господствующем зависит тоже широта гласных в подчиненных слогах"². И.А. Бодуэн де Куртенэ здесь же указывает, что подобное построение "звукового механизма" чуждо всем индоевропейским языкам, но зато оно составляет "главную фонетическую особенность" финских и тюркских языков. Гармония гласных в этих языках служит, по его словам, "цементом", соединяющим или связывающим слоги в слова, а в индоевропейских языках эту роль выполняет прежде всего ударение.

"Цементирующая" роль ударения в индоевропейских языках, по Бодуэну, заключается в следующем: в ариоевропейских словах, как правило, усиливается или выделяется один слог со свойственным ему ударением, все же остальные слоги "лишены той силы, что слог с ударением". В этих языках нельзя говорить о цельных словах до тех пор, пока не только отдельные слоги, но и все морфемы слова не соединены в одно целое со свойственным одному из слогов ударением. Точно так же происходит, по его мнению, образование слож-

ных слов: через лишение одного из них свойственного ему ударения и через подчинение его другому слову, содержащему ударный слог.

"Цементирующую" роль сингармонизма в тюркских языках он трактует следующим образом: отдельные слоги, если они не "склеены" законом гармонии, следует считать "самостоятельными словечками". Если же они соединены "цементом" гармонии, то вместе нескольких односложных слов образуется одно многосложное слово. Так же образуются сложные слова, где гласные второго слова подчиняются гласному первого слога предшествующего слова.

Аналогичной точки зрения на вопросы сингармонизма придерживался крупнейший тюрколог В.В. Радлов, который определял сингармонизм как важнейшее средство ограничения и выделения слова, выполняющего те же функции в тюркских языках, что и "резко выделенное ударение в индоевропейских языках"³.

При сопоставлении функций ударения и сингармонизма Бодуэна смущало одно обстоятельство, выразившееся в том, что в так называемых туранских языках господствующим всегда является первый слог, тогда как в индоевропейских языках ударными могут быть не всегда первые слоги. Однако, как показывает Бодуэн де Куртенэ со ссылкой на Радлова, в заимствованных словах в самом тюркском языке первый слог не обязательно является господствующим, гласные неударных слогов подчиняются гласному ударного слога, несмотря на его положение в слове.

В этом заключается своеобразие сингармонизма в языке резьян, который являлся предметом исследования Бодуэна де Куртенэ. Резьянский язык — это единственный славянский язык, может быть единственный во всей индоевропейской семье языков, в котором действует закон гармонии гласных. На основании этой фонетической особенности языка резьян Бодуэн приходит к выводу, что резьяне по своему происхождению являются туранцами, вошедшими в состав славянских племен и усвоившими их язык, сохраняя при этом свои, "чисто туранские", произносительные навыки. Этот свой вывод Бодуэн де Куртенэ подтверждает антропологическими и другими данными.

Что же касается тюркских языков, то в них, как пишет М. Ряснянен, "гармония гласных... основывается на влиянии первого слога на последующие слоги, обусловленном в известной мере первоначальным ударением; соответственно с этим она представляет собой прогрессивную ассимиляцию"⁴. Он рассматривает сингармонизм в тюркских языках как древнейшее явление, относящееся к пратюркскому или даже общеалтайскому периоду⁵. По мнению А.М. Щербака, который отрицает генетическое единство алтайских языков, "палатальная гармония относится к числу праязыковых явлений и возникла задолго до распада тюркской языковой общности"⁶. Развитие сингармонизма (палатального, а не губного) рассматривается Щербаком как переход от внутрислоговой гармонии к межслововой: когда в языке преобладали односложные слова, главную роль в нем играла гармония звуков, выделяя слоги как фонологическую единицу с различительной и разграничительной функциями. При дальнейшем мор-

фонологическом усложнении языка гармония звуков преобразуется в гармонию слогов, где различительная роль гармонии утрачивается, а разграничительная приобретает "основополагающую" значимость. В гармонии слогов, охватывающей, таким образом, все звуки слова, "средоточием гармоничного соответствия становятся гласные..."⁷.

Аналогичной В.В. Радлову точки зрения придерживался Б.Я. Владимирцов, который писал, что "сингармонизм или гармония гласных выражается в том, что все гласные слова по качеству своему определяются ударенным гласным первого слога". По его мнению, ударные гласные распадаются на два ряда: 1) задние, или гуттуральные; 2) передние, или палатальные. Соответственно на эти же два ряда распадаются все ударные гласные. Далее он заключает, что в "одном и том же слове гласные задние, или гуттуральные, не могут находиться с гласными передними, или палатальными". По этому принципу все гласные "халхаского наречия" делятся на задние - а, ā, ä, о, ö, у, ү, ǟ, ȫ, ӯ, передние - е, ē, ê, ô, õ, ý, ŷ, ǟ, ǖ, а "гласные i, ī, ǟ могут встречаться как в словах заднего, так и в словах переднего ряда, являясь по отношению обоих рядов нейтральными"⁸.

Основное теоретическое кредо Владимирцова по этой проблеме заключалось в том, что "сингармонизм характеризует и определяет слова наравне с ударением"⁹.

Если И.А. Бодуэн де Куртене, В.В. Радлов, Б.Я. Владимирцов и другие склонны отнести сингармонизм к сверхсегментным явлениям языка, сравнивая их значение со значением ударения в индоевропейских языках, то более поздние исследователи стали рассматривать вопрос о сингармонизме на фонологическом уровне.

Начало фонологическому направлению положил Н.С. Трубецкой, который, характеризуя явление сингармонизма, писал, что в тюркских, финно-угорских, монгольских и маньчжурских языках противоположения гласных являются "в полной мере фонологически значимыми" только в первых слогах слов. "В прочих слогах эти противоположения не й т р а л и з у ю т с я, причем выбор представителя архифонемы обусловлен внешне"¹⁰.

Таким образом, по теории Трубецкого, закон гармонии гласных непосредственно связывается с положением о непостоянстве границ между фонемами, когда, по его мнению в непервослоговых позициях противоположения гласных нейтрализуются. Как справедливо отмечает Л.Р. Зиндер, здесь "никакой нейтрализации, в смысле неразличения фонем, не возникает: в таких случаях может утрачиваться лишь возможность различия слов и морфем"¹¹. Например, в бурятском языке аффикс орудного падежа в зависимости от гласных основы оформляется четырьмя разными формами: - а:г, - о:г, - ε:г, - ö:г, т.е. в соответствии с сингармоническими рядами слов падежная морфема оформлена разными гласными фонемами. В данном случае, как и вообще при аффиксации в бурятском языке, происходит чередование фонем, обусловленное правилами сингармонизма. Сравните: та: 'отгадай', то: 'число', тε: 'грузи', тö: 'пядь'. Здесь

фонемы находятся в знаменательных словах в первостоговой позиции и несут конститутивную функцию, тогда как в аффиксальной морфеме эти же фонемы участвуют в образовании одной и той же морфемы орудного падежа. "Фонемы не имеют значения, поэтому их различие может обнаруживаться только в неодинаковости звучания... Тожество значения само по себе не говорит о тождестве состава слов", точно так же как "различия значений... недостаточно для того, чтобы заключить о различии фонематического состава слов"¹². Таким образом, оформление одной и той же морфемы разными фонемами в соответствии с сингармонизмом не несет с собой утрату фонемного различия. И не случайно сам Н.С. Трубецкой в главном вопросе своей теории нейтрализации, а именно в выборе представителя архифонемы, становится в какой-то мере на позитивную позицию, утверждая, что "гласные непервых слогов по положению языка всегда относятся к тому классу, что и гласные предшествующего слога"¹³.

А.А. Реформатский, развивая фонологическую теорию Трубецкого, рассматривает этот вопрос в несколько ином аспекте. Он считает, что "сингармонизм... это не просто фонетическое явление... а фундаментальное структурно-типологическое явление, затрагивающее не только все уровни фонетического яруса структуры языка, но и ярус морфологический"¹⁴. Если Трубецкой считал, что гармония гласных в сингармоничных языках относится к явлениям звукового строя языка и соответственно рассматривал ее на фонетико-фонологическом уровне, то Реформатский утверждает, что это явление выходит за рамки фонетического яруса и должно рассматриваться одновременно на фонетическом и морфологическом ярусах. Он предлагает синтетический подход к явлению сингармонизма. Во-первых, сингармонизм истолковывается им как "явление суперсегментное, накладывающееся на слово в целом", аналогично ударению в индоевропейских языках. Во-вторых, поскольку при интерпретации на фонемном уровне "остается неясным, почему в корнях тот же состав фонем при разном действии сингармонизма образует две разные морфемы... а при тех же условиях в аффиксе получают не две разные морфемы, а варианты одной морфемы", то, по мнению Реформатского, разрешение этих противоречий надо искать в типологии языка¹⁵. Такая постановка вопроса вызвана тем, что в корнях из-за различия гласных один состав фонем образует разные морфемы (та: 'отгадай' и тɛ: 'грузи'), а в аффиксах при тех же условиях и при этих же гласных образуются варианты одной морфемы (-а: г и -ɛ:г - аффиксы орудного падежа). Если рассматривать сингармонизм в пределах одного фонологического яруса, то, по Реформатскому, должно соблюдаться обязательное тождество морфем и их фонемного состава, т.е. за тождеством значений морфем (в данном случае не совпадающих по звучанию аффиксов) следует обязательное тождество их фонологической оппозиции, где каждая конкретная фонема определяется наличием привативного противопоставления. Если

звуковые сочетания $-a:r$ и $-ɛ:r$ несут одинаковую смысловую нагрузку в бурятском языке, являясь аффиксами орудного падежа, то гласные, их составляющие, $-a:$ и $-ɛ:$ – не противопоставляются. А.А. Реформатский сравнивает тюркские (киргизские) корневые морфемы кам 'забота', и кем 'недостаток' с аффиксальными морфемами $-\text{мак}$ и $-\text{мек}$, имеющими значение долженствования. При автономном (парциальном) истолковании корней и аффиксов первые два слова состоят из четырех единиц (фонем): гуттурального согласного, губного согласного, гласных a и e , а аффиксы – только из трех единиц (фонем): гуттурального согласного, губного согласного и широкого гласного, поскольку гласные a и e в морфемах $-\text{мак}$ и $-\text{мек}$ иррелевантны. При "тотальном" истолковании все четыре морфемы состоят всего из трех единиц: гуттурального и губного согласных и широкого гласного. В одном случае возникает аллофоническое варьирование увулярного q (в слове кам) и заднеязычного k (в слове кем), в другом – конститутивное варьирование a и e в одинаковых условиях, т.е. под действием того же сингармонизма.

Как пишет А.А. Реформатский, здесь налично явное противоречие. Коль скоро сингармонизм – сверхсегментное явление, накладывающееся на весь состав словоформы, а морфемы кам и кем являются разными словами, в то время как морфемы $-\text{мак}$ и $-\text{мек}$ – одним и тем же аффиксом, т.е. морфемами с одинаковым значением, то для истолкования сингармонизма "следует прибегнуть... к иерархической стратификации и обратиться к типологии"¹⁶.

В данном случае при сингармонизме гласных происходит нейтрализация морфем, связанная с процессом чередования фонем. Как пишет В.Б. Касевич, здесь "перестают различаться морфемы... Что же касается фонем, то различие между ними вообще не может быть утрачено, так как для этого требуется совпадение означающих при возникающей неоднозначности означаемого, но у фонем нет означающего и означаемого"¹⁷, потому что они в отличие от морфем не являются знаковыми единицами. "Фонемы – относительно самостоятельные автономные единицы, качественная характеристика которых не определяется полностью отнесенностью к той или иной морфеме"¹⁸.

Именно в силу относительной автономности звуковой системы языка каждая фонема, в какой бы позиции она ни использовалась и в каких бы комбинаторных условиях ни находилась, остается той же самой фонемой или чередуется с другой фонемой. В бурятском языке в корневых морфемах фонемы $a:$ и $ɛ:$ четко дифференцируются и являются самостоятельными фонемами. И в составе аффиксальных морфем они полностью сохраняют свое фонемное качество и соответственно дифференциальные признаки, поэтому они и интерпретируются на фонологическом уровне как самостоятельные фонемы бурятского языка $a:$ и $ɛ:$, которые по закону сингармонизма в зависимости от первослоговых гласных корней могут оказаться в составе одной и той же аффиксальной морфемы. Иными словами, одна и та же аффик-

сальная морфема может быть оформлена разными и фонемами, так как в языке "фонемы служат не для дифференциации значений, а только для различения слов, поскольку образуют их звуковой облик"¹⁹.

В сингармоничных языках словоформы могут быть или твердо-рядными или мягкорядными, поэтому при их аффиксации один и тот же аффикс может быть выражен разными фонемами. Употребление этих фонем регулируется правилами противопоставления по твердо-рядности и мягкорядности, лабиальности и нелабиальности. Разные гласные фонемы одного и того же ряда не могут находиться в одной морфеме, т.е. чередуются только фонемами разных рядов. Правда, в некоторых языках, в частности в бурятском, имеет место так называемая лабиальная гармония, когда в оформлении одной и той же морфемы могут оказаться твердорядные а (а:) и о (о:) или мягкорядные э (э:) и ө (ө:) в зависимости от первослоговых нелабиализованных и лабиализованных гласных. Основная же закономерность гармонии гласных заключается в том, что в составе одной и той же аффиксальной морфемы могут употребляться только гласные фонемы разных рядов: а - э, а: - э:, о - ө, о: - ө:, и: - ү:. Например, тахада 'подкове' - тхэдэ 'козе', таха:р 'подковой' - тхэ:р 'козой', одондо 'звезде' (диал.), өбөлдө 'зиме', хото:р 'по городу' - үдэрө:р 'днем', хаду:р 'серп' - үлэү:р 'вешалка' и т.п.

Как указывалось выше, сингармонизм является одной из характерных особенностей фонетического строя монгольских, тюркских, тунгусо-маньчжурских, финно-угорских и некоторых других языков. В каждом из этих языков имеются свои специфические особенности сингармонизма. Ниже дается характеристика сингармонизма в бурятском языке, с попыткой выявления тех фонетических "механизмов", которые лежат в основе действия в нем сингармонизма.

Сингармонизм в бурятском языке представляет собой своего рода регулировку в употреблении гласных звуков в словах по двум основным группам, где гласные одной группы не могут употребляться в одном слове с гласными другой группы.

Это своеобразное явление сочетаемости гласных в словоформах бурятского языка относится к древнейшим особенностям монгольских языков. Об этом свидетельствуют особенности графики древнеписьменных памятников и другие источники. В одном из первых монгольских грамматических сочинений, по традиции приписываемых Чойджи-Одзеру (примерно 1307 г.), гласные делятся на мужские (эрэ), женские (эмэ) и нейтральные (эрсэ) именно по отношению к сочетаемости звуков в слове.

Деление гласных на три сингармоничных ряда имеет место и в современных монгольских языках. Однако выделение третьего, так называемого нейтрального, ряда связано с чисто фонологической интерпретацией дистрибуции гласных фонем і и і: по рядам. В фонетическом же отношении в словах твердого ряда встречаются, как правило, несколько открытые, отодвинутые назад аллофоны

фонем i и i:, а в словах мягкого ряда – наоборот. Правда, такое распределение аллофонов нейтральных гласных не является абсолютным. Например, долгий гласный i: в составе аффикса винительного падежа в предельно закрытом переднерядном варианте употребляется в любом сингармоничном ряду. С учетом всех этих особенностей исследователи монгольских языков, а также тунгусо-маньчжурове-

ды²⁰ выделяют в системе гласных фонем третий нейтральный ряд. Если допустить, что в прамонгольском языке в качестве самостоятельных фонем функционировали закрытые i, i: и открытые ɪ, ɪ:, то тогда относительно сингармонизма не было никакого нейтрального ряда.

Историческая преемственность сингармонизма и его устойчивость в монгольских языках свидетельствуют о поддержке сингармонизма качеством самих гласных, их артикуляционно-акустическими свойствами. Проявление сингармонизма в бурятском языке показывает, что он действительно целиком базируется на качестве гласных, которые делятся на две основные, взаимно исключаящие друг друга в одном слове группы, при наличии количественно небольшой третьей нейтральной группы.

Первая группа охватывает гласные с более низкими характерными тонами, куда относятся все гласные задней артикуляции и все гласные нижних подъемов (открытые). Эта группа гласных называется гласными твердого ряда. Сюда относятся следующие гласные фонемы: а, а:, æ:, о, о:, œ:, у, у:, ɯ.²¹

Вторая группа гласных – гласные мягкого ряда – охватывает гласные звуки с более высокими характерными тонами: исключаются все гласные заднего образования и все гласные нижних подъемов (открытые), для которых характерны более объемистые резонаторы в полости рта и соответственно более низкий тембр; в этом ряду остаются гласные центрального и смешанного рядов и переднерядные гласные средних подъемов. Сюда относятся следующие гласные фонемы: ɛ, ɛ:, ö, ö:, ü, ü:, üi. Они характеризуются общей тенденцией подъема средней части спинки языка по направлению к небу и сравнительно узким резонатором в полости рта, следовательно, более высокими характерными тонами, чем гласные первой группы.

Узкие гласные переднего образования i и i: в этом отношении играют индифферентную роль, относясь безразлично к первым двум рядам. Условно, по традиционной монголоведческой терминологии, эти гласные названы нейтральными.

Эта четкая распределенность гласных мягкого и твердого рядов по словам отражается и на качестве сочетающихся с ними в словах согласных звуков: в словах с мягкорядными гласными все твердые согласные фонемы употребляются в смягченных аллофонах, а в словах с твердорядными гласными – в несмягченных аллофонах. Мягкие согласные фонемы, подобно гласным i и i:, составляют в этом отношении как бы нейтральный ряд, сочетающийся с гласными того и другого ряда. Поэтому можно говорить в известной

мере о сингармонизме согласных звуков, имея в виду при этом, что "сингармонизм гласных является моментом обуславливающим, а согласных — зависимым от него"²². Только разница между сингармоничными рядами у гласных звуков будет иметь результатом фонематическое различие, а у согласных — различие в аллофонах. В этом отношении проявление гласного i ближе к согласным, чем к гласным.

О сингармонизме согласных в монгольских языках в научной литературе до последнего времени почти не говорилось. Между тем относительно тюркских языков это явление отмечалось уже давно. Однако многие тюркологи утверждают, что гармония гласных влияет не на все согласные, и выделяют в плане сингармонизма лишь некоторые акустически ярко выраженные звуки. Более подробно о так называемом сингармонизме согласных в тюркских и других языках см. в работах М. Рясина²³, В.А. Богородицкого²⁴, А.А. Реформатского²⁵, Ф.А. Кязимова²⁶, Л.А. Покровской²⁷, К.А. Новиковой²⁸ и других.

Как показали экспериментальные исследования звукового состава бурятского языка, сингармонизм распространяется только на твердые согласные. Что касается мягких согласных, то благодаря их сильной палатализации трудно провести какую-либо грань между мягкими согласными в сочетании с твердорядными гласными и мягкими согласными в сочетании с мягкорядными гласными. Хотя такая разница в незначительных размерах не исключена артикуляционно, это различие почти не дает никакого акустического эффекта, потому что объем резонирующей полости изменяется очень незначительно. Несмотря на это, в бурятском языке произошли такие изменения, которые со временем могут существенно отразиться на всей системе согласных. Дело в том, что мягкие переднеязычные согласные t', d', n' в твердорядных словах стали произноситься с основной среднеязычной артикуляцией как h, h, h, т.е. активным органом в их образовании выступает не передняя часть спинки языка, а средняя ее часть. Правда, акустически t' и h, d' и h, n' и h различаются незначительно, но в других монгольских языках, в частности в калмыцком и современном монгольском, эта категория согласных целиком стала произноситься как среднеязычные. П.Ц. Биткеев утверждает на этом основании, что в современном калмыцком языке нет палатализованных согласных. Относительно мягких согласных второй и третьей артикуляции современного монгольского языка на основе фронтальных рентгенографических анализов В.М. Надеяев совместно с монгольскими фонетистами показал, что они, как правило, произносятся с основной среднеязычной артикуляцией (более подробно см. выше описание фонем t', d', n').

Сингармонизм согласных отразился на особенностях графики старомонгольской письменности. Однако это не распространялось на все согласные, фонетический алфавит старописьменного языка из общего состава консонантизма отразил только наиболее четко

выраженные аллофоны. Например, твердые фонемы q и g в словах с гласными мягкого ряда имели одно начертание, а в словах твердого ряда — другое. Б.Я. Владимирцов ошибочно полагал, что "гармония согласных сводится только к небольшому количеству фонем: к заднеязычным шумным и плавным боковым. Что касается халхаского наречия, то в нем гармония согласных отражается только на некоторых заднеязычных шумных"²⁹.

У фонем g, x и ŋ зависимость от мягкого или твердого рядов слов определяет изменение основных активных органов: в словах с гласными мягкого ряда употребляются заднеязычные аллофоны, активным органом выступает задняя часть языка; в словах с гласными твердого ряда употребляются увулярные аллофоны, активным органом выступает мягкое небо с язычком. Такое явление, видимо, характерно для всех сингармоничных языков. Б.А. Серебряников пишет, что "в языках, имеющих гармонию гласных, может появляться различие веллярного и палатального k и т.д."³⁰.

Употребление заднеязычных g, x, ŋ и увулярных q, χ, ŋ обусловлено исключительно комбинаторными условиями и абсолютно идентично проявлениям других твердых согласных фонем.

Различное проявление других твердых фонем в зависимости от гармонии гласных в монгольских языках до последнего времени не подмечалось, потому что оно акустически менее заметно. Однако при экспериментальном исследовании артикуляции твердых фонем их зависимость от гармонии гласных проявляется очень четко. Все твердые согласные фонемы бурятского языка в зависимости от употребления в словах с гласными твердого или мягкого рядов могут быть соответственно несмягченными и смягченными. Смягченные аллофоны отличаются дополнительным подъемом средней части языка к твердому небу, вызванным сочетанием их с гласными мягкого ряда, для артикуляции которых характерен некоторый подъем средней части спинки языка.

Эти смягченные аллофоны твердых фонем не нужно смешивать с мягкими фонемами, т.е. с собственно палатализованными, которые произносятся так же, как и смягченные, при дополнительном подъеме средней части языка. Но палатализованные согласные в отличие от смягченных произносятся при значительно большем подъеме средней части языка, что дает им новое качество.

Таким образом, состав гласных в словах определяет собой сингармонизм согласных и в конечном счете весь состав слова. Так же как и гласные, все слова по их звуковому составу можно делить на твердорядные и мягкорядные.

1. В звуковую оболочку твердорядных слов обязательно входят гласные твердого ряда, но могут входить и гласные нейтрального ряда. Из согласных звуков могут входить гласные нейтрального ряда. Из согласных звуков могут входить несмягченные аллофоны твердых фонем и мягкие фонемы.

Например: sabšaχa 'косить', burjaχa 'бурлить', tuhalamža 'помощь', ha:li'išanu:d 'доярки', oroldolgo 'стремление', χub'ilalta 'изменение' и т.д.

2. В звуковую оболочку мягкорядных слов обязательно входят гласные мягкого ряда, могут входить гласные нейтрального ряда. Из согласных звуков могут входить смягченные аллофоны твердых фонем и мягкие фонемы.

Например: *dü:rgεε* 'выполнить, наполнить', *nεgedεx'i* 'первый', *gürεŋ* 'государство', *xüdelmerilegšed* 'рабочие' и т.д.

Гласные нейтрального ряда употребляются в твердорядных и мягкорядных словах, но их употребление регулируется следующими более частными правилами:

1) в первом слоге мягкорядного слова из нейтральных гласных употребляется, как правило, долгий *i*: : *d'i:lεxε* 'побеждать', *š'i:dεxε* 'решать';

2) в первом слоге твердорядного слова из нейтральных гласных употребляется только краткий *i*: *inag* 'ласковый, нежный', *b'iraḡa* 'мочь', *ilalta* 'победа' и т.д.;

3) в непервых слогах могут употребляться краткая и долгая нейтральные фонемы независимо от отнесенности слов по ряду;

4) слова с гласным составом только из нейтральных гласных типа *i:b'i*: 'бабушка', *m'in'i*: 'мой' независимо от первослогового краткого или долгого *i* относятся к мягкорядным словам, следовательно, их аффиксация является мягкорядной, например: *i:b'i:dε*: 'бабушке' (дат. п.), *m'in'i:x'ihe*: 'от моего' (исх. п.). Гласные аффиксов в зависимости от состава вокализма корня слов меняют свои качества, таким образом происходит своеобразное чередование гласных фонем в аффиксах. Как указывалось выше, такое чередование имеет место в пределах строго определенных фонематических групп гласных: широкие гласные чередуются с широкими, узкие – с узкими, краткие – с краткими, долгие – с долгими, дифтонги – с дифтонгами. Иначе говоря, там, где по характеру звуковой оболочки слова требуются широкие гласные, нельзя употреблять узкие, или где требуется употребление кратких гласных, исключено употребление долгих, а также дифтонгов, или наоборот.

Чередование кратких широких гласных *a*, *o*, *ε* и *ö*:

aḡal-da (ажалда) 'работе' (дат. п.),

odon-do (одондо) 'звезде' (дат. п.),

ubεl-dε (үбэлдэ) 'зиме' (дат. п.),

öböi-dö (диал.).

Аффикс дательного падежа в зависимости от состава гласных корня оформлен четырьмя разными краткими широкими гласными, в данной морфеме исключается употребление других гласных.

Чередование широких долгих гласных *a:*, *o:*, *ε:*, *ö:*

azal-ha: (ажалһаа) 'от работы' (исх. п.),

odon-ho: (одонһоо) 'от звезды' (исх. п.),

εbεr-he: (эбэрһээ) 'от рога' (исх. п.),

übεl-hö: (үбэлһээ) 'от зимы' (исх. п.).

Чередование узких долгих гласных *u:* и *ü:*

ḡadu:r (хадуур) 'серп' от хадаха 'жать',

ülg-ü:r (үлгүүр) 'вешалка' от үлгэхэ 'вешать'.

Чередование широких монофтонгов, развившихся от соответствующих дифтонгов $\text{æ} < \text{æ}^{\cdot\epsilon}$ (ай), $\text{oe} < \text{oe}^{\cdot\epsilon}$ (ой), $\text{ɛ} < \text{ɛ}^{\cdot\text{ɪ}}$ (эй):
 aʒal-æ: (ажалай) 'работы' (род. п.),
 odon-oe: (одоной) 'звезды' (род. п.),
 übel-ɛ: (үбэлэй) 'зимы' (род. п.).

Таким образом, в бурятском языке сингармонизму подвергаются все морфемы слова без исключения. И как видно из приведенных выше примеров, сочетаемость гласных по рядам является наиболее общим выражением сингармонизма, в то же время он имеет свои внутренние, более конкретные, присущие только бурятскому языку особенности. Они сводятся к следующим закономерностям.

1. В первом слоге твердорядного слова могут употребляться все твердорядные гласные фонемы и краткий нейтральный i: : bal-gaxa 'глотать', daabar'i 'задание', tæ:baŋ 'мир', oroldol-go 'старание', no:horxu: 'волосатый', burʒagar 'кудрявый', zu:rʂalga 'посредничество', tujalalta 'достижение', bœ:ltor-go 'веревка на шее у телят', b'ilsagar 'сплюснутый'.

2. В первом слоге мягкорядного слова могут употребляться все мягкорядные гласные фонемы и долгий нейтральный i: : $\text{ü rō:hɛŋ} \sim$ (диал.) örō:hōŋ 'один', bederu:l 'поиски', dɛ:rmɛʂɛŋ 'разбойник', dürsɛl 'опыт', xü:rgɛ 'мост', ö:dɛlxɛ 'идти вверх, улучшаться', üiledbɛ r'i 'производство', si:dɛxɛ 'решать'.

3. В словах с нейтральным составом гласных типа m'ini: 'мой', šin'i: 'твой' может употребляться в первом слоге нейтральный краткий i .

4. В непервых слогах твердорядных и мягкорядных слов не употребляются краткие узкие огубленные u и ü и узкие дифтонги ui и üi . Это правило касается хоринского диалекта, легшего в основу литературного бурятского языка. Что касается остальных диалектов, то там эти гласные в непервослоговых позициях ведут себя по-разному. Например, "в сартульском говоре после a и u предыдущего слога может встречаться в последующем слоге, кроме краткого a , еще краткий u . После ɛ и ü предыдущего слога может встречаться... и краткий ü . Причем u и ü в непервослоговой позиции встречаются чаще всего во вторых' слогах и, как правило, через один согласный звук после гласного первого слога. Происходит своего рода уподобление, которое не характерно для других диалектов бурятского языка"³¹. Дифтонги ui и üi в непервых слогах употребляются в эхирит-булагатских говорах и соответствуют литературному долговому ɹ: в словах типа: лит. xargɹ: - эх-бул. xargui 'дорога', лит. zügɹ: - эх-бул. zügüi 'пчела' и т.д.

5. Нейтральная краткая фонема i в непервослоговой позиции употребляется только после палатализованных согласных: tarx'i 'голова, мозг', a'ira: 'морщинка, складка', a'irhaŋ 'брусника'.

Во многих бурятских говорах в данном сочетании чаще встречается редуцированный a (λ), чем i (ɹ).

6. После узких огубленных гласных предыдущего слога (кратких, долгих, дифтонгов по обоим рядам) могут употребляться только соот-

ветствующие по ряду широкие неогубленные гласные: duraŋ 'воля, желание', zu:χa 'кусать (о собаке)', ü:lɛŋ 'облако', üb-geŋ 'старик', züidel 'шов', uidχar 'грусть, тоска'. Как указывалось выше, исключение составляют сартульские словоформы типа ünür 'запах', xudug 'колодец' и т.п.

7. Употребление огубленных широких гласных (кратких, долгих, дифтонга $œ^{\epsilon}$) в непервых слогах обусловлено наличием в преддущем слоге также широких огубленных гласных: ordoŋ 'дворец', boro: 'дождь', šoro $œ^{\epsilon}$ 'пыль', so:χor 'пестрый', χ $œ^{\epsilon}$ to 'северный', örxö (диал.) 'труба'. Из-за отсутствия в вокализме литературного бурятского языка и хоринского говора мягкорядного краткого огубленного ö (ə), который функционирует как самостоятельная фонема в других диалектах бурятского языка, после долгой огубленной фонемы ö: (œ) употребляется неогубленный краткий широкий ε, например: лит. хö:r ϵ ldö:ŋ 'разговор', tö:r'ixε 'заблудиться' и т.д. вместо диал. хö:röldö:ŋ, tö:röxö и т.д.

После долгого огубленного ö: ограничено употребляется восходящий к историческому дифтонгу *ei долгий неогубленный ε: в словах типа tö:dε: (орф. тээдэй) 'бабушка', tö:lε: (орф. төөлэй) 'сваренная баранья голова'.

Такое распределение лабиализованных гласных характерно для современного бурятского языка и живых его диалектов, за ним закреплён термин губная гармония, или губное притяжение. Специальное выделение палатальной (или небной) и губной гармонии гласных не совсем оправданно, так как с точки зрения общей закономерности сингармонизма гласных они четко укладываются по двум сингармоничным рядам в соответствии с их акустико-артикуляционными особенностями. Что касается вопроса о том, что "губной" сингармонизм распространяется не на все языки и не все лабиализованные гласные в одинаковой степени подвергаются уподоблению друг другу как в диахроническом аспекте, так и в синхронии, то он относится к конкретным языкам и отдельным звукам, никак не отражаясь при этом на общей закономерности сингармонизма. Многие исследователи алтайских языков утверждают, что так называемая палатальная гармония является более древней, чем губная. М. Ряснен с некоторой оговоркой утверждает, что "губная гармония, по всей вероятности, довольно позднего происхождения, поскольку она встречается не во всех диалектах, а в древних документах представлена не столь ясно"³². В примечании к русскому изданию цитируемой работы Н.А. Баскаков утверждает обратное. Он пишет: "Закономерности, связанные с губными гласными, свидетельствуют о том, что губная гармония, так же как и палатальная, должна быть отнесена к древним явлениям, тем более что губные и негубные гласные до сих пор, например в аффиксах, фонетически не различаются. Фонематическое различие в аффиксах имеют только широкие (открытые) и узкие (закрытые) гласные"³³.

Этот вопрос остается открытым до сих пор. Некоторые исследо-

ватели монгольских языков также считают так называемую губную гармонию более поздним явлением, чем палатальная гармония. Например, Н. Поппе пишет, что губное притяжение является более поздним явлением, потому что "оно присуще не всем, а лишь некоторым монгольским языкам и отсутствовало еще в среднемонгольском"³⁴. Такое хронологическое противопоставление палатального и губного сингармонизма в монгольских языках связано с тем, что в древнемонгольском и среднемонгольском языках широкие лабиализованные гласные о, о: и дифтонг oi в непервых слогах не употреблялись. А в большинстве современных монгольских языков так называемая губная гармония осуществляется довольно последовательно: если в первом слоге о, то в последующем о или оε^ε, если в первом о̄, то в последующем, как правило, о̄. В этом отношении несколько иная картина наблюдается в хоринском диалекте или в литературном бурятском языке из-за перехода широкого ö в узкий ü: спмя olan 'много', совр. монг. olon, бур. olon; спмя orai 'вершина', совр. монг. orœ^ε, бур. orœ^ε; спмя örgen 'широкий', совр. монг. örgön, бур., хор. ürgen, эх.-бул. örgön. Губное притяжение в ряду широких лабиализованных гласных получило развитие в среднемонгольский период и позже. Процесс a > o протекал, видимо, далеко не равномерно. Например, в диалекте, из которого развился впоследствии бурятский язык, даже к приходу русских поселенцев многие слова произносились при строгом соблюдении, по терминологии Г.Д. Санжеева, "принципа лабиальной дисгармонии гласных". Весьма показательны в этом отношении первые русские передачи самоназвания монголов, сохранившиеся в различных ведомостях и других деловых и переводных документах. Там это слово передается в форме монгал~мунгал, т.е. второй слог по-русски произносится с ударением и четко выраженным нелабиализованным гласным a³⁵. В некоторых самых древних монгольских письменных памятниках ("Чингисов камень", другие памятники старомонгольской письменности и квадратного письма) это же самоназвание монголов передавалось через o как в первом, так и во втором слоге. Хронологически эти два факта, показывающие, с одной стороны, "лабиальную дисгармонию", а с другой - "лабиальную гармонию" широких огубленных гласных, отделены друг от друга на несколько столетий. Г.Д. Санжеев прав, когда утверждает, что "явления [a] → [o] и [e] → [ö] в непервых слогах не происходили одновременно во всех монгольских языках и диалектах. К тому же если подобные явления происходили в каком-либо монгольском диалекте, то не во всех словах, которые в непервых слогах содержали гласные (a) и (e)"³⁶. Несмотря на это, процесс a > o и ε > ö в непервослоговой позиции произошел в большинстве монгольских языков и диалектов при строгом соблюдении дистрибуции по рядам.

Однако нельзя считать обоснованным утверждение о том, что в древнемонгольском языке вообще отсутствовала губная гармония гласных. То, что после первослогового огубленного o в древнемонгольском следовал неогубленный a или дифтонг ai, после огуб-

ленного ö следовал неогубленный ɛ, не говорит о полном отсутствии огубленных гласных в непервых слогах. Наоборот, сильно огубленные узкие гласные u и ü активно употреблялись в непервослоговых позициях, следуя за соответствующими первословными огубленными гласными: *mürgü* 'молиться, кланяться', *ündür* 'высокий', *modun* 'дерево'. Даже в некоторых современных монгольских языках и диалектах u и ü часто встречаются в непервых слогах: чах. диал. *dürbü* 'четыре', диал. хэшиктен *örxü* 'труба, верхнее отверстие в юрте', *tömüŋ* 'десять тысяч' (из записей Ц. Жамцарано)³⁷. В так называемых южных говорах бурятского языка также встречаются слова, в которых имеет место губное притяжение: *xudug* 'колодец' вм. лит. *xudag*, *bükü* 'крепкий' вм. лит. *büxɛ* и т.д. Сюда же нужно отнести облигатное употребление в непервослоговых позициях долгих огубленных u:, ü: и дифтонгов ui, üi.

Во избежание явного противоречия в трактовке губного сингармонизма некоторые тюркологи и монголисты делят его на губное притяжение и губную гармонию³⁸. Под первым понятием подразумевают переходы $a > o$, $æ > œ$; $ɛ > ö$, т.е. сингармонизм широких (открытых) огубленных гласных: *olonj* 'много', *oræ:* 'вершина', эх.-бул. *öböl* 'зима'. Под понятием "губная гармония" имеется в виду уподобление узких (закрытых) огубленных гласных (примеры см. выше). Дополнительное деление губного сингармонизма на лабиальное притяжение (аттракцию) и лабиальную гармонию большинством исследователей монгольских языков не поддерживается. Разумеется, все эти явления, как бы они ни назывались, имеют место в указанных языках, но представляют они лишь частные случаи проявления универсального закона сингармонизма. Эти частные случаи, безусловно, отражаются на специфике сингармонизма каждого конкретного языка.

Анализ различных комбинаций в сочетаниях кратких, долгих и дифтонгов (дифтонгоидов), широких и узких, огубленных и неогубленных гласных по рядам в современном бурятском языке позволяет сделать вывод, что каждый гласный последующего слога зависит от гласного предыдущего слога независимо от того, к какой морфеме они относятся, — корневой или аффиксальной.

Если в предыдущем слоге находятся гласные твердого ряда a, a:, æ:, u, ui, то в последующем слоге могут употребляться только гласные a, a:, u, æ: и нейтральные i, i:.

Если в предыдущем слоге находятся огубленные гласные o, o:, œ:, то в последующем слоге могут употребляться только o, o:, œ:, u и нейтральные i, i:.

По общему правилу гармонии гласных в бурятском языке могут встречаться в одном слове огубленные и неогубленные гласные. Однако в смежных слогах исключено употребление широких огубленных и неогубленных гласных фонем, т.е. непосредственно после a, a:, æ: не могут употребляться o, o:, œ:, и наоборот³⁹. Здесь

промежуточным звеном выступает долгий u:; опосредованно через слог с долгим огубленным u: могут употребляться после широких огубленных гласных широкие неогубленные гласные: oršu:lxa 'переводить', borolu:lxa 'сделать серым' и т.д. Что касается обратного явления, т.е. употребления широких огубленных после широких неогубленных, то даже опосредованно через u: такое употребление исключается. Лишь в части эхирит-булагатского, боханского говоров бурятского языка иногда после a, a:, æ: может употребляться oe: в отрицательных частицах: jabxaboe: 'не пойдет' - лит. ябахугуй; bæ:xaboe: 'не будет' - лит. байхагуй и т.д.

Если в предыдущем слогое находятся гласные мягкого ряда ɛ, ɛ:, ü, ü:, ö, ö:, то в последующем слогое могут употребляться все эти гласные, кроме краткого ü ⁴⁰, и нейтральные i, i:. В литературном бурятском языке краткие ö и ü употребляются безразлично, как открытый и закрытый аллофоны одной фонемы. За последнее время в литературном произношении начинает преобладать произнесение закрытого ü.

Если нейтральные гласные находятся в середине слова, то в последующих за ними слогах могут употребляться любые гласные в зависимости от состава гласных предшествующих слогов. Если же краткий i находится в первом слогое, то в последующем слогое могут употребляться только a, a:, æ:, u: и нейтральный i:; если в первом слогое находится долгий i:, то в последующих слогах могут употребляться только ɛ, ɛ:, ü:.

Бурятский язык многодиалектен, и сингармонизм имеет в общем одинаковое распространение и действие во всех диалектах. Вместе с тем каждый диалект в зависимости от наличия или отсутствия в нем тех или иных гласных звуков имеет свои внутренние, более конкретные особенности.

В литературном бурятском языке в перерывных слогах не употребляются краткие узкие огубленные гласные u и ü, а в южном диалекте, в частности в сартульском говоре, имеется определенная тенденция к употреблению u и ü в перерывных слогах. Например, если в литературном языке в предыдущем слогое стоят a, u и ü:, то в последующем слогое из кратких гласных употребляется только a, а в сартульском говоре может употребляться также краткий u; если в литературном языке в предыдущем слогое стоят ɛ, ü, то в последующем слогое может употребляться из кратких гласных только ɛ, а в сартульском говоре встречается и краткий ü: лит. bulag - сарт. bulug 'ключ'; лит. ünɛr - сарт. ünür 'запах'; лит. nɛrɛxɛ - сарт. nɛrүх 'перегонять'. В говоре агинских бурят во вторых слогах некоторых слов после первослогового огубленного ü произносится широкий огубленный ö:: лит. güzɛ:rj - аг. güzö:rj 'живот'; лит. gübɛ: - аг. gübö: 'бугор, холм, возвышенность'; лит. n'udɛ:rɛ: - аг. n'udö:rö: 'глазом (своим)'; лит. xül'ɛ:xɛ - аг. xül'öxɛ 'ждать' и т.д. В эхирит-булагатских активно употребляется краткий огубленный ö: лит. üder - эх.-бул. ödör 'день'; лит. übdɛg - эх.-бул. öbdög 'колени'. Соответственно изменяется последующая аффиксация.

Таким образом, сингармонизм вокализма в бурятском языке представляет собой не безразличное употребление гласных по двум рядам – мягкому и твердому, а закономерную зависимость их друг от друга. При последовательной агглютинации образуется цепь взаимозависимых слогов со строго определенными гласными, где каждый последующий слог зависит от предыдущего. Если исходить из этих конкретных показателей, то сингармонизм гласных в бурятском языке можно назвать ступенчатым, где каждая последующая ступень или звено зависят от предыдущего. Эту особенность сингармонизма в алтайских языках отмечали многие исследователи. Например, Г.Д. Санжеев, определяя сущность губного сингармонизма, пишет, что после неогубленных и узких огубленных гласных "одного слога в следующем слоге не могут находиться широкие огубленные гласные... а после последних в следующем слоге не могут следовать неогубленные гласные". При этом он специально подчеркивает, что "сказанное вовсе не означает того, что, например, а и о не могут находиться в одном и том же слове: такая возможность откроется в том случае, если между о первого слога и а третьего слога во втором слоге окажется долгий \bar{u} (халхаск. орулсан 'ввел')"⁴¹. "В целом гармония гласных эвенкийского языка может быть охарактеризована как слоговая или ступенчатая, – пишет В.И. Цинциус. – ...Ассимилятивная зависимость гласных последующего слога от гласных предшествующего слога совершенно очевидна"⁴².

В ступенчатом характере сингармонизма многие усматривают нарушение закона гармонии гласных. Однако последовательность слогов и их гласных в многосложных словах показывает, что при любых обстоятельствах общая закономерность употребления гласных по двум основным рядам строго сохраняется. Ступенчатость сингармонизма подтверждается многими фактами из монгольских языков. Например, при втором переломе \underline{i} , когда под влиянием губного \underline{u} первый гласный \underline{i} перешел в \underline{u} , сам ассимилирующий \underline{u} второго слога превратился в \underline{a} , "так как после лабиализованного \underline{u} по закону сингармонизма гласных в монгольских языках никоим образом не может следовать в следующем слоге лабиализованный \underline{o} "⁴³. Подобные явления, показывающие зависимость каждого последующего слога от предшествующего, касаются как современного состояния монгольских языков, так и их истории. Хотя этот процесс и пронизывает структуру всех слов, но происходит он строго в рамках двух сингармоничных рядов.

В бурятском языке сингармонизму подвергаются все морфемы слова. Поэтому сингармонизм является одним из существенных и рельефных критериев ограничения слова от словосочетания (разумеется, если сочетающиеся слова относятся к разным сингармоничным рядам). Если сочетающиеся слова сохраняют прежний состав гласных, то имеет место словосочетание. Например, сочетание модо + бэлэдхэл в бурятском языке еще не стало одним сложным словом.

Если же в одном из сочетающихся слов изменяется состав гласных и оно примыкает по ряду к другому сочетающемуся слову, то здесь, можно считать, образовалось новое сложное слово. Например, в боханском говоре сочетания слов *jerεžε jabana* 'идет сюда' или *güižε jabana* 'бежит' произносятся *jeržemne ~ jeržebne* или *güižemne ~ güižebne*. Второй элемент словосочетания – твердорядное слово *jabana* – становится мягкорядным и полностью сливается с основным словом.

Давно заимствованные из русского языка слова также подвергаются закону гармонии гласных. Например, рус. 'спичка' – бур. *εs-p'i:šxε*, рус. 'мешок' – бур. *mεšε:g*, рус. 'рогожа' – бур. *or-go:žo* и т.д.

Таким образом, традиционно сложившееся в бурятском языке взаимодействие укладов органов речи при произношении слов характеризуется тем, что гласные твердого и мягкого рядов взаимоисключают друг друга в одной и той же словоформе. Согласные звуки в словах также поддаются этой норме артикуляции. Сингармонизм, как видно, определяет специфику всей артикуляционной базы языка.

Известно, что звуковой системе каждого языка свойственна особая, характерная только для него артикуляционная база, под которой понимается общая направленность в укладах органов речи при артикуляции звуков

44

Для артикуляционной базы бурятского языка характерно наличие двух взаимно исключających друг друга систем укладов органов речи при артикуляции звуков. Эти системы условно можно назвать в соответствии с названиями сингармоничных рядов твердорядными и мягкорядными укладами.

1. При твердорядном укладе гласных общая тенденция в движении языка назад книзу.

2. При мягкорядном укладе гласных общая тенденция в движении языка вверх и вперед.

Гласные нейтрального ряда артикулируются при передних (или передних, отодвинутых назад) верхних положениях языка, что в общем совпадает с мягкорядным укладом. Однако максимально верхнее переднее положение языка при артикуляции гласных нейтрального ряда, в отличие от мягкорядных гласных, позволяет им сочетаться с гласными твердого ряда в одном слове, не нарушая при этом твердорядного уклада последних благодаря резкому контрасту в укладах нейтральнорядных и твердорядных гласных.

Артикуляционная база как система произносительных навыков является одним из существенных элементов в установлении этногенетических процессов. Не случайно И.А. Бодуэн де Куртене, используя артикуляционную базу (через сингармонизм) как исторический источник, связал ее с этнической историей резвян и доказал происхождение этой самой западной небольшой группы славян.

Фонетика, особенно артикуляционная база, является самой устойчивой частью в языке. В этом отношении весьма показательно следующее замечание академика Б.Б. Пиотровского: "Урарты были асси-

милированы армянами, потеряли свой язык и приняли армянский. Урартских слов в армянском языке сохранилось немного, однако очень устойчивой оказалась фонетика. В диалекте армянского языка Ванского района сохранилась старая урартская фонетика, и теперь всегда можно отличить армянина из Вана по наличию тех фонетических особенностей, которые были свойственны урартскому языку"⁴⁵

Как пишет В.М. Надеяев, "каждая ААБ (артикуляционно-акустическая база) представляет собой систему определенных артикуляционных навыков в единстве с их акустическими эффектами. ААБ отрабатывается данным этносом на самых ранних стадиях его развития... становится свойством создавшего его этноса... но существует и проявляется в материальной стороне языка или последовательного ряда языков, которыми... владел и владеет данный этнос, т.е. при различных языках, даже различных типологически, на которые последовательно переходит данная этническая общность в своем историческом развитии благодаря разнообразным контактам с другими этносами вплоть до полного слияния с другим этносом, при условии сохранения своей компактности она сохраняет в существенных чертах свою ААБ, которая поэтому принципиально изменяет звуковую систему каждого усвоенного данной этнической общностью нового для нее языка. В таком аспекте ААБ рассматривается как один из существенных исторических источников в восстановлении этногенетических процессов"⁴⁶

В последние годы новосибирскими фонетистами под руководством В.М. Надеяева проводились широкие исследования по обработке теории артикуляционно-акустической базы и выявлению обязательных минимальных наборов доминирующих фонетических признаков, которые определяют собой "качественно-количественную индивидуальность" каждой ААБ.

В этом отношении сингармонизм является одним из основных признаков, определяющих сущность артикуляционной базы языка.

СПИРАНТИЗАЦИЯ СОГЛАСНЫХ

Одной из характерных особенностей эволюции фонетического строя монгольских языков, в том числе и бурятского, является процесс спирантизации смычных согласных.

О вторичных заднеязычных и увулярных спирантах χ, χ и первичных смычных звуках к, q Б.Я. Владимирцов писал, что "монг.-письм. χ развился из вильярно-заднеязычного смычного q, напр. тюрк.: все диалекты qara ~ kara 'черный'; мджр. qara 'id'; могол. karo, бурят-нижнеудинск. ^кχara 'id'; монг.-письм. χara ~ qara"⁴⁷

Он истолковывает переходы $k > \chi$, $q > \chi$ как опосредованные через аффрикаты $\overset{k}{\chi}$ и $\overset{q}{\chi}$: $k > \overset{k}{\chi} > \chi$ и $q > \overset{q}{\chi} > \chi$.

В этом отношении бурятские диалекты оказываются весьма кон-

сервативными. В говоре ононских хамниган вместо общебурятского х употребляется смычный сильный звук к, а в нижеудинском говоре, как указывали Владимирцов и Санжеев, в этих позициях чаще употребляется аффриката кх: кхāna 'где', кхара 'черный'. Относительно периодизации процесса к > х и q > х Б.Я. Владимирцов писал следующее: "В монг.-письм. q развился в х, по-видимому, в раннюю эпоху, во всяком случае, квадратное письмо уже не знает знака, который бы обозначал смычный глухой"⁴⁸.

Г. Рамстедт считал смычный *к праалтайским звуком, сохранившимся в более или менее чистом виде в тунгусо-маньчжурском и корейском языках⁴⁹.

Фонема к в бурятском языке употребляется в двух четко выраженных аллофонах: увулярном к и заднеязычном к. Однако некоторые бурятские диалекты дают вместо к смычные варианты произношения, как к, а иногда аффрицированный кх: лит. хūхε, хамн. кūкε 'синий'; лит. бūхε, хамн. бūкū 'крепкий'; лит. хuru:d, хамн. кхuru:d 'сушеный творог'; лит. хара, нижеуд. кхара 'черный'; лит. гεšхū:r, сарт. гεšкū:r 'лестница'; лит. дεbε-εхεr, сарт. дεbεскεr 'подстилка'.

В бурятском языке звук к сравнительно позднего происхождения. Он развился из смычного к. Если, по Б.Я. Владимирцову, в период квадратного письма в монгольском языке уже был щелевой х, то в бурятском языке смычный к функционировал еще ко времени прихода первых русских поселенцев в Прибайкалье и Забайкалье, что подтверждается русскими заимствованиями бурятских слов со звуком к типа качерик, хуйтун и т.п.

Д.Г. Дамдинов склонен отнести наличие к в хамниганском говоре к реликтовым явлениям раннего периода⁵⁰. Такой вывод, заманчивый на первый взгляд, не совсем согласуется с историческими фактами. Носители хамниганского говора этнически являются конгломератом тунгусов и монголов, где все-таки подавляющее большинство составляли монголоязычные племена. Как пишет сам Дамдинов, "хамниганы Забайкалья (главным образом ононские) являются обурятавшимися племенами, состоящими из монгольских и частично тунгусских народов"⁵¹. И естественно, в их говоре сохранились элементы тунгусского языка. Может быть, наличие смычного к объясняется этими причинами? Или, как утверждает Дамдинов, сохранением в этом претерпевшем большие изменения в истории своего развития говоре черт диалекта, якобы легшего в основу старописьменного монгольского языка? Во всяком случае, в тунгусских диалектах, соприкасающихся с бурятскими говорами, всюду употребляется смычный к и отсутствует х. Употребление смычного к и аффрикаты кх, а иногда даже хк в нижеудинском говоре можно объяснить и как остаточное явление общеалтайского, и как позднее влияние тюркского или тунгусского. В этом отношении соответствие к ~ х в других алтайских языках дает много дополнительных сведений.

Это соответствие, хотя и представляет собой, как нам кажется,

общеалтайское явление, не распространяется на все группы алтайских языков в одинаковой степени. В тюркских и монгольских языках оно развито очень широко, а в тунгусо-маньчжурских наблюдается в меньшей степени. Причем в одних языках это явление носит спорадический характер, а в других представляет определенную закономерность, когда древние k и q почти во всех случаях перешли в x и χ. Как справедливо пишет В.И. Цинциус, "спирантизация в языках алтайской общности носит отчетливо выраженный арeальный характер"⁵².

Исследователи алтайских языков установили конкретные проявления этих звуков в живых языках и диалектах и предприняли попытки выявить изначальные фонемы в цепи корреспондирующих по родственным языкам звуков.

По Г. Рамстедту, в праалтайском языке имелся лишь один заднеязычный k, который сохранился в тунгусо-маньчжурских и корейском языках, а в тюркских и монгольских языках на базе этого звука возник заднеязычный k в словах с передними гласными, а в словах с задними гласными - увулярный q⁵³. В дальнейшем в пратюркском увулярный q в начале слова стал артикулироваться почти как qχ, который затем в ряде языков, например в чувашском, перешел в χ. В середине слова увулярный χ, ослабляясь, произносится как q⁵⁴.

В монгольских языках развитие шло несколько иным путем. В древнем монгольском языке в начале слов, как пишет Рамстедт, эти согласные были сильными и произносились с придыханием: qχ, kχ ~ ~ (kh); в одних современных монгольских языках, например в калмыцком, они сохранились, в других, например в бурятском и халха-монгольском, перешли в kχ-, χ, а в языке восточных и южных монголов перешли в χ-, в котором совпали древние k и q⁵⁵.

Б.Я. Владимирцов считает возможным, что развитие q в χ произошло раньше всего в положении между гласными. Он, как и Рамстедт, предполагает, что толчком к этому развитию послужило наличие придыхательных звуков, и в связи с этим отмечает: "Очевидно, что и q развился в χ > x таким же путем, как и k > ^kχ > x, т.е. пройдя стадии k^c > ^kχ > x"⁵⁶.

Увулярный q в большинстве тюркских языков сохранился, но в ряде из них претерпел различные изменения, и вместо него стали употребляться другие звуки. Например, в начале слова в хакасском языке и языке урумов Донецкой области УССР он развился в χ, в чувашском - в χ и отчасти в j, в туркменском - в увулярный звонкий g, в азербайджанском литературном - в слабый полувзвонкий g, в турецком литературном совпал с заднеязычным k, а в отдельных турецких говорах перешел в χ. В других языках - кумыкском, тувинском, якутском, тофском - параллельно с χ в зависимости от позиции в слове встречаются q и h⁵⁷.

В тех тюркских языках, где увулярный q регулярно переходит

в щелевой χ, этот процесс распространяется и на середину слова, например как. хысхыс (ХРС, 303) – тат. кыскыч 'клещи, щипцы'. А в языках, где этот переход является частичным, в большинстве случаев в середине слова q или сохраняется, или озвончается; например, в якутском языке наблюдаются соответствия $k \sim x \sim g \sim \text{г}$: айкал ~ айхал ~ айгал ~ айҕал 'приветствие (благопожелание)', бугатыыр ~ бахатыыр ~ бугатыыр ~ буҕатыыр 'богатырь'⁵⁸. В конце слова в тюркских языках q, как правило, сохраняется, а в тех случаях, когда q регулярно заменяется щелевым χ, даже в позиции конца слова встречается χ, например в якутском. атаχ ~ adag 'нога'; в чувашском в этой позиции древний q выпадает: polə < ba-lug 'рыба' и др.⁵⁹

В ряде тунгусо-маньчжурских языков (маньчжурский, нанайский и др.), как отмечает Рамстедт, заднеязычный k как и в монгольском, через аффрицированную ступень (kx) развился в спирант x, который, в свою очередь, развился в фарингальный спирант h. В маньчжурском $x \sim h$ в ряде случаев выпадает совсем⁶⁰. Цинциус отмечает переход начального смычного k в щелевой χ в солонском языке, где "в середине слова между гласными иногда $x \parallel h \dots$ В негидальском языке также наблюдается склонность к замене $k \parallel \chi$ и дифференциации $k \sim h$, $x \sim \chi$ в зависимости от состава гласных в слове"⁶¹.

В удэйском языке в середине слова в зависимости от качества гласного окружения k может или выпасть, образовав прерывный дифтонг и прерывный долгий гласный, или реализоваться в виде x и g: эвенк. а + к + а, уд. 'а; эвенк. а + к + и, уд. ай; эвенк. э + к + э, уд. э + х + э; эвенк. и + к + а, уд. и + г + а⁶².

В.И. Цинциус отмечает, что "наличие в маньчжурском языке то смычного, то проточного глухого согласного в соответствиях одному типу заднеязычных других языков тунгусо-маньчжурской группы, например эвенк. к, сол. х и т.д., не находит себе никакого объяснения с чисто фонетической, комбинаторной стороны"⁶³. Притом "в маньчжурском одна и та же основа может выступать в двух формах – и с глухим смычным $k(k)$, и с глухим проточным $\chi(x)$ ". Например, ката 'засыхать, твердеть после сырости и просушки', хата 'закаливать железо, сталь, обжигать глиняную и фарфоровую посуду, кирпич'⁶⁴.

Переход q в χ, как видно из приведенных выше примеров, касается всех без исключения групп алтайских языков – тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских. В одних алтайских языках он проявляется регулярно, а в других – спорадически, причем трудно усмотреть какие-либо общие закономерности.

По данным современных языков, этот процесс не затронул целого ряда языков, которые обладают древними чертами, например туркменского. Кроме того, он не отразился в турецком литературном

языке, имеющем длительную письменную традицию, и в эвенкийском, не имевшем такой традиции. В то же время он коснулся таких языков, как чувашский, хакасский, тувинский, якутский, обладающих рядом древнейших черт, а также современного монгольского и бурятского языков, но не задел калмыцкого и т.д.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в одних языках переход смычного согласного в щелевой охватил только слова с гласными заднего ряда, а в других – слова с гласными и заднего, и переднего рядов. Например, как было показано выше, в языке урумов Донецкой области УССР переход q в x наблюдается только в словах с гласными заднего ряда⁶⁵.

В этом отношении представляет большой интерес наличие небольшого количества слов с начальным щелевым x и смычным q, зафиксированных в "Древнетюркском словаре"⁶⁶, где q и x употребляются параллельно, например xadiz (ДТС, 635) ~ qad'iz (ДТС, 403) 'кора', xaju (ДТС, 635) ~ qaju (ДТС, 408) ~ qanju (ДТС, 419) ~ qani (ДТС, 418) 'какой', xal'in (ДТС, 635) ~ qal'in (ДТС, 411) 'многочисленный, толстый', xan (ДТС, 636) ~ qan (ДТС, 417) 'хан', xatiy (ДТС, 637) ~ qatiy (ДТС, 433) 'твердый, жесткий', x'iilinc (ДТС, 637) ~ q'iilinc (ДТС, 443) 'действие, дело', xiz (ДТС, 637) ~ qiz (ДТС, 449) 'девочка, дочь', xojin (ДТС, 637) ~ qojin (ДТС, 453) || xoj (ДТС, 637) ~ qoj (ДТС, 453) 'овца', xorq (ДТС, 637) ~ qorq (ДТС, 458) 'бояться, пугаться', xulxaq (ДТС, 638) ~ qulxaq (ДТС, 465) 'ухо', xum (ДТС, 638) ~ qum (ДТС, 465) 'песок' и др. В середине и конце некоторых слов наблюдается такая же картина: смычный q то сохраняется, то озвончается, то спирантизируется, например: aqsa (ДТС, 71) 'хромать', aqsaq ~ aqsaq (ДТС, 49) 'хромой', axtar (ДТС, 71) 'вырывать деревья, переворачивать', axtar (ДТС, 23) 'повергать на землю, переводить с одного языка на другой', axtin (ДТС, 23) ~ qaxtin (ДТС, 71) 'подниматься, взбираться', oqsa (ДТС, 374) ~ oqsa (ДТС, 364) ~ oqsa (ДТС, 370) 'походить, быть похожим' и др. Надо полагать, что еще в XIв. (во времена М. Кашгарского) смычный q и щелевой x начали функционировать на уровне аллофонов; правда, это распространялось на ограниченное количество слов. О том, что древнетюркскому языку не был чужд щелевой согласный x, свидетельствуют заимствованные слова со щелевым x, которые вошли в тюркские языки с сохранением этого звука, получившего в дальнейшем широкое распространение во всех тюркских языках, контактировавших с арабскими и персидскими языками. Например, др.-тюрк. baxt (ДТС, 89) из арабского 'счастье', baχsiš (ДТС, 89) из персидского 'подачка'.

По всей вероятности, согласные звуки q и x, а также k и χ в тюркских языках (не во всех) с давних пор употреблялись параллельно как варианты одной и той же фонемы, далекими рефлексамми которых являются данные некоторых современных тюркских языков. Например, как пишет Е.И. Убрятова, носители якутского языка часто

не различают эти звуки, "двойная реализация согласного χ , то как смычного k , то как проточного χ , по-видимому, вообще обычна для якутского разговорного языка"⁶⁷. В якутском языке в некоторых диалектах данное соответствие представляет целую цепь $\zeta \sim \gamma \sim \chi \sim k$ или $\zeta \sim \chi \sim k$ ⁶⁸.

Если процесс спирализации смычных сильных q и k распространяется не на все монгольские языки, то в современных монгольском и бурятском языках он имеет довольно последовательный и регулярный характер. Что же касается спирализации других согласных, например фонетического процесса образования обшемонгольских переднеязычно-среднеязычных аффрикат $t's$ и $d'z$, исторически восходящих к смычным согласным t и d , их дальнейшей эволюции вплоть до полной спирализации в бурятском языке через смычно-щелевые согласные - аффрикаты ts , $t's$, dz , $d'z$, то она имеет несколько иной ареал распространения⁶⁹.

Деаффрикатизация является одной из специфических особенностей звукового строя бурятского языка.

Обшемонгольские аффрикаты $t's$ и $d'z$ через последующий этап развития ts , $t's$ и dz , $d'z$ стали употребляться в бурятском языке как чистые спиранты s , s' , z , z' .

Из других живых монгольских языков и диалектов наименее "аффрикатизированным" является хорчинский говор языка внутренних монголов. Здесь, по компетентному свидетельству Б.Х. Тодаевой, употребляется лишь одна аффриката - $d'z$. Как известно, носители хорчинского говора проживают по соседству с баргу-бурятами. В современном калмыцком языке наряду с аффрикатами $t's$, $d'z$ и ts употребляется щелевой слабый звук z . Полный процесс деаффрикатизации имеет место только в современном бурятском языке.

Как указывалось выше, переход аффрикат в щелевые согласные связан с появлением фарингального h , который заменил в бурятском языке щелевой s . Исконно монгольский щелевой s и смычно-щелевой ts составляли самостоятельные фонемы, противопоставляемые по признакам аффрицированности и неаффрицированности, например: $tsa:d$ (цаад) 'дальний' - $sa:d$ (саад) 'препятствие'. За фонетическим процессом $s > h$, по-видимому, последовал другой процесс - деаффрикатизация самой близкой к s аффрикаты ($ts > s$). Наглядным свидетельством этого живого фонетического процесса являются записи Г.-Ф. Миллера, сделанные в 30-х гг. XVIII в. во время его сибирского путешествия, где еще отмечаются аффрикаты $t's$, $d'z$, dz , причем вместо ts фиксируется s , а вместо исконного s уже употребляется фарингальный h . Вероятно, только затем по аналогии с $ts > s$ процесс спирализации распространился на другие аффрикаты.

Как указывалось выше, монгольские спиранты являются производными от соответствующих смычных согласных. Б.Я. Владимирцов, Н.Н. Поппе, Г.Д. Санжеев и другие на большом сравнительном мате-

риале показали, что аффрикаты ts и $t's$ через общемонгольский $t's$ восходят к неаффришированному смычному звуку t (ti): уйр. bitig, джар. bitik, маньчж. bitxe 'письмена, письменность', которые соответствуют совр. монг. bit'sig и бур. bešeg 'письмо'. Бурятский šagna монг. t'sagna 'слушать' сравнивается с алт. tinda 'слушать'. Ср. также бур. hün'i 'ночь', совр. монг. šonō, калм. sō, эх.-бул. hūi с др.-тюркским tün 'ночь' или бур. и монг. šaltag, др.-тюркский tildax 'предлог, повод' (ДТС, 566).

Что касается аффрикат dz и $d'z$, которые через $d'z$ восходят к d (di), то даже сами монгольские языки и их диалекты сохранили смычный d : калм. qaza:, халх. qada: 'вне, снаружи'; zurga:ŋ (бур.), žorgo:ŋ (алар.), jorgo:ŋ (эх.-бул.), dirugā (дагур.) 'шесть'; монг. gedzεge, бур. gεzege 'коса', общемонг. gedεrge 'назад, зад, тыл'⁷⁰. Небезынтересно в этом отношении фонетическое соответствие показателей соединительного деепричастия в монгольских языках - $d'zi$ и - $t'si$ и показателей прошедшего времени глагола в тюркских языках - $t'i$ и - $d'i$ в твердорядных словах, - $t'i$ и - $d'i$ в мягкорядных словах, где имеет место не переход i в i , а обычная реакция этих гласных на твердорядность и мягкорядность основ.

Таким образом, не только эволюция заднеязычно-увулярных $k > x$ и $q > x$ происходила через промежуточный этап - аффрикаты kx и qx , но и образование щелевых звуков s , s' , z , z' тоже имело промежуточные стадии - аффрикаты ts , $t's$, dz , $d'z$.

Процесс спирантизации в монгольских языках продолжается и в настоящее время; например, губно-губной слабый b в интервокальном положении или в сочетании с сонантами r и l , как правило, произносится с щелевой преградой как β . Этот щелевой вариант иногда встречается даже в абсолютном начале слова. Аналогичный переход наблюдается у заднеязычно-увулярной фонемы g . В указанных выше позициях употребляются щелевые y и $ɣ$. В современном алмышском языке щелевые губной v (правильнее обозначать β) и увулярный $ɣ$ (h) выделяются в качестве самостоятельных фонем. В современном монгольском языке губно-губной щелевой β обозначается самостоятельной орфограммой "в", в отличие от "б".

Явление спирантизации смычных b , d , g в интервокальном положении касается и других алтайских языков. В.И. Пинциус пишет, что "для ряда согласных языков алтайской общности уязвимой является их интервокальная позиция. Так, например, смычные (б, д, г) могут в этих условиях реализоваться в виде щелевых аллофонов (в, з, х)"⁷¹.

Фонетический процесс спирантизации в той или иной мере касается почти всех монгольских языков, он является одним из универсальных внутренних законов развития их звукового строя, сыгравших существенную роль в становлении фонетического строя многих современных монгольских языков, особенно бурятского.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ АРТИКУЛЯЦИИ СОГЛАСНЫХ И ГЛАСНЫХ

Из дополнительных артикуляций наиболее существенной, фонологически релевантной является палатализация согласных. Появление палатализованных согласных связано с эволюцией гласного i.

История монгольских языков показывает, что в ранний период их развития палатализованные согласные встречались только перед переднерядным гласным высокого подъема i и изредка перед среднеязычным согласным j. В этом отношении современные монгольские языки дают различные рефлексy. В одних языках, в частности в бурятском, палатализованные и непалатализованные согласные противопоставляются как самостоятельные фонемы, а в других, например в калмыцком, палатализация как вид дополнительной артикуляции вообще отсутствует. Имеющиеся мягкие варианты переднеязычных согласных артикулируются уже как среднеязычные. Аналогичная картина наблюдается в современном монгольском языке (см. выше).

В системе согласных фонем современного бурятского языка почти все согласные противопоставляются по признаку отсутствия или наличия дополнительной работы средней части языка и делятся соответственно этому на две группы:

непалатализованные - p, b, m, t, d, n, r, l, x, g;

палатализованные - p', b', m', t', d', n', r', l', x', g'.

Определение всей группы палатализованных согласных фонем бурятского языка, противопоставляемой группе непалатализованных согласных фонем, только как палатализованных, образованных при дополнительной работе средней части языка, не является точным. В бурятском языке к группе мягких согласных относятся не только согласные, артикулируемые с дополнительной работой средней части языка, но и согласные с основной среднеязычной артикуляцией. Например, все так называемые палатализованные переднеязычные согласные t', d', n', r', l' чаще всего являются среднеязычными. Поэтому для характеристики бурятских согласных целесообразно употребить термин мягкие согласные, куда относятся все согласные, противопоставляемые группе так называемых непалатализованных, точнее, твердых согласных. Тем более, что к разряду мягких согласных фонем современного бурятского языка следует отнести среднеязычный звук j. В связи с этим в системе твердых и мягких согласных следует выделить щелевые ś, š, z, ž. В современном бурятском языке фонемы ś и ž характеризуются как двухфокусные, со вторым задним, продвинутым вперед фокусом. Продвинутость вперед второго фокуса определяет некоторую смягченность, но не мягкость этих звуков. Поэтому они не противопоставляются фонемам s, z как их мягкие пары, хотя исторически действительно находились в бинарной оппозиции по признакам мягкости и твердости: t'ś || ts, d'ž || dz.

Как писал Г.Д. Санжеев, «наиболее характерным для всего бурятского языка является то, что в нем за весьма редким исключе-

нием, устойчиво и последовательно отражается исторический гласный i в виде палатализации соответствующих согласных. Это значит, что, во-первых, в бурятском языке перелом гласного i имел место очень поздно; во-вторых, в тех ранних северных монгольских диалектах, на основе которых сложились современные бурятские диалекты, т.е. в "протобурятских" диалектах, гласный заднего ряда ī, тем более не подвергшись перелому, в словах того же ряда видоизменился в гласный переднего ряда i; в-третьих, тот ранний монгольский диалект конца XII и начала XIII в., на основе которого сложился старописьменный монгольский язык, почти без исключения отражающий этот исторический i, в отношении эволюции данного гласного был подобен "протобурятским" диалектам. Как известно, во всех современных монгольских языках, кроме бурятского, сохранение и отражение исторического гласного i отмечаются сравнительно редко »⁷².

В бурятском языке встречаются еще так называемые смягченные согласные, но их ни в коем случае нельзя смешивать с собственно палатализованным согласным. Палатализованный согласный в отличие от смягченного произносится при значительно большем подъеме средней части языка, что определяет новое качество звука.

Смягчение согласных на уровне аллофонов проходит по всем твердым согласным бурятского языка в соответствии с сингармоничными рядами. В словах мягкого сингармоничного ряда твердые согласные фонемы являются смягченными. Они, в отличие от собственно палатализованных согласных, произносятся при значительно меньшем подъеме языка. Рентгенограммы артикуляции смягченных аллофонов твердых согласных фонем бурятского языка показывают различную степень подъема средней части языка к твердому небу. Трудно говорить о наличии каких-то четко определенных границ между различными степенями подъема языка у смягченных согласных, так как они находятся в прямой зависимости от артикуляции сочетающихся с ними гласных, которые также представляют собой гамму беспрерывных переходов по степени подъема. Так, например, при сочетании с гласным ü: звук t в слове tü:xe 'собирать' проявляется в более смягченном варианте, чем при сочетании с долгим ε: в слове tε:xe 'нагружать' и т.п.

Несмотря на то, что у смягченных аллофонов твердых фонем существует большое разнообразие переходов по степени подъема языка, они возможны только в определенных пределах. Дальнейшая палатализация, т.е. подъем средней части языка, дает звуку совершенно новое качество. Таким образом, для звуковой системы бурятского языка можно выделить две зоны по степени палатализации, которые имеют фонологическое различие. Смягченность и несмягченность твердых согласных фонем не являются их дифференциальными признаками и обусловлены сочетанием этих согласных с гласными переднего и заднего рядов. Мягкость, или палатализованность, как дифференциальный признак бурятских согласных не зависит от их сочетания с другими звуками. Правда, исторически палатализация

являлась результатом следовавшего за согласным гласного i, а в современном бурятском языке "сохранился он (i) или выпал - согласный палатализован"⁷³.

Различная степень палатализации согласных, о чем говорилось выше, очень четко устанавливается средствами экспериментальной фонетики (см. Атлас звуков бурятского языка).

Палатализация инициального п' в бурятском является исключительно развитой дополнительной артикуляцией и составляет одну из его существенных фонетических особенностей, отличающих бурятский язык от других монгольских языков и диалектов. Целый ряд слов с начальным п, которые в других монгольских языках произносятся с твердым непалатализованным п, в современном бурятском артикулируются с мягким инициальным п': n'odondo 'в прошлом году', n'idxe 'бровь', n'ižaganaça 'трещать', n'izalça 'раздавить', n'i:dcxe 'летать', n'i:lcxe 'соединяться', n'ilzagar 'придавленный', n'ile:d 'изредка', n'imgεŋ 'тонкий', n'ε:xe 'открывать', n'udarga 'кулак', n'üdü:r 'чугунный пестик', n'üdeŋ 'глаз', n'üdexe 'толочь', n'ulag 'лебеда (трава)', n'ulgarça 'обдираться', n'urgabsa 'коромысло', n'urгаŋ 'спина', n'uru: 'подходяще, ничего', n'üsegeŋ 'голый', n'utag 'родина', n'u:r 'лицо', n'u:sa 'тайна', n'u:ça 'прятать', n'uçaça 'мять', n'a:ça 'клеить', n'agta 'аккуратный', n'alzagar 'скользящий', n'alu:ŋ 'пресный', n'alça 'ребенок', n'aha 'шелчок', n'ahalça 'шелкать'.

В современных монгольском и калмыцком языках мягкость согласных не является в такой степени последовательной. Многие приведенные выше слова с инициальным мягким п' произносятся в этих языках с обычным твердым п: монг., калм. наах 'клеить', монг. ноднин, монг. нээх, калм. неех 'открывать', монг. нударга, калм. нудрм 'кулак', монг. нуруу, калм. нурһи 'спина', монг., калм. нуух 'прятать', монг., калм. нууц 'тайна', монг. нухах, калм. нухх 'мять', монг. нүд, калм. нүдн 'глаз', монг. нүүр, калм. нүр 'лицо', монг. нүдүүр, калм. нүдүр 'пестик, колотушка', монг. нүдэх, калм. нүдх 'толочь', монг. нулгаах 'тянуть зубами' и т.п.

Если релевантность или нерелевантность палатализации в монгольских языках более или менее установлены, то конкретное проявление палатализации внутри отдельных монгольских языков изучено недостаточно. Даже в одном и том же языке некоторые согласные четко разграничиваются по признакам палатализованности и непалатализованности, а другие индифферентны к ним. Это касается не только отдельных звуков, но и позиций в словах. Например, бурятский язык более последовательно дифференцирует палатализацию, чем современный монгольский, калмыцкий и другие монгольские языки. Но в том же бурятском языке согласный р в заимствованном слове 'печь' может употребляться как в мягком, так и в твердом варианте: p'ε:šcεŋ ~ pε:šcεŋ или даже в виде слабого согласного п, также не различающего мягкость и твердость: b'ε:šcεŋ ~ bε:šcεŋ. Перед среднеязычным ј звук г тоже может произно-

ситься двояко: ar'ja:l ~ arja:l 'громадный, огромный'. Но в этом, казалось бы, еще не установившемся явлении фонологизации признака палатализации есть определенная закономерность. Например, в бурятском языке последовательно происходит инициальная палатализация согласных перед историческим *i*, тогда как в других монгольских языках, как показано выше, в этой позиции фиксируется почти полное отсутствие палатализации.

Другим видом дополнительной артикуляции, характерным для звукового строя бурятского языка, является лабиализация. Признак лабиализации, как и во многих других языках, обусловлен сочетанием согласных с огубленными гласными. Он не является дифференциальным или фонематическим для бурятского языка. При образовании лабиализованных аллофонов дополнительно к основной работе активного органа артикулируют губы, которые выпячиваются вперед, образуя переднее отверстие ротового резонатора в форме плоской или круглой щели, увеличивая и изменяя его объем. Заметное влияние лабиализованных гласных на предшествующий согласный характерно не только для бурятского языка. Л.В. Бондарко, описывая звуковой строй современного русского языка, отмечает, что "наиболее сильным изменением, характеризующим все группы согласных в сочетаниях СГ, является их изменение под влиянием огубленности следующего гласного"⁷⁴. Как известно, акустическим эффектом огубления является некоторое понижение собственного тона согласного, обусловленное увеличением резонирующей полости. Здесь, видимо, имеет место не ослабление мускульного напряжения, а ослабление акустического эффекта примерно по принципу действия активного интерференционного глушителя в технике. На основе сопоставительного спектрального анализа согласных перед гласными *и* и *о* и этих же согласных без последующих *и* и *о* Бондарко приходит к выводу, что "нижняя граница шума у лабиализованного согласного ниже, чем у нелабиализованного; верхняя граница также может быть ниже. Общая интенсивность шумовых составляющих у лабиализованных согласных ниже, чем у нелабиализованных"⁷⁵.

Степень и характер огубленности согласных бурятского языка зависят от степени и характера огубленности сочетающихся с ними гласных. Позиция согласных по отношению к этим гласным также влияет на степень огубления: перед огубленными гласными согласные больше огублены, чем в позиции после огубленного гласного. В первом случае согласный огубляется на протяжении почти всех фаз артикуляции, а когда согласный стоит после огубленного гласного, огубление охватывает только первую или вторую фазу артикуляции. При сочетаниях СГ произносительные органы занимают положение, необходимое для произношения гласного одновременно с началом артикуляции начального согласного. Степень огубленности согласных находится в непосредственной зависимости от степени огубленности сочетающихся с ними гласных. Например, звук *x* перед дифтонгом *üi* в словах типа *xüiteŋ* 'холод', *xüixer* 'удалой' очень огубляется: губы сильно выпячиваются вперед, заметно на-

прягаясь, и образуют переднюю границу резонирующей полости в виде сильно округленного отверстия. В позиции перед гласными \ddot{u} ; и $\ddot{ü}$ в словах типа $x\ddot{u}:rge$ 'мост', $x\ddot{u}xe$ 'синий' степень огубленности несколько ослабляется, а перед широким гласным \ddot{o} : в словах типа $x\ddot{o}$: 'уголь', $x\ddot{o}:raxe$ 'беседовать' переднее отверстие становится более широким и уплощенным, чем перед предыдущими гласными. Огубленные гласные твердого ряда \ddot{u} , u : , u , oe , o , o : по сравнению с гласными мягкого ряда оказывают значительно меньшее влияние на предшествующие согласные как по степени, так и по характеру огубленности. По силе влияния на сочетающиеся с ними согласные все огубленные гласные бурятского языка можно расположить в следующем убывающем порядке: \ddot{u} → $\ddot{ü}$ → \ddot{u} → \ddot{o} : → \ddot{u} → u : → oe : → o : → o .

Для бурятского языка можно выделить таким образом два типа огубленных согласных:

- 1) сильное круглое огубление, когда за согласным следуют огубленные гласные мягкого ряда;
- 2) слабое плоское огубление, когда за согласными следуют огубленные гласные твердого ряда.

Лабиялизованность и нелабиялизованность не являются дифференциальными признаками согласных бурятского языка, поскольку свойственны всем согласным фонемам. Эти особенности обязательно должны учитываться в практической работе над языком, например в практике преподавания бурятского, а также русского и иностранных языков в бурятской школе.

Менее заметной дополнительной артикулирующей согласных бурятского языка является назализация, которая заключается в том, что во время произнесения звуков опускается мягкое нёбо. Все щелевые согласные фонемы бурятского языка могут легко назализоваться. Это происходит в позиции их непосредственной близости к носовым фонемам, когда они находятся рядом с носовыми или отделяются от них лишь одним гласным. Например, в словах типа $najaŋ$ 'восемьдесят', $naŋaŋ$ 'возраст' и т.д. оказываются назализованными все согласные и гласные. Сравнительная легкость назализации щелевых согласных фонем, а также и гласных фонем бурятского языка объясняется особенностью его артикуляционной базы, для которой характерно относительно слабое мускульное напряжение полости рта, в том числе мускулов мягкого нёба. При ослабленных мускулах небная занавеска опускается, как при обычном процессе дыхания, и после носовых согласных поднимается не сразу, что при артикуляции щелевых звуков придает им оттенок назализации, так как струя воздуха при этом имеет двухканальный выход: через полость рта в основном, через полость носа дополнительно. В этом отношении бурятский язык заметно отличается от современного монгольского и калмыцкого языков, что объясняется различием в степени напряженности артикулирующих органов и особенностями редукции непервослоговых гласных. Для русского языка характерна также значительно меньшая степень назализации, чем для бурятского. При постановке правильного русского произношения в бу-

рятских национальных школах эта, на первый взгляд малозаметная, произносительная особенность может стать серьезной проблемой.

Ограниченное распространение имеет фарингализация гласных. Это явление замечено в говоре байкало-кударинских бурят. Гласный œ, довольно распространенный в эхиритских говорах, в ограниченном количестве слов у байкало-кударинцев произносится с заметным напряжением в области глотки и корня языка. Это явление впервые было определено как фарингализация в 1960 г. во время диалектологической экспедиции к байкало-кударинским бурятам. Это была первая экспедиция с широкой экспериментальной программой (производились кимографические записи, палатографирование, рентгенографирование). Экспериментальной частью работы экспедиции руководил В.М. Наделяев.

Слова *mœ;hoŋ* 'черемуха', *üihen* 'береста' в этом говоре произносились исключительно своеобразно – как *mœʰŋ* и *œʰŋ* с приложением "значительных произносительных усилий". Двухсловные слова становятся однословными, интервокальный *h* выпадает, а вся семантическая нагрузка падает на этот гласный с дополнительной фарингализованной артикуляцией. В противном случае вновь образованные словоформы *mœŋ* и *œŋ* (без фарингализации) теряют свои первоначальные значения, совпадают со словами с другим содержанием или превращаются в бессмысленные наборы звуков.

Явления фарингализации в тюркских и тунгусо-маньчжурских языках впервые было определено как "фарингализация" (терминологически и по существу) В.М. Наделяевым еще в 1947 г. ⁷⁶

Как писал Наделяев, качественной спецификой фарингализованных гласных является "значительная напряженность мускулов в области глотки, в том числе и особенно мускулов корня языка, что... вызывает выпячивание корня языка вместе с эпиглоттисом к задней стенке глотки... мускульная напряженность распространяется и на голосовые связки", с чем связано "понижение основного тона в течение всей фонации гласного или только части фонации" ⁷⁷.

Учитывая обязательное понижение основного тона гласных, которые подвергаются фарингализации, Наделяев предполагал, что "в диахроническом плане есть основание считать фарингализацию реликтом разрушенной тональной системы субстрата, так как явление фарингализации имеет региональное околобайкальское – приенисейское распространение" ⁷⁸.

Наряду с такими языками этого региона, как тувинский, тофский, уйгуро-урянхайский, эхиритский говор бурятского языка, фарингализация развита и в эвенском языке. На основании этой фонетической особенности и некоторых других данных В.М. Наделяев делал существенный вывод о том, что "эвенов можно считать относительно недавними мигрантами из данного региона на северо-восток, приобретшими новый для себя тунгусо-маньчжурский язык в процессе этой миграции" ⁷⁹.

В байкало-кударинском говоре почти регулярно выпадает интервокальный h. В данном случае при стечении гласного œ и h в середине слов *тое:hoŋ*, *œ:hoŋ* выпадение фарингального h компенсировано фарингализацией предшествующего гласного. Что же касается того, что в данном случае доминирующей оказалась фарингализация, а не какие-либо другие звуковые комплексы, можно предположить, что в данной ситуации мог иметь место вторичный субстрат, аналогично звуку x, который употребляется в этом же говоре вместо общебурятского h.

ПОЗИЦИОННОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ СОГЛАСНЫХ И ОСОБЕННОСТИ ИХ СОЧЕТАЕМОСТИ МЕЖДУ СОБОЙ

В бурятском языке, так же как и в других монгольских языках, вопрос о позиционном употреблении согласных и связанной с ним сочетаемостью согласных между собой имеет большую практическую и теоретическую значимость. Он связан с исторически сложившейся артикуляционной закономерностью языка и пронизывает всю его фонетическую структуру. В условиях интенсивно развивающегося билингвизма и современной языковой ситуации изучение данной проблемы приобретает особую актуальность. Между тем этот вопрос, вплоть до недавнего времени, не рассматривался ни в практических курсах, ни в теоретических работах по фонетике. Лишь в последние годы Г.Д. Санжеев провел некоторые исследования по стечению согласных в старописьменном и современном монгольском языках, где обратил особое внимание на межморфемные и внутриморфемные сочетания согласных и на их разграничения.

В монгольских языках, в частности в бурятском, согласные звуки имеют строго определенную позиционную закрепленность. Одни согласные не употребляются в начальной позиции слов, другие не могут употребляться в конце слов, употребление одних полностью исключено в начале слогов в середине слова, других, наоборот, в конце слога и т.д. Например, ни одно собственно монгольское слово не начинается со звуков r или r', а также заднеязычного ŋ, хотя в самих монгольских языках эти звуки являются довольно распространенными. Редко встречаются в начале слов сонанты l и l'. В конце слов в бурятском языке почти не встречаются сильные согласные фонемы, очень редки s и s', которые могут находиться в конце лишь нескольких звукоподражательных слов. Исключено употребление в исходе слов мягких согласных и слабых фонем, кроме глухих вариантов b, d, g. Г.Д. Санжеев отмечает, что в старописьменном монгольском языке "согласные x, t, t'š, d'ž, j, k, ts, dz ~ z никогда не встречаются перед каким бы то ни было согласным, а следовательно, и в конце слога; иными словами, эти согласные могут находиться только перед каким-нибудь гласным".

Позиционная закрепленность согласных – это фонетическое явление, связанное с исторически сложившимися артикуляционными за-

закономерностями языка. В современных монгольских языках в начальной позиции слов (и слогов) преобладает употребление сильных (глухих) согласных, а в конце слов (и слогов) – слабых и сонантных гласных. Такая тенденция уходит своими истоками в древнее состояние языка, где морфемы (слоги) начинались с сильных смычных согласных. Такая тенденция уходит своими истоками в древнее употребление сонантов в начале слова характерно не только для монгольских языков, в тюркских языках "сонанты употреблялись в конце слова и отсутствовали в начале"⁸¹.

Закономерности употребления согласных в словах и слогах, естественно, отражаются на правилах сочетаемости согласных звуков между собой. В монгольских языках не каждый согласный звук может находиться рядом с любым согласным, сочетания согласных ограничены строго определенными закономерностями. Поэтому комбинаторная характеристика парадигм сочетающихся согласных в этих языках выходит за пределы чисто регистрационных значений и составляет одну из своеобразных черт фонетического строя монгольских языков.

Сочетания согласных состоят только из двух консонантных компонентов, встречающихся в середине слова, поскольку в монгольских языках имеют место только двусоставные сочетания согласных. Как в начале, так и в конце слова полностью исключается стечение согласных. Правда, в некоторых современных монгольских языках и диалектах, особенно в калмыцком, частично в современном монгольском, вследствие развитой качественной и количественной редукции гласных и некоторых других внешних причин эта строгая закономерность, характерная для старописьменного монгольского и современного бурятского языков, нарушается. Но и в этих языках легко проглядывается исконное состояние с обычными двусоставными сочетаниями согласных внутри слова. Что же касается бурятского языка, то в нем строго соблюдается употребление двусоставного сочетания согласных, причем только в середине слова.

Выявление закономерностей сочетаемости согласных должно базироваться на анализе большого лексического и текстового материала. С этой целью в лаборатории экспериментальной фонетики Института общественных наук Бурятского филиала СО АН СССР был проведен первый опыт этой работы с использованием ЭВМ. Через электронно-вычислительную машину БЭСМ-4 был пропущен весь словарный состав бурятского языка, отобранный из "Бурятско-русского словаря" К.М. Черемисова и орфографического словаря бурятско-

⁸²
го языка

Для исследования на ЭВМ брались слова бурятского происхождения, а также некоторые русизмы, давно проникшие в бурятский язык и пишущиеся по правилам бурятской орфографии. Кодировка и перфорация слов производились друг от друга пробелом. Общее количество сочетаний мсогласных бурятского языка составило 35088. перфорация слов производились вручную, перфорация шла сплошным текстом, слова отделялись друг от друга пробелом. Общее количество сочетаний согласных бурятского языка составило 35088. Наиболее часто встречается в сочетаниях сонант – 14636 случаев.

Остальные звуки распределяются в следующем порядке: x - 10601, g - 10194, r - 8662, d - 5899, n - 4425, s - 3222, b - 2419, t - 2896, m - 2246, z - 1768, h - 422 и т.д. В препозиции консонантных сочетаний чаще всех встречаются сонанты - 27690. В постпозиции, наоборот, сонанты встречаются реже (2279), чем слабые (14763) и сильные (18049) согласные.

Таким образом, эксперимент показал, что наименее "способными" к сочетаемости в препозиции являются сильные согласные фонемы (всего 400 сочетаний).

В группе сочетаний сильных согласных с сильными выделяется как самый многочисленный комплекс šx (202)⁸³, сочетание sx - 154, st - 48.

Что касается сочетаний, где слабые согласные фонемы находятся после сильных фонем, то они в основном образовались в результате прибавления к основе аффикса отрицания -гуй и изредка встречаются в словах типа p'i:sgaldæ: 'птичка', borbo:sgœ: 'шишка', xūxεsgε: 'трясогузка'.

Сочетание сильных согласных с сонатами встречается в единичных случаях: sl (13), которое образуется на стыке основы и глагольного аффикса -ла (-ло, -лэ): ad'islaxa 'благословлять', xo:losloxo 'колоситься', šm: büšmεg 'густой'.

В сочетании со слабыми согласными b, d, g, z, ž, h в препозиции в основном встречаются сильные согласные (3966 из 6901), почти все они образованы на стыках морфем.

Сочетания со слабыми согласными в постпозиции встречаются значительно реже (2004 сочетания). Особенностью данной группы является то, что в препозиции встречаются фонемы z и ž, что было невозможно перед сильными и сонатами. Сочетания с z и ž в препозиции в целом не характерны для бурятского языка, за исключением zg, которое входит в состав аффикса имени прилагательного -згай: büdü:zgε: 'солидный', u:zgæ: 'широкий', hæ:zgæ: 'спесивый'.

Остальные сочетания со слабыми согласными в постпозиции наблюдаются как в корнях слов, так и на стыках морфем.

Сочетания слабый согласный + сонант встречаются в следующих парах: dm - badma (Бадма - собственное имя), dn - hadnag 'кол', gadna 'далее, кроме того (сочин. союз)', büdne 'перепелка'. Что касается остальных сочетаний, то в основном они образованы путем присоединения к основам, оканчивающимся на b, d, g, аффиксов -ла, -на.

Как уже указывалось, чаще всех в препозиции сочетания встречаются сонанты, всего в 27690 сочетаниях, что составляет почти 79% всех сочетающихся согласных: lx (4573), rx (2100), lt (866), rs (864) и т.д.

Сочетания сонантов со слабыми согласными составляют 12726 единиц, возможны сочетания сонантов почти со всеми слабыми согласными.

Сочетания l, m, n с фарингальным h являются немногочисленными и встречаются, как правило, только в основах слов: xülhen

'пот, испарина', x'umhaŋ 'ногти', œemhoŋ 'чулки', ünheŋ 'зола' и т.п.

В бурятском языке сочетания сонантных согласных между собой составляют 1319. Для них характерно отсутствие в постпозиции сонанта г, который встречается чаще всего в препозиции, образуя всевозможные сочетания с другими сонантными согласными.

Анализ всех типов сочетающихся между собой согласных звуков показывает, что имеются заметные различия между внутриморфемными и межморфемными сочетаниями консонантов. Они, как правило, касаются частоты встречаемости этих сочетаний в бурятском словаре, что было предметом исследования. Некоторые консонантные стечения чаще встречаются на стыках морфем, реже – в составе самих морфем, и наоборот. Например, сочетание dx в основном образуется на стыках морфем, а bɣ̌, как правило в корневых морфемах. Распространенное в бурятском языке сочетание gɣ̌ чаще встречается в составе словообразовательного аффикса, реже – в корневой морфеме и т.д.

Для сопоставления был привлечен небольшой связный текст из повести Х. Намсараева "Цыремпил". Здесь встречаются те же типы сочетаний, которые различаются только по частоте их употребляемости. Оказывается, частота употребления тех или иных двусоставных комплексов сочетаний определяется не фонетическими причинами. Количество сочетаемости согласных зависит, с одной стороны, от морфологической особенности языка – продуктивности тех или иных морфем, а с другой – связано с чисто внешними явлениями: стилем писателя, сюжетной направленностью текста и т.д. Что же касается наличия, точнее, возможности употребления в языке тех или иных типов сочетаний и их позиционных особенностей, то здесь морфологический принцип выступает как следствие фонетической причины.

Таким образом, эксперимент показал, что сочетаемость согласных фонем подчиняется определенным фонетическим закономерностям, которые в современном бурятском языке проявляются в следующем:

1) после сильных согласных фонем не употребляются слабые и сонантные фонемы. Как исключение могут встречаться сонанты л, т после щелевых ɣ̌ и ɣ̌, при этом следует заметить, что в этих позициях звуки ɣ̌ и ɣ̌ произносятся заметно слабее, чем в других условиях. Так что эти единичные случаи можно исключить;

2) сочетания сильных согласных между собой почти не встречаются, за исключением редких случаев – st, sx, ɣ̌x внутри корневых морфем. Почти полное отсутствие употребления согласных непосредственно после сильных фонем объясняется тем, что последние всегда образуют начало слога.

Поскольку в бурятском языке, как и в старолисьменном монгольском, исключено непосредственное сочетание двух согласных в одном слоге, то закономерно, что за сильными согласными фонемами обязательно следуют гласные. Этим же объясняется тот факт, что сильные согласные почти не употребляются в абсолютном исходе слова;

3) после слабых согласных употребляются: из сильных согласных - t, s, ʃ, x; из слабых - d, z, z, т.е. когда слабые сочетаются между собой; из сонантов - m, n, l, l'. Во всех этих случаях в качестве первого элемента двусоставных сочетаний выступают только слабые фонемы - b, d, g;

4) после сонантных фонем употребляются все сильные и слабые согласные, а из самих сонантов в качестве вторых компонентов могут встречаться только следующие звуки: m, n, l, l'. Таким образом, из сонантных фонем в препозиции выступают m, n, l, r и ограниченно l', n', ɲ.

Морфологический и фонетический принципы сочетаемости согласных тесно связаны между собой. Изучение их, как подчеркивал Г.Д. Санжеев, весьма актуально для монгольского языкознания, оно может привести к немаловажным результатам в области исторической типологии монгольских языков.

Фонетическая основа консонантных сочетаний в монгольских языках связана с историей этих языков и регулируется исторической традицией или, точнее, артикуляционной базой того или иного конкретного языка или диалекта. Здесь термин "артикуляционная база" употребляется в трактовке акад. Л.В. Щербы как исторически сложившийся уклад органов речи в артикуляции звуков (и можно добавить для монгольских языков - их сочетаний). В последнее время изучению артикуляционной базы (АБ) языков уделяется самое пристальное внимание. Это понятно, потому что изучение и установление АБ языков, помимо всего прочего, дает очень много дополнительных сведений для выявления различного рода субстратных и даже этногенетических процессов, связанных определенными ареалами распространения языков и миграции их носителей.

Позиционная закрепленность согласных и вытекающая отсюда сочетаемость согласных - это очень существенные и весьма устойчивые признаки фонетического строя монгольских языков, в частности бурятского. Например, в произносительной практике бурят, которые находились в активном русском языковом окружении больше 20-30 лет, наблюдаются орфоэпические ошибки при произнесении русских слов, в первую очередь при сочетании согласных. Получается "тарактор", "выньмание" вм. трактор и внимание и т.д. И не случайно практики-языковеды обращаются именно к этой проблеме при постановке правильного русского и иностранного произношения у учащихся-бурят.

Особенности сочетаемости согласных тесно связаны со слогоделением. По этому поводу Г.Д. Санжеев писал, что в монгольском языке в границах слога вообще невозможно никакое стечение согласных, консонантные компоненты слова при слогоделении обязательно расходятся по разным слогам. В бурятском языке встречается много словообразовательных аффиксов с двумя сочетающимися согласными в начале, типа -гша, -нги, -мта и т.п. При делении слов на слоги согласные этих аффиксов расходятся по разным слогам, например оро 'входи' + аффикс -гшо, слово в целом делится на слоги о-рог-шо, первый элемент аффикса - согласный -г - отхо-

дит к корневой морфеме. Правда, генетически эти сочетающиеся согласные входили в состав разных морфем. Развивая этот тезис, Г.Д. Санжеев пишет: "В прамонгольском языке граница между морфемами всегда совпадала с границей между слогами"⁸⁴

СЛОГОДЕЛЕНИЕ, ТИПЫ СЛОГОВ И КОРНЕЙ

В общей лингвистике слог определяется как минимальная произносительная единица. Деление слов на слоги не связано ни с семантикой, ни с межморфемными границами слов. Межслоговая граница слов не является постоянной, она легко может перемещаться в процессе словоизменения и изменения фонетической структуры слова. Например, в бурятском языке корневая или аффиксальная морфема может составить самостоятельный слог, или некоторые звуки корня слова при слогоделении могут примкнуть к аффиксу, или наоборот: гар-тай – гар 'рука', -тай – афф. совм. п.; га-рын или га-рай 'руки (род. п.)'; га-раа-раа 'своей рукой' (орудн. п.) и т.п.

Для большинства языков констатируется, что образование слогов не связано со смыслом и морфологическими границами в этих языках. Но несмотря на это, нет общих для всех языков правил слогоделения, что показывает обусловленность слогоделения исторически сложившимися артикуляционными традициями каждого конкретного языка. По-видимому, этим объясняется тот факт, что в общем языкознании до сих пор нет единой теории слога.

Большую экспериментальную работу по определению слоговой границы и типов слогов в русском языке проводила Л.В. Бондарко, которая пришла к выводу, что для русского языка характерна тенденция к образованию открытого слога. Даже в том случае, когда в середине слова встречается сочетание, согласных типа ГССГ, то оба сочетающихся согласных больше тяготеет ко второму гласному: мосты, ме-шки и др.⁸⁵

В бурятском сочетающиеся согласные обязательно расходятся по разным слогам.

Двусоставное сочетание согласных в бурятском языке встречается исключительно в середине слога, сочетание согласных в начале слога или в конце полностью исключается. Вершиной любого бурятского слога является гласный звук: сколько гласных в слове, столько в нем и слогов. При выпадении гласных в слове соответственно сокращается количество слогов в нем: если лит. бур. произношение допускает в слове гараба 'выходит' три открытых слога гара-ба, то по диалектам это слово чаще произносится гар-ба в том же значении.

В этом отношении бурятский язык отличается от других монгольских языков. Ф.Я. Владимирцов отмечал, что в халха-монгольском языке "носовые и плавные согласные" в определенных позициях могут играть роль слогообразующих согласных"⁸⁶. Г.Д. Санжеев от-

мечает, что согласные р, л, н в калмыцком языке оказались сло-
образующими⁸⁷. Некоторые исследователи находят сло-
образующие согласные и в бурятском языке⁸⁸.

Экспериментальный анализ показывает, что в каждом бурятском слоге обязательно присутствует гласный звук. Для произносительной нормы бурятского языка характерно полногласие, что несвойственно другим монгольским языкам. Эта артикуляционная особенность существенным образом отражается на типе слогов и на процессе слогаделения в бурятском языке.

Бурятский слог может состоять из одного гласного (Г), из согласного и гласного (СГ), из гласного и согласного (ГС) и, наконец, из согласного, гласного и согласного (СГС). Каждый слог, как указывалось выше, имеет один гласный, который при этом является слогаобразующим, т.е. выступает как вершина слога, и может сам по себе образовать слог, тогда как согласные звуки в этом отношении являются неслогаобразующими и при слогаделении выступают как подчиненные и сами по себе образовать слог не могут. Поэтому общий принцип бурятского языка в слогаделении, как

и в большинстве других языков, - сколько гласных, столько и слогов⁸⁹.

В делении бурятских слов на слоги и в определении типа и состава слогов с фонетической точки зрения большую роль играют особенности сочетаемости согласных и их позиционного употребления.

Любая согласная фонема внутри бурятского слова, не сочетающаяся с другой согласной фонемой, обязательно тяготеет к последующему гласному: а-ха 'брат', э-рэ 'мужской', а-ба-ха 'брат' и т.п. Если согласный внутри слова сочетается с другим согласным, то они разойдутся по разным слогам: эр-тэ 'рано', эб-тэй 'спяный' и т.п. Поэтому независимо от принадлежности сочетающихся согласных к одной и той же морфеме при слогаделении они обязательно распределяются по разным слогам. Этими же причинами объясняется позиционная закреплённость различных типов слогов.

Типы бурятских слогов определяются, таким образом, довольно просто - правилами стечения согласных между собой и закономерностями позиционного употребления согласных, а также отсутствием сочетания двух и более гласных в словоформах.

1. Слоги, состоящие из одной гласной фонемы, встречаются только в начальной позиции слова, где в бурятском языке исключительно непосредственное сочетание двух согласных; согласный внутри слова, не сочетающийся с другим согласным, обязательно тяготеет к последующему гласному.

Этот тип слога представлен в следующих трех формах: Г, Г:, Г*, где Г - краткий гласный, Г: - долгий гласный, Г* - дифтонг.

1) Г

а-ба 'отец', э-хэ 'мать', и-наг 'дружеский';
о-лон 'много', у-бэл 'зима', у-һан 'вода';

2) Г:

уу-ла 'гора', оо-һор 'веревочка', аа-лин 'тихий';
уу-лэн 'облако', еэ-дөө 'выше', ии-мэ 'такой';

3) Г·

уй-ла-ха 'плакать', уй-лэ 'деятельность'; ай-маг 'район', ой-ро 'близко'.

Кроме того, формы слогов Г: и Г· используются как звуковые оболочки односложных слов: названия гласных букв бурятского алфавита и некоторых других, например уу 'пей', ай 'бойся', ой 'лес'.

2. Слоги, состоящие из гласного и согласного, встречаются также только в начале слова, и объясняется это теми же причинами: с одной стороны, отсутствием в бурятском языке непосредственного сочетания двух гласных, с другой – обязательным расхождением сочетающихся согласных по разным слогам.

Этот тип слога также представлен тремя формами – ГС, Г:С, Г·С. Все разновидности этого типа слогов могут быть использованы как оболочки односложного слова.

1) ГС

ал-дуу 'ошибка', эр-дэм 'мастерство'; ор-дон 'дворец', ур-гы 'подснежник'; ур-гэ-хэ 'поднимать', эб 'согласие'; аб 'чары, волшебная сила'.

2) Г:С

аар-са 'молочный продукт'; оог-ло-хо 'кликать'; уул-га-ха 'давать пить'; уур-гай 'гнездо'; үүл-тэр 'порода', ээл-жээн 'очередь'; еэр-шэл-хэ 'делать что-либо по своему'; ааг 'язычок (у рыболовного крючка)'; ээм 'плечо'; үүр 'рассвет'; уур 'гнев'.

3) Г·С

айр-һан 'творог (высушенный)'; айм-хай 'трусливый'; ойл-гом-жо 'понятие'; ойм-һон 'чулки'; үйр-мэг 'порошок'; уйд-хар 'грусть'; айл 'постройка, семья'.

3. По правилу бурятского слогоделения и по закономерности сочетаемости звуков слоги, начинающиеся с согласных звуков, могут встречаться в любой позиции слова. Кроме того, они используются как оболочки односложных слов.

Слоги, состоящие из согласного и гласного, представлены в следующих формах: СГ, СГ:, СГ·.

1) СГ

да-ба-һан 'соль'; бо-ро 'серый'; ар-ба-га-на-ха, эр-бэ-гэ-нэ-хэ 'размахивать руками, вертеться'; би 'я' (мест); ха 'видимо, модальн. част.', ши 'ты (мест.)'.

2) СГ:

хаа-гаа 'закрыл'; дүүр-гээ 'выполнил'; дүү-е-хэ 'шуметь'; зу-рии-ха 'четко выделиться'; за-паа 'гребешок'; саа-шаа 'дальше'; хаа 'закрой'; буу 'ружье'.

3) СГ·

С + ай и С + ой встречаются в любой позиции слова: бай-ха 'стоять'; о-рой-хо 'окутывать'; мал-гай 'шапка'; той-ро-хо 'кружиться';

С + уй и С + үй, как правило, употребляются в начале слова, а в конце слова употребляются лишь в составе отрицательной частицы –гүй (С + үй):

гүй-хэ 'бежать'; гуй-ха 'просить';
я-ба-ха-гүй 'не пойдет'.

4. Тип слога, состоящего из согласного, гласного и согласного, так же как и все другие типы, представлен тремя формами: СГС, СГ:С, СГ·С.

1) СГС

тэс-хэ-гэр 'пузатый'; ү-дэр 'день'; ху-дал-да-ха 'продавать';
дэл-бэр-хэ 'разбиваться'; гар 'рука'; гэр 'юрта, дом'.

2) СГ:С

тээр-мээр 'мельницей (орудн. п.)'; са-гаан 'белый',
ха-раас-гай 'ласточка'; хуур (музыкальный инструмент);
сээл 'пучина, глубь'; суур 'стебель трубчатых растений'.

3) СГ·С

у-лайр-ха 'становиться красным'; хойз-гойр-хо 'двигаться вперед-
валку'; да-лайн 'моря (род. п.)'; хайр 'щебень'.

Таким образом, все слоги бурятского языка сводятся к четырем типам: 1) гласный, 2) гласный и согласный, 3) согласный и гласный, 4) согласный, гласный и согласный, из которых первый и третий являются открытыми, а второй и четвертый – закрытыми. Как исключение в бурятском языке встречаются слоги СГСС в звукоподражательных словах типа һард, шард, тэрд и т.п.

В бурятском языке употребляется протетический звук "ʁ" – гортанный смычный. В квадратном письме все слова современных монгольских языков, начинающиеся с гласных, обозначались (вероятно, и произносились) с гортанным смычным "ʁ" в анлауте. Этот звук употребляется и в середине слова на стыке гласных.

В бурятском языке со строго фонетической точки зрения нет слов, начинающихся с гласного звука. Все они имеют в начале слова гортанный смычный "ʁ". В квадратном письме гортанный смычный обозначался знаком Γ под № 29, в транскрипции – точкой слева вверху гласного ('а). По всей вероятности, в то время этот звук воспринимался как самостоятельная фонема и соответствующим образом обозначался. И если иметь в виду гортанный смык, который сопровождает все слова, начинающиеся с гласных звуков, то фонетически в бурятском языке вообще отсутствует слог, начинающийся с гласного. Таким образом, в бурятском языке нет слогов типа Г или ГС, а могут быть только СГ, СГС, где Г соответствует кратким, долгим гласным и дифтонгам.

В современном бурятском языке наблюдается тенденция к сокращению слогов: вм. "гараба" часто можно слышать "гарба", вм. "эрэбэ" – "эрбэ", вм. "ошобо" – "ошбо", вм. "ябаба" – "ябба".

Даже русские слова типа "хорошо" часто произносятся "хоршо", "далеко" – "далько" и т.п.

Н.А. Баскаков, выделяя шесть основных типов слогов в тюркских языках, утверждает, что "структура слогов в тюркских языках совпадает со структурой типичных корней самостоятельных слов". Эти шесть типов состоят из одного гласного (Г), согласного и гласного (СГ), гласного и согласного (ГС), согласного, гласного и согласного (СГС), гласного и двух сочетающихся согласных (ГСС) и, нако-

конец, согласного, гласного и двух сочетающихся согласных (СГСС). Однако более типичным и более древним является корень, состоящий из согласного, гласного и согласного (СГС). "Что касается остальных, то последние представляют собой более поздние модификации корня типа С+Г+С, возникшие или путем редукции начального и конечного согласного С+Г+С, например е- 'быть' <(й)ер-; ср. чагат. ер- || ир- 'быть', или путем редукции только конечного согласного С + Г (+С). Например, де- 'говорить', дже- 'есть' (<дей, йей - ср. ног., новоиуг. и др. дейиш 'говорение'; йейиш 'еда'), или путем редукции начального согласного (С+)Г+С, ср., например, тур. ол- 'быть', кыпч. бол- 'быть', или путем присоединения словообразовательных элементов в корнях типа айт- 'сказать'; кьайт- 'возвращаться', где коренными звуками являются Г + С в первом и С + Г + С - во втором"⁹⁰.

Если корни слов в древних тюркских языках преимущественно являлись односложными, то для бурятского языка четко проглядывается употребление корней, состоящих главным образом из двух слогов. Внутри монгольских языков, по данным их современного состояния, в этом отношении не было полного единообразия. Каждый конкретный язык имеет свою особую звуковую структуру слова, этой основной единицы языка. Поэтому выявление типов корней и аффиксов непосредственно связано с процессом слогоделения и типами слогов.

Изучением состава морфем обычно занимается грамматика, но установление звуковой структуры корней и аффиксов, выявление их звуковых моделей является неотъемлемой частью фонетики. Таким образом, выявление и описание типов корней и аффиксов является своеобразным мостом от фонетики к морфологии.

В целях сопоставления с типами слогов здесь обобщенно приводится перечень типов корней, безотносительно к их семантике и их лексико-грамматическим категориям.

А. Односложные корни

1. Г: аа, оо, ии и т.д. (названия букв бурятского алфавита); уу 'пей'.
2. Г• ай 'бойся'; ой 'лес'; уй 'тоска, скорбь'.
3. ГС аб 'чары, волшебная сила'; он 'год'; эб 'союз'; ан 'зверь'; уг 'родословная'.
4. Г:С ааг 'язычок (у рыболовного крючка)'; уур 'гнев'; ээм 'плечо'.
5. Г•С айл 'семья, улус'; ойн 'ум, разум'.
6. СГ хэ 'делай'; ха 'видимо, кажется (мод. част.)'; би 'я'; ши 'ты'.
7. СГ: бии 'есть'; һуу 'садись'; таа 'отгадай'; хээ 'узор', хаа 'закрой'.
8. СГ• бай 'стой'; сай 'чай'.

9. СГС гар 'рука'; саг 'время'; туг 'знамя'; ном 'книга'.
10. СГ:С хоол 'пища'; хаад 'препятствие'; нөөм 'пядь'.
11. СГС нойр 'сон'; нойр 'глухарь'; найн 'хороший'; дайн 'война'; хайр 'щепень'.

В группе односложных корней более употребительными являются последние пять типов (СГ:, СГ-, СГС, СГ:С, СГ·С). Первые шесть типов встречаются очень ограниченно.

Б. Двусложные корни

1. Г-СГ у-ла 'подошва', ү-рэ 'семена', э-мэ 'женщина', э-рэ 'мужчина', а-ба 'отец', а-ха 'старший брат'.
2. Г:-СГ уу-ла 'гора', уу-са 'круп (лошади)', ээ-рэ от гл. ээрэхэ 'прясть'.
3. Г-СГ ой-ро 'близко', үй-лэ 'деятельность'.
4. Г-СГ: у-гаа 'вымой', ү-рээ 'благослови', о-боо 'куча'.
5. Г-СГ· а-рай 'едва, с трудом', о-рой 'вершина'.
6. ГС-СГ ар-га 'способ', ал-ха 'молоток', ол-бо 'белка-летяга', ур-га 'шест'.
7. Г:С-СГ аар-са 'молочный продукт', уул-за 'встречай'.
8. ГС-СГ: ар-баа 'двухколесная телега'.
9. ГС-СГ· ал-май 'беспечный'.
10. Г:С-СГ· уур-гай 'гнездо', ууз-гай 'широкий'.
11. ГС-СГС ар-һан 'шкура', ор-дон 'дворец'.
12. Г:С-СГС ууш-хан 'легкие'.
13. Г:С-СГС үйр-мэг 'порошок'.
14. ГС-СГ:С ар-шаан 'целебный источник'.
15. СГ-СГ ха-ра 'черный', бу-ха 'бык', та-ха 'подкова'.
16. СГ:-СГ јаа-ра 'спешит', бөө-ри 'почки'.
17. СГ·-СГ дай-ра 'задень', хай-ра 'прожги'.
18. СГ-СГ: хю-рөө 'пила', дү-рөө 'стремя', ха-раа 'ругай'.
19. СГ-СГ· да-лай 'море', но-хой 'собака', га-хай 'свинья', могой 'змея'.
20. СГ:-СГ: бээ-лээ (орф. бээлэй) 'рукавица'.
21. СГ:-СГ· хоо-лой 'горло'.
22. СГ-СГС га-зар 'земля', һа-хал 'борода', са-һан 'снег'.
23. СГ-СГ:С ха-заар 'узда', бу-ряд 'бурят'.
24. СГ:-СГС баа-тар 'богатырь'.
25. СГ·-СГС һай-бар 'иноходь', хүй-тэн 'холод', хүй-хэр 'удалой'.
26. СГС-СГ тар-хи 'мозг', хүр-зэ 'лопата'.
27. СГС-СГ· хор-хой 'червь'.
28. СГ:С-СГ тээр-мэ 'мельница'.
29. СГ:С-СГ· бааб-гай 'медведь'.
30. СГ·С-СГ· һайз-гай заносчивый'.
31. СГС-СГС хур-дан 'быстрый', дар-хан 'кузнец'.
32. СГ:С-СГС саар-һан 'бумага'.
33. СГ·С-СГС хайр-саг 'ящик'.
34. СГС-СГ:С тур-лааг 'ворона'.

Если наиболее распространенными типами корней в тюркских языках являются односложные корни, то в бурятском языке, наоборот, наиболее употребительны двусложные корни, особенно корни типа Г-СГ; СГ-СГ; СГ-СГС.

В. Трехсложные корни

1. Г-СГ-СГ а-би-ра 'лезь'.
2. Г:-СГ-СГ уу-да-ла 'разворот'.
3. Г-СГС-СГ а-бар-га 'исполинский'.
4. ГС-СГ-СГ ан-га-ра 'Ангара', он-го-со 'лодка'.
5. ГС-СГ-СГС ан-за-һан 'соха', үн-дэ-гэн 'яйцо'.
6. ГС-СГС-СГ ар-гам-жа 'веревка (из кожи)'.
7. СГ-СГС-СГ Сэ-лэн-гэ 'Селенга', һо-лон-го 'радуга'.
8. СГ-СГ-СГ бэ-дэ-рэ 'ищи', ха-та-ра 'пляши'.
9. СГ-СГС-СГ да-бир-хай 'деготь'.
10. СГ-СГ:С-СГ ха-раас-гай 'ласточка'.
11. СГ:-СГ-СГС хуу-да-һан 'страница'.
12. СГ-СГС-СГС ха-шар-һан 'чешуя'.
13. СГ-СГ-СГ:С хи-мо-роон 'вражда'.
14. СГС-СГ-СГ хан-да-гай 'лось'.
15. СГС-СГ-СГС һурь-мо-һон 'ресницы', бам-ба-гар 'пушисты'.
16. СГС-СГ:-СГС бур-гаа-һан 'дерево'.
17. СГС-СГС-СГ бул-шар-хай 'железы'.
18. СГС-СГ-СГ:С бул-жа-муур 'жаворонок'.

Трехсложные корни встречаются редко. Приведенные типы трехсложных корней показывают, что исторически они являются производными от двусложных или односложных корней. Звуковой состав третьих слогов четко показывает их аффиксальное происхождение, но в настоящее время эти аффиксы являются мертвыми.

Монгольские языки в течение многих веков развиваются самостоятельно, некоторые из них независимо друг от друга. По мере удаления от языка-основы во времени и пространстве каждый из вновь образованных языков приобретает все большую автономность и новые, характерные только для него черты, отличающие его от других родственных языков.

Несмотря на это, внутренние процессы и явления, происходящие в каждом конкретном языке, развиваются в общем в идентичных направлениях. Только этим можно объяснить, что современные монгольские языки в основных своих чертах, приобретенных уже в период их самостоятельного развития, имеют больше сходства, чем различий. Исследуя аналогичные явления в индоевропейских языках, один из крупнейших компаративистов первой половины XX в. А. Мейе выдвинул теорию о параллелизме развития родственных языков, обусловленных свойствами их внутренней структуры. Он писал, что "в целом развитие шло параллельно, и потому современные языки представляют все же больше общих сходных черт, чем мы могли ожидать, судя по самостоятельности развития каждой из них"¹.

В качестве иллюстрации сходных или параллельных путей развития многих фонетических процессов и явлений, происходящих в разных монгольских языках в период их самостоятельного развития, могут служить: образование долгих гласных, монофтонгизация дифтонгов, редукция кратких непервослоговых гласных, палатализация твердых согласных, спирантизация смычных согласных и т.д. Изучение этих внутривидовых параллельно развивавшихся фонетических процессов — одна из основных задач данного исследования. Само собой разумеется, что они не могут быть полностью идентичными на всех уровнях и на всех этапах развития этих родственных языков и диалектов. Каждый из них имеет свою историю и свои особенности в области фонетики, грамматики и лексики.

Что же касается наиболее оригинальных и контрастных черт каждого языка и диалекта, то они относятся к реалиям, связанным с различными ситуациями экстралингвистического характера. Эти внешние факторы оказали заметное влияние на процесс становления звукового строя бурятского языка и его диалектов. В данной работе подробно рассмотрены такие внешние факторы в развитии бурятского языка, как субстраты, процессы конвергенции и дивергенции звуков, интерференции и заимствования, которые связаны с процессом взаимодействия языков или входят в сферу действия языковых контактов.

История бурятского языка показывает, что он имел длительный контакт с эвенкийским языком, носители которого наряду с тюркоязычными племенами занимали территорию вокруг Байкала в период, когда туда прибыли первые монгольские племена.

При этом можно полагать, что тюрки занимали в основном низменные, пригодные для пастбищ угодья, а эвенки – горные и таежные места. Поэтому, вероятно, столкновение первых монголов с тюрками (с основной массой) носило разовый и кратковременный характер, в результате чего тюрки, древние курьканы, были оттеснены на север, тогда как эвенки продолжали обживать малодоступные горно-таежные места.

Естественным результатом длительного сосуществования двух этносов – эвенков и монголов – в пределах одной или смежной территории явилось взаимодействие их языков.

О продолжительных и оживленных контактах предков бурят и тунгусских племен свидетельствуют многие факты как чисто языкового, так и исторического, антропологического и этнического характера. Наиболее характерным в этом отношении является то, что современные бурятские топонимические названия в большинстве своем являются эвенкийскими словами. Эвенкийские топонимы встречаются во всей этнической Бурятии, включая автономные округа в Иркутской и Читинской областях. Между прочим, топонимика является одним из существенных показателей действия субстратных явлений. П.С. Кузнецов, выступая на дискуссии по теории языкового субстрата, говорил: "Если в состав одного языка входят лексические заимствования из языка, который исчез, это и будет субстрат. В этом плане топонимика также принадлежит субстрату (разрядка наша. – И.Б.)"².

Как указывалось выше, названия таких основных водных артерий, как Селенга – по-эвенкийски 'железный', Ангара 'раскрытый', Хилок (килга) – 'точильный камень', Кулинга – 'змеиный' и другие, по долинам которых издревле проживают буряты, имеют эвенкийское происхождение. Названия таких местностей, как Ага (название речки и степной местности в Читинской области), означает по-эвенкийски 'поле, открытое место, степь', Анга (название речки и местности в Качугском и Ольхонском районах Иркутской области) – 'щель, узкое место', Ашанга (местность в Хоринском районе) – 'женский', Могзон (железнодорожная станция и местность в Читинской области) – 'длинное озеро', Тэгда (название села и местности в Хоринском районе) – 'дождь, дождливый', Илька (речка и местность в Заиграевском районе) – 'цветок, место, где растет много цветов', а не эльхи ~ элэһэн 'песок', как этимологизируют некоторые топонимисты. Этот список можно без труда продолжить, но если к нему добавить другие топонимы, истинная этимология которых подверглась интенсивной импровизации народной этимологии, то окажется, что почти все основные бурятские географические названия – эвенкийского происхождения. Кроме того, в современном бурятском и эвенкийском языках имеется довольно большой пласт лексики, почти совпадающей по фонетическому оформлению. Многие из этих слов

вполне могут иметь общеалтайское происхождение, но такое сильное сходство больше говорит об их возникновении в результате поздних языковых взаимоотношений. Сравните следующие знаменательные в эвенкийском и бурятском языках слова: эвенк. бүсэ ~ ~бүһэ 'пояс, кушак' (ССТ-МЯ, 115) – бур. бүһэ 'id'; эвенк. бајтаһун 'яловая' (ССТ-МЯ, 66) – бур. байтаһан 'откармливаемый на убой скот'; эвенк. даһу – 'привыкать' (ССТ-МЯ, 201) – бур. даһаха ~ дадаха 'id'; эвенк. боһила 'победить' (ССТ-МЯ, 97) – бур. баһаха 'обижать'; эвенк. кōсун 'пена' (барг. нерч. говоры и Кастрен кōһон, ССТ-МЯ, 417) – бур. хөөһэн 'id'; эвенк. кōһон 'пустой' (ССТ-МЯ, 419), солонск. кōсу – бур. хооһон 'id'; эвенк. анда 'друг' (ССТ-МЯ, 42) – бур. анда 'побратим', эвенк. би 'я' (ССТ-МЯ, 79) – бур. би 'id'; эвенк. бй̄ 'быть' (ССТ-МЯ, 71) – бур. бии 'есть'; эвенк. гамна – 'беречь' (ССТ-МЯ, 139) – бур. гамна – 'id'; эвенк. дурун 'узор' (ССТ-МЯ, 225) – бур. дүрһэн 'образ, облик, вид'; эвенк. к̄а 'закрыть' (СТТ-МЯ, 356) – бур. хаа 'id'; эвенк. када – 'вбивать (гвоздь)' (ССТ-МЯ, 359) – бур. хада 'id'; эвенк. как̄оли 'рыболовный крючок' (ССТ-МЯ, 363) – бур. хахуули ~ гахуули 'id' и т.д.

Эти лексические соответствия могут быть распространены на другие алтайские языки и даже могут восходить к ним генетически. Однако это ни в коей мере не отрицает сравнительно поздние монголо-тунгусские языковые контакты.

Кроме того, наблюдаются любопытные наложения в семантике некоторых слов. Например, слово бэрхэ (berke) в спря употребляется со значением: "трудный, тяжелый, обременительный, крутой; злой, сердцем, крутой нравом, жесткий в поступках; принятие на себя добровольных истязаний для умерщвления плоти; суровость жизни. Косогор" (см.: Голстунский К.Ф. Монголо-русский словарь, с. 273). В эвенкийском языке это же слово бэрке означает: "расторопный, проворный, бойкий, ловкий; энергичный, напористый; смелый, храбрый; удачливый (об охотнике); очень сильно" (см. ССТ-МЯ, 127). В современном бурятском языке имеет место семантическое наложение эвенкийского значения этого слова на старомонгольское, и в результате слово бэрхэ в бурятском языке означает: 1) опытный, умелый, искусный; способный, ловкий; отличный, очень хороший, лучший (здесь значение данного слова совпадает с эвенкийским); 2) трудный, тяжелый, обременительный; сложный, серьезный (это значение слова бэрхэ совпадает со старомонгольским). Правда, могло случиться так, что составитель "Монгольско-русского словаря" мог упустить второе значение слова бэрхэ что, к сожалению, встречается не так уж редко.

По данным исследователей этнической истории народов Сибири, в частности бурят и эвенков, имеет место значительное размешение или взаимопроникновение бурятских и эвенкийских этнонимов. По этому вопросу имеются специальные исследования Б.О. Долгих³, Ц.Б. Цыдендамбаева⁴.

Исследователи субстратных явлений в языках обращают большое внимание на антропологические характеристики носителей изучаемых

языков. И.А. Бодуэн де Куртенэ, устанавливая восточное (туранское) происхождение резьян, кроме языковых данных приводит в подтверждение своих выводов их антропологическое своеобразие. Он пишет, что резьяне "смахируют по большей части на туранцев. Скулы выдавшиеся, курчавые волосы, оливковый цвет лиц и т.д."⁵.

В своих исследованиях проблемы субстрата в енисейских языках А.П. Дultzон также обращал большое внимание на данные археологии, этнографии и антропологии (см. выше). Действительно, даже визуально нетрудно установить, что антропологически буряты отличаются от монголов, они больше тяготеют к байкальскому антропологическому типу, куда могут быть отнесены нынешние эвенки. Монголы, как известно, относятся в основной своей массе к центральноазиатскому антропологическому типу.

Как указывалось выше, о тесных контактах бурят и эвенков много говорится в фольклорных произведениях бурят. В старинных шаманских гимнах встречаются упоминания о том, что некоторые бурятские роды имеют эвенкийское (хамниганское) происхождение. Выше приводились весьма примечательные в этом отношении отрывки из ранних записей Ц. Жамцарано и С. Балдаева. В записях Ц. Цыдендамбаева, произведенных в 1963 г. во время диалектологической экспедиции в Эхирит-Булагатском районе Иркутской области, имеется текст следующего содержания: "Һаншагтаэ эзымнай хамниган яһатай, эрэ хүүмнай буряад яһатай;ма" – Женщины наши – эвенкийского происхождения, а мужчины – бурятского⁶.

Из истории нашего края известно, что в начале XIX в. вокруг Байкала обитало довольно значительное количество эвенков, которые назывались "байкальскими тунгусами". Они занимали таежные места по берегам Лены и Ангары, обитали в Саянах, недалеко от Иркутска и Верхнеудинска, а также на территории современных Заиграевского, Хоринского и Еравнинского районов Бурятской АССР и в некоторых районах Читинской области. Об этом, с приведением точного количества душ мужского и женского пола, подробно пишет академик А. Шифнер в предисловии к тунгусской грамматике А. Кастрена⁷.

Надо полагать, что в то время байкальские эвенки были двуязычными, а некоторые, по всей вероятности, уже переходили на бурятский язык, если учесть, что совместное нахождение их на территории вокруг Байкала началось, по данным археологов, еще в X-XI вв.⁸ Как справедливо указывает В.И. Абаев, "субстрат предполагает как переходный этап более или менее продолжительный период двуязычия, а длительное двуязычие создает предпосылки для весьма далеко идущего смешения и взаимопроникновения двух языковых систем"⁹, в данном случае эвенкийской и монгольской. Это привело в конечном счете к полной ассимиляции двух этносов, а в истории развития бурятского языка – к изменению состава его носителей.

При интенсивном скрещивании эвенкийского и монгольского языков на территории Прибайкалья и Забайкалья первый фактически оказался поглощенным, а в монгольском языке под влиянием контактирующего с ним эвенкийского языка появились черты инновационного характера в виде субстратных явлений.

Одним из элементов фонетического субстрата эвенкийского языка является сохранение его артикуляционной специфики в звуковом строе бурятского языка. По своим произносительным особенностям бурятский язык заметно отличается от других монгольских языков и диалектов. Если самые близкие по фонетическому строю к бурятскому языку современный монгольский и калмыцкий языки отличаются от него более быстрой и напряженной артикуляцией слов, допускающей качественную и количественную редукцию кратких гласных непервых слогов вплоть до их полного выпадения, то бурятскому языку свойствен монотонный замедленный темп речи с качественной редукцией кратких непервослоговых гласных и отсутствием количественной редукции.

В регионе Байкала эвенки перешли на бурятский язык, но сохранили свои артикуляционные навыки, которые в сочетании с монгольскими определили специфику фонетического строя нового самостоятельного монгольского языка – бурятского. В этом отношении небезынтересно сравнение бурятско-эвенкийского языкового взаимодействия с аналогичным явлением между якутским и эвенкийским языками на севере Якутии. "Эвенки здесь перешли на якутский язык... Особенности эвенкийского произношения способствовали возникновению особых интонационных приемов (разрядка моя. – И.Б.) в языке якутов северных районов ЯАССР. И действительно, в говорах якутов северных районов при артикуляции делается пауза после каждого слова... В артикуляции якутов центральных районов пауза делается не после каждого слова, а после группы слов... заметно сокращается продолжительность произношения гласного. К особенностям произношения северных якутов относится появление долгих гласных, соответствующих кратким гласным в говорах центральных якутов"¹⁰. Появление необычных для якутского языка допглот, пауз и т.д. – это произносительные инновации, характеризующие замедленность темпа речи, монотонность ритмико-интонационной структуры языка. Все это с достаточной очевидностью показывает существенные изменения, происшедшие в звуковой системе якутского языка под влиянием эвенкийского.

Влияние эвенкийской артикуляционной специфики на артикуляционные навыки якутского и бурятского языков почти идентично. Эти произносительные особенности являются одними из доминирующих фонетических признаков якутского и бурятского языков, отличающих их от других родственных им языков, и истолковываются как существенные элементы эвенкийского фонетического субстрата в указанных языках.

Таким образом, как правильно утверждает Г.С. Ахаледиани, "субстрат – это крайняя форма влияния одного языка на другой, главным образом при смене языков"¹¹.

В этом отношении весьма показательным является замечание академика Б.Б. Пиотровского об урартском фонетическом субстрате в армянском языке Ванского района. Он отмечает, что "всегда можно отличить армянина из Вана по наличию тех фонетических особенностей, которые были свойственны урартскому языку"¹².

Как один из элементов эвенкийского фонетического субстрата в бурятском языке рассматривается наличие в нем фарингального h. Появление этого звука истолковывалось монголоведами как передвижение или смещение артикуляции с более передней на более заднюю. Такая интерпретация, правильная с точки зрения артикуляционной, является лишь констатацией следствия, а не причины. Как показывалось выше, фарингальный h в современном бурятском языке является элементом (следом) фонетического субстрата эвенкийского языка.

Появление фарингального h в одном из монгольских языков – в бурятском – оказало существенное влияние на другие стороны звукового строя бурятского языка. Во-первых, оно отразилось на общей системе консонантизма. Если во всех монгольских языках наблюдается строгое деление согласных по горизонтали на три артикуляционных ряда: губные (первая артикуляция), переднесреднеязычные (вторая артикуляция), заднеязычно-увулярные (третья артикуляция), то в бурятском языке появился фарингальный звук h, который стоит несколько особняком в этой консонантной системе. Фонетисты выделяют четвертый артикуляционный ряд только для одной фонемы – h.

Во-вторых, процесс деаффрикатизации в бурятском языке непосредственно связан с переходом глухого сильного щелевого s в h. Как известно, из всех монгольских языков только в бурятском фиксируется полное отсутствие аффрикат. Единичные случаи появления аффрикат или слегка аффрицированных звуков находят объяснение чисто фонетически артикуляционными переходами от одного звука к другому при их сочетаниях.

Фарингальный h не имеет большого распространения в алтайских языках и отмечен из тюркских языков – в якутском и башкирском, из монгольских – в бурятском, из тунгусо-маньчжурских – в эвенкийском и эвенском языках. Если сравнить близкие по географическому расположению языки, то согласный h употребляется в одном из палеоазиатских языков – юкагирском, а также в кетском языке (один из енисейских языков). Носители юкагирского и кетского языков в прошлой истории Сибири, и не только Сибири, сыграли заметную роль. Следы кетского языка А.П. Дульзон обнаруживает в различных уголках Евразийского материка. Им установлены общие черты кетского с некоторыми кавказскими и даже с языком басков за Пиренеями.

Не касаясь проблемы происхождения звука h в различных языках, в том числе в эвенкийском, следует констатировать, что якутский и бурятский фарингальный h восходит к эвенкийскому.

При исследовании внутренних закономерностей и внешних факторов, влияющих на развитие фонетического строя бурятского языка, автор придерживался точки зрения комплексного рассмотрения их, соблюдая при этом один из традиционных постулатов сравнительного языкознания – установление относительных хронологических срезов в непрерывном процессе языковой эволюции и строгое разграни-

чение архаизмов и инноваций. В противном случае теряется сама суть одновременности и последовательности развития отдельных фонетических процессов.

Помимо временных факторов, различные фонетические изменения рассматриваются при учете их пространственного или территориального распространения. Ареальный подход к фонетическим изменениям может разрешить многие "загадочные" явления в языке. Например, только в одном диалекте бурятского языка заднеязычный палатализованный x' проявляется как палатализованные t', s' и смягченный š. Полевые исследования показали, что ареал распространения палатализованного t' связан со смежным диалектом, где в данной позиции употребляется только мягкий t', а смягченный š - с диалектом, в котором функционирует в этих позициях звук š, и т.п.

Вопросы становления звукового строя бурятского языка могут быть разрешены только при правильном и последовательном использовании теории фонем. К сожалению, в диахронических фонетических исследованиях по монгольским языкам вплоть до последнего времени отсутствовал фонологический подход, который должен занимать доминирующее положение не столько в синхронических, сколько в исторических работах. Как справедливо указывали Л.Р. Зиндер и Т.В. Стрелева, "историческая фонетика (или историческая фонология) должна в первую очередь заниматься развитием состава и системы фонем, так как именно в этом и заключается фонетическая эволюция языка"¹³.

Недостаточно последовательное применение в исследованиях монгольских языков теории фонем, которая "занимает центральное место в фонетической науке наших дней"¹⁴, помешало правильной интерпретации вопросов становления состава и системы фонем монгольских языков. Как указывалось выше, в качестве самостоятельных фонологических единиц рассматривались заднеязычные и увулярные аллофоны фонем k > x, g; шелевые и смьчные аллофоны фонем b, g; открытые и закрытые аллофоны гласных фонем ε, i и i: и т.п.

Системы фонем современных бурятских диалектов в общем близки. Дифференциальные фонологические признаки согласных и гласных, связанная с ними корреляция фонем проявляются в общем одинаково по диалектам. Встречаются редкие случаи появления в составе фонем отдельных диалектов дополнительных единиц или, наоборот, выпадение какого-нибудь звена из общей цепи звуков, что, безусловно, составляет специфику фонетических структур диалектов, но не оказывает существенного влияния на общую характеристику фонемного состава бурятского языка.

Комплексное исследование результатов действия внутрисктурных и внешних факторов на развитие фонетического строя бурятского языка на широком фоне взаимодействия его с другими родственными и неродственными языками показало, что становление бурятского языка как одного из самостоятельных монголь-

ских языков связано с околобайкальским регионом, что в целом он сохранил основные черты вокализма и консонантизма, восходящие к периоду первоначального единства монгольских языков.

О ТРАНСКРИПЦИИ

В настоящей работе для отображения бурятских звуков и словоформ применяется фонологическая транскрипция. Однако при передаче таких фонем, как g, q, x, i и i:, для соблюдения, в первую очередь, монголоведческой традиции, а также в целях сохранения звукового облика словоформ употребляются их обязательные аллофоны. В мягкорядных словах употребляются заднеязычные варианты: смычные g и k, щелевые y и x; в твердорядных словах – смычные g и q, щелевые q и x; после палатализованных согласных первой и второй артикуляции употребляется переднерядный i, а после согласных третьей артикуляции и в абсолютном начале слов употребляется ɿ переднего, отодвинутого назад ряда; после всех палатализованных согласных и в начале слов употребляется долгий i:; после твердых согласных в некоторых слогах или в абсолютном исходе употребляется ɿ: – гласный переднего, отодвинутого назад ряда.

При чтении бурятских словоформ следует иметь в виду, что все непервослоговые краткие гласные являются качественно редуцированными (а – λ, о – ɔ, э – ɛ, г – t, ö – ɔ̃), все твердые согласные в словах мягкого ряда проявляются в смягченных аллофонах (b·, t·, d· и т.п.), согласные перед огубленными гласными, как правило, проявляются в огубленных аллофонах (b°, t°, d° и т.п.), гласные между носовыми согласными становятся назализованными (ã, õ, ẽ и т.п.).

Сравнительный материал из других языков приводится в транскрипции или орфографии оригинала.

ПРЕДИСЛОВИЕ

- ¹Общее языкознание. Методы лингвистических исследований. - М., 1973. - С. 12.
- ²Тезисы пражского лингвистического кружка // История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Сост. В.А. Звегинцев. - М., 1960. - Ч. II. - С. 707.
- ³Рассадин В.И. Очерки по исторической фонетике бурятского языка. - М.: Наука, 1982.

ВВЕДЕНИЕ

- ¹Бодуэн де Куртене И.А. Избранные труды по общему языкознанию. - М., 1963. - Т. 1. - С. 349.
- ²Краткие сообщения Института востоковедения. - М., 1955. - Вып. XII. - С. 95.
- ³А. Мартине посвятил данному вопросу специальное исследование: Принцип экономии в фонетических изменениях (Проблемы диактонической хронологии). - М., 1960.
- ⁴Филин Ф.П. Противоречие и развитие языка // Вопр. языкознания. - 1980. - № 2. - С. 154.
- ⁵Архив Маркса и Энгельса. - Т. IX. - С. 79.
- ⁶В наши дни в джунглях Амазонки все еще обнаруживают неизвестные доселе племена и группы, не испытывавшие влияния современной цивилизации. Изучение их языка, обычаев, нравов представляет немалый интерес для науки.
- ⁷Хауген Э. Языковой контакт // Новое в лингвистике. - М., 1972. - Вып. VI.
- ⁸Вопр. языкознания. - 1955. - № 5. - С. 172.
- ⁹Там же. - С. 174.
- ¹⁰Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. - М., 1953. - С. 8-9.
- ¹¹Сибирская живая старина. - Иркутск. - 1926. - Вып. 3-4. - С. 26.
- ¹²Сосновский В.И. К вопросу об образовании бурятской народности // Бурятияведение. - Верхнеудинск, 1928. - IV (8). - С. 102-103.
- ¹³Окладников А.П. Археологические данные о появлении первых монголов в Прибайкалье // Филология и история монгольских народов. - М., 1958; Дебёз Г.Ф. Могильник железного периода у с. Зарубина. - Бурятияведение. - 1926. - № 2.

- 14 Окладников А.П. Археологические данные... - С. 200-201.
- 15 Цыдендамбаев Ц.Б. Бурятские исторические хроники и родословные. - Улан-Удэ, 1972. - С. 293.
- 16 Сосновский В.И. К вопросу об образовании... - С. 101.
- 17 Викторова Л.Л. К вопросу о расселении монгольских племен на Дальнем Востоке в IV в. до н.э. - XII в. н.э. // Учен. зап. ЛГУ. - Л.-1958. - № 256. - С. 47.
- 18 Вопр. языкознания. - 1955_ - № 5. - С. 138.
- 19 Наделяев В.М. Артикуляционная классификация гласных // Фонетические исследования по сибирским языкам. - Новосибирск, 1980. - С. 6.
- 20 См.: Славянский сборник. - Спб., 1876. - Т. III. - С. 224-295.
- 21 Там же. - С. 225.
- 22 См.: Вопр. языкознания. - 1955. - № 5. - С. 173.
- 23 Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII.-М., 1960; Он же. Некоторые вопросы древней истории западных бурят // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. - М., 1953. - XVIII.
- 24 Цыдендамбаев Ц.Б. Об эвенкийских элементах в этническом составе и языке бурят // Взаимовлияние языков в Бурятии. - Улан-Удэ, 1978. - С. 79-96; Он же. Бурятские исторические хроники...
- 25 Архив востоковедов, ф. 62, оп. 1, ед. хр. 4.
- 26 Schiefner A. Vorwort // M. Alexander Castren's Grundzuge einer tungusischen Sprachlehre. - St.-Pg., 1856. - S. V-VII.
- 27 Шагдаров Л.Д. Становление единых норм бурятского литературного языка в советскую эпоху. - Улан-Удэ, 1967. - С. 13.
- 28 Хауген Э. Процесс заимствования // Новое в лингвистике. - М., 1972. - Вып. VI. - С. 349.
- 29 Там же. - С. 358.
- 30 Там же. - С. 356
- 31 Владимирцов Б.Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и калхаского наречия. - Л., 1929. - С. 120.
- 32 Санжеев Г.Д. В.Л. Котвич - пионер нового направления в алтаистике // Проблемы алтаистики и монголоведения. - М.: Наука, 1975. - Вып. 2. - С. 5.
- 33 Там же. - С. 16-17.
- 34 Котвич В.Л. Исследование по алтайским языкам. - М., 1962. - С. 351.
- 35 Grube W. Die Sprache und Schrift der Ju-cen. - Leipzig, 1896.
- 36 См.: Вопр. языкознания. - 1955. - № 5. - С. 134.
- 37 Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. - С. 3.

- ³⁸ Санжеев Г.Д. Лингвистическое введение в изучение истории письменности монгольских народов. - Улан-Удэ, 1977. - С. 57.
- ³⁹ Бураев И.Д. Краткий обзор работ по фонетике бурят-монгольского языка // Сборник трудов по филологии. - Улан-Удэ, 1958. - Вып. III - С. 113-131.
- ⁴⁰ Бажеева Т.П. Фонетические исследования по бурятскому языку // Сибирский фонетический сборник. - Улан-Удэ, 1976. - С. 147-174.
- ⁴¹ Достаточно обоснованную классификацию диалектов можно будет получить только после завершения лингвогеографического исследования, когда будет составлен полный диалектологический атлас бурятского языка и определены все изоглоссы.
- ⁴² Доржиев Д.Д., Дондуков У.-Ж. К изучению говора мухоршибирских бурят // Учен. зап. БГПИ. - Улан-Удэ, 1957. - Вып. XI. - С. 261.
- ⁴³ Материалы данной экспедиции обобщены ее руководителям Г.Д. Санжеевым (Санжеев Г. Д. Лингвистические наблюдения в Еравне и Хори // Записки ГИЯЛИ. - Улан-Удэ, 1939. - Вып. 1. - С. 7-23).
- ⁴⁴ Санжеев Г.Д. Лингвистические наблюдения... - С. 8.
- ⁴⁵ Поппе Н.Н. Бурят-монгольский фольклорный и диалектологический сборник, - М.-Л., 1936. - С. 3.
- ⁴⁶ Поппе Н.Н. Заметки о говоре агинских бурят. - Л., 1932.
- ⁴⁷ Архив востоковедов ЛО ИВ АН СССР, ф. 62, оп. 1, № 58.
- ⁴⁸ Балдаев С.П. Родословные предания и легенды бурят. - Улан-Удэ, 1970. - Ч. 1. Булагаты и эхириты.
- ⁴⁹ Цыдендамбаев Ц.Б. Бурятские исторические хроники...
- ⁵⁰ Бураев И.Д. Некоторые фонетические особенности говора алароунгинских бурят // Исследование бурятских говоров. - Улан-Удэ, 1968. - Вып. II.
- ⁵¹ Стеблин-Каменский М.И. К теории звуковых изменений // Вопр. языкознания. - 1966. - № 2. - С. 66.
- ⁵² Там же. - С. 74.
- ⁵³ Вопр. языкознания. - 1980. - № 5. - С. 155-156.
- ⁵⁴ Там же. - С. 156.

ГЛАВА I

- ¹ Владимирцов Б.Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. - Л., 1929. - С. 365.
- ² Серебренников Б.А. О некоторых спорных вопросах сравнительно-исторической фонетики тюркских языков // Вопр. языкознания. - 1960. - № 4. - С. 71.
- ³ Ramstedt G.L. Einführung in die altaische Sprachwissenschaft. - Helsinki, 1957. - S. 103.
- ⁴ Poppe N. Vergleichende Grammatik der altaischen

Sprachen. - Wiesbaden, 1960. - S. 74-78; Tsintsius V.I. On the altaic system of consonants. - Budapest, 1974. - P. 299.

⁵ Полпе Н.Н. Чувашский язык и его отношение к монгольскому и турецким языкам. - М.: Изд-во АН СССР. - 1925. - С. 33.

⁶ Наделяев В.М. Состав фонем в звуковой системе современного монгольского языка // Вестн. ЛГУ. - 1957. - № 8. - С. 130.

⁷ Шербак А.М. Сравнительная фонетика тюркских языков. - Л., 1970. - С. 84.

⁸ Poppe N. Vergleichende Grammatik... - S. 76-77.

⁹ Серебренников Б.А. О некоторых спорных вопросах... - С. 71.

¹⁰ Серебренников Б.А. Вероятностные обоснования в компаративистике. - М., 1974. - С. 337.

¹¹ Серебренников Б.А. О некоторых спорных вопросах... - С. 65.

¹² Серебренников Б.А. Вероятностные обоснования в компаративистике. - С. 148-149.

¹³ Вопр. языкознания. - 1960. - № 4. - С. 62.

¹⁴ Серебренников Б.А. Вероятностные обоснования в компаративистике. - С. 148.

¹⁵ Sanzееv G.D. Zur Frage des cogenonnten Rhotazismus und Lambdazismus in den altaischen Sprachen. - Berlin, 1974. - XII. - S. 506.

¹⁶ Вопр. языкознания. - 1960. - № 4. - С. 62.

¹⁷ Там же. - С. 62-63.

¹⁸ Poppe N. Vergleichende Grammatik... - S. 80.

¹⁹ Вопр. языкознания. - 1960. - № 4. - С. 62.

²⁰ Sanzееv G.D. Zur Frage des cogenonnten... - S.505.

²¹ Poppe N. Vergleichende Grammatik... - S. 81.

²² Sanzееv G.D. Zur Frage des cogenonnten... - S.506.

²³ Ibid. - S. 507.

²⁴ Ibid.

²⁵ Ibid. - S. 508-509.

²⁶ Tsintsius V.I. On the altaic... - P. 304.

²⁷ Ряснян М. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. - М., 1955. - С. 25-26.

²⁸ Там же. - С. 26.

²⁹ Дмитриев Н.К. Соответствие р||з // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. - М., 1955. - Ч. 1: Фонетика. - С. С. 322.

³⁰ Там же. - С. 322-323.

³¹ Там же. - С. 324.

- 32 Хаттори С. Начальные взрывные в протомонгольском языке и их дальнейшее развитие // Исследования по восточной филологии. - М., 1974. - С. 274.
- 33 Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков.- М., 1953. - С. 93, 100.
- 34 Владимирцов Б.Я. Сравнительная грамматика... - С. 346.
- 35 Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика... - С. 119.
- 36 Окладников А.П. Археологические данные о появлении первых монголов... - С. 206.
- 37 Наделяев В.М. Проект универсальной унифицированной фонетической транскрипции. - М., Л., 1960. - С. 31-32.
- 38 Бондарко Л.В. Звуковой строй современного русского языка. - М., 1977. - С. 117.
- 39 Здесь не приводятся сами схемы и рисунки, полученные экспериментальным путем, они с детальными описаниями даны в работе: Бураев И.Д. Атлас звуков бурятского языка. - Улан-Удэ, 1975. После краткой характеристики каждой фонемы указываются номера страниц и рисунков "Атласа...".
- 40 Ramstedt G. J. Einführung in die altaische Sprachwissenschaft. - Helsinki, 1957. - Bd. 1: Lautgeschichte. Bearbeitet und herausgegeben von P. Aalto. S. 39-40; Владимирцов Б.Я. Сравнительная грамматика ... - С. 416; Poppe N. Vergleichende Grammatik... - S. 9; Idem. Introduction to Mongolian Comparative Studies. - Helsinki, 1955. - P. 95-154; Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика... - С. 16.
- 41 Санжеев Г.Д. Лингвистическое введение в изучение истории письменности монгольских языков. - Улан-Удэ, 1977. - С. 155.
- 42 Цицинус В.И. Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков. - Л., 1948. - С. 31.
- 43 Aalto P. On the Altaic initial p- // Central Asiatic Journal. - 1955. - Vol. 1. - P. 9.
- 44 Чхаидзе П.М. О междометиях в марийском языке // Памяти Н.А. Марра. - М., 1938. - С. 282.
- 45 Ашмарин Н.И. Подражание в языках Среднего Поволжья // Изв. Азерб. ун-та. - Баку. - 1925. - С. 145.
- 46 Dmitrijev N. K. Beiträge zur osmanischen Mimologie // Wiener Zeitschrift f.d. Kunde des Morgenlandes. - 1927. - Bd XXXIV. - H. 1-4. - S. 105-123, 271-285.
- 47 Шагдаров Л.Д. Изобразительные слова в современном бурятском языке. - Улан-Удэ, 1962.
- 48 Tsintsius V. I. On the altaic... - P. 304.
- 49 Poppe N. Vergleichende Grammatik... - S. 9-10.
- 50 Владимирцов Б.Я. Сравнительная грамматика... - С. 384.
- 51 Биткеев П.Ц. Согласные калмыцкого языка. - Улан-Удэ, 1965.- С. 11.

- 52 Межучточноязычными являются мягкие согласные, образованные дополнителным подъемом отрезка спинки языка, расположенного между ее средней и задней частями. (Термин "межучточноязычный" предложен впервые В.М. Надеяевым: Надеяев В.М. Артикуляционная классификация гласных. - С. 67-68.)
- 53 Тодеяева Б.Х. Монгорский язык. - М., 1973. - С. 25.
- 54 Лувсанвандан Ш. Эртэний монгол хэлний хамжин тэсрэх уруулын чанга "п" гийгуулэгч ба тууний цаашид хэргэн хувирсань. - Улаанбаатор, 1975. - Х. 5.
- 55 Там же. - С. 5-6 (транскрипция оригинала).
- 56 Там же. - С. 6.
- 57 Рорре N. Vergleichende Grammatik... - С. 20.
- 58 Лувсанвандан Ш. Эртэний монгол... - Х. 8-9.
- 59 Надеяев В.М. Состав фонем в звуковой системе современного монгольского языка. - С. 129.
- 60 Рорре N. Vergleichende Grammatik... - S. 14.
- 61 Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика... - С. 87.
- 62 Там же. - С. 49.
- 63 Рорре N. Vergleichende Grammatik... - S. 36-39.
- 64 Цинциус В.И. Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков. - М., 1953. - С. 250-251.
- 65 Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика... - С. 40.
- 66 Рясянен М. Материалы по исторической фонетике... - С. 24.
- 67 Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика... - С. 40.
- 68 Владимирцов Б.Я. Сравнительная грамматика... - С. 58-59.
- 69 Ср. с артикуляцией английского l : Дихушина О.И. Фонетика английского языка. - М., 1952. - С. 64.
- 70 Богородицкий В.А. Фонетика русского языка в свете экспериментальных данных. - Казань, 1930. - С. 141-142.
- 71 Рорре N. Vergleichende Grammatik... - S. 74.
- 72 Владимирцов Б.Я. Сравнительная грамматика... - С. 366.
- 73 Рорре N. Vergleichende Grammatik... - S. 73.
- 74 Рамстедт Г.И. Грамматика корейского языка. - М., 1951. - С. 31.
- 75 Холодович А.А. Очерк грамматики корейского языка. - М., 1951. - С. 5.
- 76 Tsintsius V.I. On the altaic... - P. 304.
- 77 Щерба Л.В. Фонетика французского языка. - М., 1948. - С. 68-69.
- 78 Руднев А.Д. Хори-бурятский говор. - Пг., 1913-1914. - Вып. 1: Опыт исследования. - С. VIII.
- 79 Надеяев В.М. Проект универсальной унифицированной... С. 31-32.

- 80 Дамдинов Д.Г. Этнолингвистический очерк хамниганского говора // Исследование бурятских говоров. - Улан-Удэ, 1968. - Вып. II. - С. 83.
- 81 Там же.
- 82 Исследование бурятских говоров. - Улан-Удэ, 1968. - Вып. II. - С. 133-134.
- 83 Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика... - С. 99-103.
- 84 Бэшэ Л. Об аффрикатах хоринского диалекта // Кр. сообщ. Ин-та народов Азии. - М. - 1964. - Вып. 83. - С. 47.
- 85 Ramstedt G.J. Einführung in die altaische... - S.66.
- 86 Рорре N. Vergleichende Grammatik... - S. 31.
- 87 Рясянен М. Материалы по исторической фонетике... - С. 159-167.
- 88 Tsintsius V.I. On the altaic... - P. 304.
- 89 Цыдендамбаев Ц.Б. К итогам экспедиционного изучения говоров добайкальских бурят // Исследование бурятских говоров. - Улан-Удэ, 1968. - Вып. II. - С. 167.
- 90 Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика... - С. 39.
- 91 Серебренников Б.А. Вероятностные обоснования в компаративистике. - С. 338.
- 92 Богородицкий В.А. Введение в татарское языкознание. - Казань, 1953. - С. 106.
- 93 Окладников А.П. Указ. соч. - С. 206.
- 94 Рорре N. Vergleichende Grammatik... - S. 16.
- 95 Владимирцов Б.Я. Сравнительная грамматика... - С. 403.
- 96 Там же. - С. 404.
- 97 Быткеев П.Ц. Согласные фонемы калмыцкого языка. - С. 48-49.
- 98 Санжеев Г.Д. Фонетические особенности говора нижнеудинских бурят. - Л., 1930. - С. 2; Он же. Сравнительная грамматика... - Т.1.- С. 39.
- 99 Зиндер Л.Р. Общая фонетика. - М., 1979. - С. 164.
- 100 Цинциус В.И. Сравнительная фонетика... - С. 239.
- 101 Владимирцов Б.Я. Сравнительная грамматика... - С.403-404.
- 102 Исследование бурятских говоров. - Улан-Удэ, 1968. - Вып. II. - С. 83.
- 103 Цыдендамбаев Ц.Б. Об ойрат-монгольских элементах в этническом составе и языке бурят // Проблемы алтаистики и монголоведения. - М., 1975. - Вып. II. - С. 320.
- 104 Б.Х. Тодаева в своей работе "Монгорский язык" приводит следующие весьма показательные примеры из диалекта минхэ: кура 'дождь', коні 'овда', кара 'черный', нокоі 'собака'. Здесь же она указывает, что звук к встречается еще в дунсянском языке (см. с. 26 цитируемой работы).

- 105 Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика... - С. 90.
- 106 Владимирцов Б.Я. Сравнительная грамматика... - С. 403.
- 107 Матусевич М.И. Введение в общую фонетику. - Л., 1948. - С. 32.
- 108 Дамдинов Д.Г. Предварительные данные о говоре хамниган Читинской области // Кр. сообщ. БКНИИ. - Вып. IV. - С. 133.
- 109 Раднаев Э.Р. Баргузинский говор // Исследование бурятских говоров. - Улан-Удэ, 1965. - С. 82.
- 110 Голстунский Г.Ф. Монгольско-русский словарь. - Т. III. - С. 32.
- 111 Там же. Т. II. - С. 16-17.
- 112 Поппе Н.Н. Материалы по солонскому языку. - Л., 1931. - С. 104.
- 113 Впервые термины "первая", "вторая" и "третья" артикуляции для системы консонантизма монгольских языков введены В.М. Наделяевым. (Вестн. ЛГУ. - Л. - 1957. - № 8, вып. II. - С. 120).
- 114 Василевич Г.М. Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка. - Л., 1948.
- 115 Зиндер Л.Р. Общая фонетика. - М., 1979. - С. 55.
- 116 Новикова К.А. Очерки диалектов эвенского языка. - М.; Л., 1960. - С. 73.
- 117 Tsintsius V.I. On the altaic... - P. 303.
- 118 Убрятова Е.И. Опыт сравнительного изучения фонетических особенностей языка населения некоторых районов Якутской АССР. - М., 1960. - С. 72.
- 119 Бубрих Д.В. Историческая фонетика финского-суоми языка. - Петрозаводск, 1948. - С. 146.
- 120 Холодович А.А. Очерки грамматики корейского языка. - С. 7.
- 121 Зиндер Л.Р. Общая фонетика. - С. 55.
- 122 Серебренников Б.А. Вероятностные обоснования в компаративистике. - С. 140.
- 123 Там же. - С. 141.
- 124 Балдаев С.П. Родословные предания и легенды бурят. - Улан-Удэ, 1970. - С. 294.
- 125 Castren M.A. Grundzüge einer tungusischen Sprachlehre. - St.-Pg., 1856.
- 126 Поппе Н.Н. Материалы для исследования тунгусского языка (наречие баргузинских тунгусов). - Л., 1927. - С. 4.
- 127 Там же.
- 128 Зиндер Л.Р. Общая фонетика. - С. 55.
- 129 Убрятова Е.И. Опыт сравнительного изучения фонетических особенностей... - С. 74.

- 130 Владимирцов Б.Я. Сравнительная грамматика... - С. 411.
- 131 Возможность влияния протетического *h* на процесс *s* > *h* в бурятском языке была подсказана Л.Р. Зиндером.
- 132 Наделяев В.М. Проект универсальной унифицированной... - С. 43.
- 133 Владимирцов Б.Я. Сравнительная грамматика... - С. 54.
- 134 Зиндер Л.Р., Строева-Сокольская Т.В. Современный немецкий язык. - Л., 1941. - С. 35.

ГЛАВА II

- 1 Владимирцов Б.Я. Сравнительная грамматика... С. 241.
- 2 См. статью Г. Жамьяна "Обозначение долгих гласных в ойратском "Ясном письме" и комментарий к ней Г.Д. Санжеева (Народы Азии и Африки. - 1970. - № 5. - С. 150-153).
- 3 Шербак А.М. Сравнительная фонетика тюркских языков. - С. 35.
- 4 Исхаков Ф.Г. Долгие гласные в тюркских языках // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. - М., 1955. - Ч. 1: Фонетика. - С. 160.
- 5 Исхаков Ф.Г. Долгие гласные... - С. 160-161.
- 6 Шербак А.М. Сравнительная фонетика... - С. 47-59.
- 7 Тодаева Б.Х. Монгорский язык. - М., 1973. - С. 13.
- 8 Там же.
- 9 Поппе Н.Н. Дагурское наречие. - Л., 1930. - С. 124-125.
- 10 Hattori S. The lengths of words in Photo-Mongol// Studia Mongolica. - 1961. - 11. - P. 457; Лувсанвандан Ш. К проблеме долгих гласных среднемонгольского языка // Тр. III Междунар. конгресса монголоведов. - Улан-Батор, 1977. - П. - С. 95.
- 11 Hattori S. The lengths of words... - P. 459.
- 12 Жамьян Г. Обозначение долгих гласных в ойратском "Ясном письме". - С. 150-152.
- 13 Там же.
- 14 Там же. - С. 153.
- 15 Поппе Н.Н. Квадратная письменность. - М.; Л., 1941. - С. 34.
- 16 Санжеев Г.Д. Лингвистическое введение в изучение истории письменности монгольских народов. - Улан-Удэ, 1977. - С. 137-138.
- 17 Руднев А.Д. Хори-бурятский говор. - Пг., 1913-1914. - Вып. 1. - С. 1.
- 18 Биткеев П.Ш. Экспериментальные исследования фонетического строя калмыцкого языка: Автореф. канд. дис. - Л., 1965. - С. 11.
- 19 Поппе Н.Н. Грамматика бурят-монгольского языка. - М.; Л., 1938. - С. 24.

- 20 Герасимович Л.К. Монгольское стихосложение (опыт экспериментально-фонетического исследования). - Л., 1975. - С. 23.
- 21 Санжеев Г.Д. Современный монгольский язык. - М., 1959.-С. 11.
- 22 Руднев А.Д. Хори-бурятский говор. - С. 1.
- 23 Рясянен М. Материалы по исторической фонетике ... - С. 98.
- 24 Дмитриев Н.К. Вторичные долготы в тюркских языках // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. - М., 1955. -Ч. 1: Фонетика. - С. 198-199.
- 25 Исхаков Ф.Г. Долгие гласные... - С. 166-167.
- 26 Новикова К.А. Очерки диалектов эвенского языка. - М.;Л., 1960. - С. 58.
- 27 Рамстедт Г. Грамматика корейского языка. - С. 45.
- 28 Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика. - С. 77-78. (Об изменении взгляда Санжеева на хронологические рамки III периода см. с.144).
- 29 Рорре N. Vergleichende Grammatik... - S. 93.
- 30 Руднев А.Д. Хори-бурятский говор. - С. IV.
- 31 Долгий ц, встречающийся в диалекта монгорского языка (см.: Толаева Б.Х. Монгорский язык. - М., 1973. - С. 21), совпадает с долгим ц; современного монгольского и бурятского языков и является вторичным по происхождению.
- 32 Исхаков Ф.Г. - Долгие гласные... - С. 163.
- 33 Владимирцов Б.Я. Сравнительная грамматика... - С. 176.
- 34 Санжеев Г.Д. Грамматика бурят-монгольского языка. - С. 9.
- 35 Руднев А.Д. Хори-бурятский говор. - С. П.
- 36 См. таблицу "Основные типы гласных и некоторые знаки для них", приложенную к работе: Щерба Л.В. Фонетика французского языка. - М., 1953. - С. 306.
- 37 Доржиев Д.-Н.Д., Дондуков У.-Ж. К изучению говора мухор-сибирских бурят. - С. 262.
- 38 Вудаев С.Б. Фонетические особенности цонгольского говора. - С. 125.
- 39 Отчет о работе хоринского отряда диалектологической экспедиции 1960 г. РО БФ СО АН СССР, инв. № 3015.
- 40 Убрятова Е.И. Опыт сравнительного изучения... - С. 41.
- 41 Там же. - С. 42.
- 42 Исхаков Ф.Г. Долгие гласные... - С. 90.
- 43 Там же.- С. 89.
- 44 Убрятова Е.И. Опыт сравнительного изучения... - С. 48-49.
- 45 Поливанов Е.Д. Узбекская диалектология и узбекский литературный язык. - Ташкент, 1933. - С. 19.
- 46 Кязимов Ф. Принципы сингармонизма в азербайджанском языке// Изв. АН СССР, ОЛия. - 1954. - Т. XIII, вып. 1. - С. 91.

- 47 Баскаков Н.А. Предисловие // Котвич В.Л. Исследование по алтайским языкам. - М., 1962. - С. 10.
- 48 Слова приводятся в транскрипции Б.Х. Тодаевой: Тодаева Б.Х. Монгорский язык. - С. 16, 20-21.
- 49 Зиндер Л.Р. Общая фонетика. - С. 214.
- 50 Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика... - С. 81.
- 51 Владимирцов Б.Я. Сравнительная грамматика... - С. 266.
- 52 Там же.
- 53 Руднев А.Д. Хори-бурятский говор. - С. XXVII.
- 54 Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика... - С. 12.
- 55 Руднев А.Д. Хори-бурятский говор. - С. 1.
- 56 Поппе Н.Н. Грамматика бурят-монгольского языка. - С. 16.
- 57 Раднаев Э.Р. Баргузинский говор: Автореф. канд. дис. - С. 8.
- 58 Митрошкина А.Г. Говор качугских (верхоленских) бурят: Автореф. канд. дис. - С. 9.
- 59 Матхеев Б.В. Эхирит-булагатский говор: Автореф. канд. дис. - С. 9.
- 60 Рассадин В.И. История развития отдельных фонетических явлений бурятского языка // Лингвистические исследования. - М., 1976. - С. 163.
- 61 Санжеев Г.Д. Дархатский говор и фольклор. - Л., 1931. -С.7.
- 62 Поппе Н.Н. Грамматика бурят-монгольского языка. - С. 16.
- 63 Надеяев В.М. Проект универсальной унифицированной... С. 40.
- 64 Серебренников Б.А. Вероятностные обоснования в компаративистике. - С. 114.
- 65 Там же. - С. 106, 109.
- 66 Надеяев В.М. Проект универсальной унифицированной... С. 45-46.
- 67 Серебренников Б.А. Вероятностные обоснования в компаративистике. - С. 109.
- 68 Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика... - С. 79.
- 69 Тодаева Б.Х. Монгорский язык. - С. 17.
- 70 Поппе Н.Н. Грамматика бурят-монгольского языка. - С. 18.
- 71 В некоторых бурятских говорах, например в аларском, слово 'береста' звучит как твердоярдное слово *ᠪᠢᠷᠡᠰᠡᠲᠠ* (см.: Поппе Н.Н. Аларский говор. - Л., 1930. - Ч. 1. - С. 58).
- 72 Исхаков Ф.Г. Характеристика отдельных гласных современных тюркских языков // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. - М., 1955. - Ч. 1. - С. 94.
- 73 Санжеев Г.Д. Лингвистическое введение в изучение истории письменности монгольских народов. - Улан-Удэ, 1977. - С. 53.

- 74 Владимирцов Б.Я. Сравнительная грамматика... - С. 171.
- 75 Там же.
- 76 Там же. - С. 172.
- 77 Традиционный термин "заднерядный" может быть употреблен для характеристики аллофона фонемы i только относительно, так как аллофон ɤ по отношению к аллофону i является несколько отодвинутым назад. Но он никак не может относиться к собственно заднерядным гласным. Рентгенографический анализ показывает, что ɤ в отличие от i является немного отодвинутым назад по горизонтальному положению языка и несколько открытым по вертикали. См.: Атлас звуков бурятского языка, с. 32.
- 78 Владимирцов Б.Я. Сравнительная грамматика... - С. 178-180.
- 79 Санжеев Г.Д. Лингвистическое введение... - С. 54.
- 80 В говоре боханских бурят встречаются случаи, когда сочетание uji переходит в долгий монофтонг i:, например: спмя kūjītūn ~ kūjīten > бох. х' i:teŋ 'холод'; спмя gūjixū > бох. g'i:xe 'бегать'.
- 81 Исследование бурятских говоров. - Улан-Удэ, 1968. - Вып. II. - С. 80.
- 82 Санжеев Г.Д. Дархатский говор и фольклор. - С. 7.
- 83 Рассадин В.И. История развития... - С. 163.
- 84 Традиционное деление гласных на задние и передние в данном случае четочно; по данным рентгенограмм гласные ae и oe относятся к смешанному ряду, а ü - к центральному ряду (Атлас звуков, с. 22, 23, 28).
- 85 Рассадин В.И. История развития... - С. 163.
- 86 Цыдендамбаев Ц.Б. Об ойрат-монгольских элементах в этническом составе и языке бурят -// Проблемы алтаистики и монголоведения. - М., 1975. - Вып. 2. - С. 323-324.
- 87 Павлов Д.А. Исследования по калмыцкому языку и письменности. - Алма-Ата, 1976. - С. 7.
- 88 Компаративисты предполагали, что в начальный период алтайского праязыка существовали не два согласных t и d, а один t, который развился в t и d, или d, который развился в d и t. Они допускали существование двух аллофонов одной переднеязычной смычной фонемы, которые позднее развились в самостоятельные фонемы. Сравнение монгольских слов с начальным t и d с некоторыми тюркскими словами может служить подтверждением этой гипотезы: монг. tala 'степь', dalai 'океан, море', др.-тюрк. tala 'степь', talaj 'океан, море' (ДТС, 528). Современная алтаистика начинается с периода, когда t и d рассматривались как самостоятельные фонемы, которые в позиции перед гласным i дали соответственно t'i и d'i.
- 89 Вопр. языкознания. - 1955. - № 5. - С. 139-140.
- 90 Финно-угорские народы и Восток: Тезисы докладов. - Тарту, 1975. - С. 68-69.
- 91 Владимирцов Б.Я. Сравнительная грамматика... - С. 309, 405; Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика... - С. 93, 99.
- 92 Рассадин В.И. История развития... - С. 67.

93 Бураев И. Д. Спирантизация согласных в монгольских языках // Труды III Междунар. конгресса монголоведов. - Улан-Батор, 1977. - Т. II. - С. 42.

ГЛАВА III

- 1 Бодуэн де Куртене И. А. Резья и резьяне // Славянский сб.- Пб., 1876. - Т. 3. - С. 320.
- 2 Бодуэн де Куртене И. А. Там же. - С. 321.
- 3 Radloff W. Vergleichende Grammatik der nordlichen Turksprachen. - Leipzig, 1882. - I Phonetik... - S. 97.
- 4 Рясянен М. Материалы по исторической фонетике... - С. 86.
- 5 Там же.
- 6 Шербак А. М. Сравнительная фонетика... - С. 121.
- 7 Там же. - С. 122.
- 8 Владимирцов Б. Я. Сравнительная грамматика... - С. 115.
- 9 Там же. - С. 118.
- 10 Трубецкой Н. С. Основы фонологии. - М., 1960. - С. 266-267.
- 11 Зиндер Л. Р. Общая фонетика. - С. 60.
- 12 Там же. - С. 56.
- 13 Трубецкой Н. С. Основы фонологии. - С. 267.
- 14 Реформатский А. А. Иерархия фонологических единиц и явления сингармонизма // Исследования по фонологии. - М., 1966. - С. 198.
- 15 Там же. - С. 197.
- 16 Там же.
- 17 Касевич В. Б. Элементы общей лингвистики. - М., 1977. - С. 48.
- 18 Там же. - С. 37.
- 19 Зиндер Л. Р. Общая фонетика. - С. 41.
- 20 Цинциус В. И. Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка. - Л., 1947. - С. 29-30.
- 21 Термины "твердые" и "мягкие" для определения гласных в монгольских языках были впервые употреблены А. Бобровниковым. (Бобровников А. А. Грамматика монголо-калмыцкого языка. - Казань, 1849. - С. 6). Более последовательную трактовку, именно как ряды, определяющие не только гласные звуки, но и весь состав слова, эти термины получили в работе В. М. Наделяева (Вестн. ЛГУ. - 1957. - № 8. - С. 127-128).
- 22 Богородицкий В. А. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками. - 2-е изд Казань, 1953. - С. 118.
- 23 Рясянен М. Материалы по исторической фонетике... - С. 119.
- 24 Богородицкий В. А. Введение в татарское языкознание... - С. 118.
- 25 Реформатский А. А. Иерархия фонологических единиц и явления сингармонизма. - С. 193.

- 26 Кязимов Ф.А. Принципы сингармонизма в азербайджанском языке. - С. 92.
- 27 Покровская Л.А. Грамматика гагаузского языка. - М., 1964. С. 74-78.
- 28 Новикова К.А. Очерки диалектов эвенского языка. - С. 55-56.
- 29 Владимирцов Б.Я. Сравнительная грамматика... - С. 123.
- 30 Серебренников Б.Я. Вероятностные обоснования в компаративистике. - М., 1974. - С. 139.
- 31 Исследование бурятских говоров. - С. 125.
- 32 Рясянен М. Материалы по исторической фонетике... - С. 86.
- 33 См. примечания к русскому изданию работы М. Рясянена "Материалы по исторической фонетике тюркских языков" (с. 215).
- 34 P o r r e N. Vergleichende Grammatik... - S. 151.
- 35 Для исторической фонологии имеет немаловажное значение привлечение заимствованных другими языками слов, точнее, установление того, в какой форме они заимствованы. Например, по заимствованным из монгольского языка словам орда, монгал ~ мунгал (ранние заимствования) нетрудно установить, что в тот период тюрко-монгольское слово ордо/и/ ~ орду ~ орда 'ставка, дворец' и самоназвание монголов произносились с неперво-слоговым а.
- 36 Санжеев Г.Д. Лингвистическое введение... - С. 43.
- 37 Архив востоковедов ЛО ИВ АН СССР, фонд 62, оп. 1, № 58.
- 38 Рясянен М. Материалы по исторической фонетике... - С. 86.
- 39 Редкие случаи диссимиляции типа ябашоо, ябашээ носят эмфатический характер.
- 40 Выше указывалось, что краткий ü встречается в непервых слогах в цакающих говорах.
- 41 Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика... - С. 84.
- 42 Цинциус В.И. Сравнительная фонетика... - С. 122.
- 43 Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика... - С. 104.
- 44 Шерба Л.В. Фонетика французского языка. - С. 76.
- 45 Вопр. языкознания. - 1955. - № 5. - С. 175.
- 46 Наделяев В.М. Артикуляционная классификация гласных // Фонетическое исследование по сибирским языкам. - Новосибирск, 1980. - С. 6.
- 47 Владимирцов Б.Я. Сравнительная грамматика... - С. 403.
- 48 Там же.
- 49 Ramstedt G. J. Einführung in die altaische Sprachwissenschaft. - S. 37-38.
- 50 Исследование бурятских говоров. - Улан-Удэ, 1968. - Вып. 2. - С. 83.
- 51 Там же. - С. 76.

- 52 Цинциус В.И. Об ареальных явлениях в области сравнительно-исторической фонетики языков алтайской общности // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. - Томск, 1973. - С. 105.
- 53 Ramstedt G. J. Einführung in die altaische... - S. 38.
- 54 Ibid. - S. 41.
- 55 Ibid. - S. 42.
- 56 Владимирцов Б.Я. Сравнительная грамматика... - С. 404.
- 57 Рясянен М. Материалы по исторической фонетике... - С. 129-132; Щербак А.И. Сравнительная фонетика... - С. 165-166; Убрятова Е.И. Опыт сравнительного изучения... - С. 69, 79-81, 88-90; Муратов С.Н. Материалы по говорам тюркоязычных греков (урумов) Донецкой области УССР // Кратк. сообщ. Ин-та народов Азии АН СССР.- 1963. - № 72. - С. 180-181; Рассадин В.И. Фонетика и лексика тофаларского языка. - Улан-Удэ, 1971. - С. 50-51.
- 58 Убрятова Е.И. Опыт сравнительного изучения... - С. 89.
- 59 Рясянен М. Материалы по исторической фонетике... - С. 137.
- 60 Ramstedt G. J. Einführung in die altaische... - S. 43.
- 61 Цинциус В.И. Сравнительная фонетика... - С. 214.
- 62 Там же. - С. 219, 222, 223.
- 63 Там же. - С. 216.
- 64 Там же.
- 65 Муратов С.Н. Материалы по говорам... - С. 181.
- 66 Древнетюркский словарь. - Л., 1969.
- 67 Убрятова Е.И. Опыт сравнительного изучения... - С. 79.
- 68 Там же. - С. 88.
- 69 Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика... - С. 91-119.
- 70 Владимирцов Б.Я. Сравнительная грамматика... - С. 397-398.
- 71 Цинциус В.И. Об ареальных явлениях... - С. 104.
- 72 Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика... - С. 40.
- 73 Руднев А.Д. Хори-бурятский говор. - С. VII.
- 74 Бондарко Л.В. Звуковой строй современного русского языка. - С. 103.
- 75 Там же. - С. 104.
- 76 Фонетические исследования по сибирским языкам. - С. 37-38.
- 77 Надеяев В.М. Артикуляционная классификация гласных. - С. 38.
- 78 Там же. - С. 39.
- 79 Там же.
- 80 Санжеев Г.Д. Старописьменный монгольский язык. - М., 1964.- С. 44.
- 81 Щербак А.М. Сравнительная фонетика... - С. 106.

82 Вся статистическая обработка материала была проведена лаборантом Г. Дырхеевой и программистом лаборатории вычислительной техники и математики Бурятского филиала Т. Пурбуевой.

83 Цифры в скобках показывают количество встречающихся в словаре сочетаний данного типа.

84 Санжеев Г. Д. Стечение согласных в монгольском языке // Историко-филологические исследования: к 75-летию академика Н. И. Конрада. - М., 1967. - С. 142.

85 Бондарко Л. В. Звуковой строй современного русского языка. - С. 122-151.

86 Владимирцов Б. Я. Сравнительная грамматика... - С. 417.

87 Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика... - С. 74

88 Золхоев В. И. Слогообразующие согласные в бурятском языке // Краткое сообщение о научно-исследовательских работах за 1961 г. - Иркутск, 1963. - С. 282-285.

89 Об аналогичном явлении во французском языке писал Л. В. Щерба. См.: Щерба Л. В. Фонетика французского языка. - С. 77.

90 Баскаков Н. А. Структура слога в тюркских языках // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. - М., 1950. - Т. 1: Фонетика. - С. 333-334.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1 Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. - М.; Л., 1938. - С. 443.

2 Вопр. языкознания. - 1955. - № 5. - С. 174.

3 Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XIV веке. - М., 1960. - С. 220, 256, 305.

4 Цыдендамбаев Ц. Б. Об эвенкийских элементах в этническом составе и языке бурят // Взаимовлияние языков в Бурятии. - Улан-Удэ, 1978. - С. 79-96.

5 Бодуэн де Куртене И. А. Резья и резьяне. - С. 225.

6 РО БФ СО АН СССР, инв. № 3080.

7 Schiefner A. Vorwort // Castren M. A. Grundzüge einer tungusischen Sprachlehre. - S. V-VIII.

8 Окладников А. П. Археологические данные о появлении первых монголов в Прибайкалье; Дебец Г. Ф. Могильник железного периода у с. Зарубино.

9 Вопр. языкознания. - 1955. - № 5. - С. 171.

10 Романов А. В., Мыреева А. Н., Барашков П. П. Взаимовлияние эвенкийского и якутского языков. - Л., 1975. - С. 146.

11 Вопр. языкознания. - 1955. - № 5. - С. 173.

12 Там же. - С. 174.

13 Зиндер Л. Р., Строева Т. В. Историческая фонетика немецкого языка. - М.; Л., 1965. - С. 6

14 Там же.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВГПИ — Бурятский государственный институт
БКИИИ — Бурятский комплексный научно-исследовательский институт
ИИЯЛИ — Государственный институт языка, литературы и истории
ЛГУ — Ленинградский государственный университет
ЛО ИВ АН СССР — Ленинградское отделение Института востоковедения Академии наук СССР
ОЛИА — Отделение литературы и языка
РО ВФ СО АН СССР — Рукописный отдел Бурятского филиала Сибирского отделения Академии наук СССР
- ДТС — Древнетюркский словарь. — Л., 1969.
КРС — Калмыцко-русский словарь. — М., 1977.
МРС — Монгольско-русский словарь/Под общей редакцией А. Лувсандэп-дэва. — М., 1957.
НРС — Оненко С. П. Напайско-русский словарь. — М., 1980.
СЛТ — Ахмапова О. С. Словарь лингвистических терминов. — М., 1969.
ССТ — МЯ — Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. — Л., 1975. — Т. 1; Л., 1977. — Т. 2.
ТРС — Туркменско-русский словарь. М., 1968.
ХРС — Баскаков Н. А., Пикижекова-Грекул А. И. Хакасско-русский словарь. — М., 1953.
ЭРС — Василевич Г. М. Эвенкийско-русский словарь. — М., 1958.
ЯРС — Якутско-русский словарь. — М., 1972.
квп — квадратная письменность.
оия — ойратский письменный язык.
сия — старописьменный монгольский язык.

алт. — алтайский яз.	нижне-уд. — нижеудинский говор
байк.-куд. — байкало-кударинский говор	сарт. — сартульский говор
бох. — боханский говор	солопск. — солонский говор
бур. — бурятский язык	совр. монг. — современный монгольский язык
венг. — венгерский язык	тув. — тувинский язык
др.-тюрк. — древнетюркский язык	туркм. — туркменский язык
калм. — калмыцкий язык	удм. — удмуртский язык
лит. яз. — литературный язык	хамн. — хамниганский говор
маньчж. — маньчжурский язык	хор. — хоринский говор
монг. — монгольский язык	чуващ. — чувашский язык
морд. — мордовский язык	эвенк. — эвенкийский язык
мухоршибр. — мухоршибирский говор	эх.-бул. — эхирит-булгатский говор
	як. — якутский язык

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Введение	6
Глава I. Становление бурятского консонантизма	23
Глава II. Становление бурятского вокализма	74
Глава III. Фонетические процессы и явления	118
Заключение	161
Примечания	169

2 р. 70 к.